

ВЕСТНИК ВОСТОЧНО-СИБИРСКОГО ИНСТИТУТА МВД России

№ 2 (81) 2017

Учредитель: Федеральное государственное казенное образовательное учреждение
высшего образования
«Восточно-Сибирский институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации»

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору в сфере массовых коммуникаций
ПИ № ФС77-64854 от 10.02.2016 г.

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых
должны быть опубликованы основные результаты диссертации на соискание
ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Подписной индекс по объединённому каталогу «Пресса России» 38836
Издаётся с июня 1997 г.
Выходит четыре раза в год

ул. Лермонтова, 110, Иркутск, 664074
тел.(3952) 410-989, 410-215, факс (3952) 411-953
Телетайп: 231-333 «Дельта»
e-mail ИМТС: esiirk@mvd.ru
e-mail Интернет: esiirk-vestnik@mvd.gov.ru

© ФГКОУ ВО ВСИ МВД России, 2017

Редакционный совет

Главный редактор журнала:

П. А. Капустюк, канд. экон. наук, заместитель начальника Восточно-Сибирского института МВД России по научной работе

Заместитель главного редактора журнала:

О. П. Грибунов, канд. юрид. наук, доцент, начальник кафедры криминалистики Восточно-Сибирского института МВД России

Члены редакционного совета:

Б. Э. Бохчулууны, д-р (Ph.D), профессор, первый заместитель начальника Университета правоохранительной службы Монголии

А. В. Варданян, д-р юрид. наук, профессор, начальник кафедры криминалистики Ростовского юридического института МВД России

Б. Я. Гаврилов, д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России

М. К. Гайдай, д-р социол. наук, профессор, профессор кафедры философии, психологии и социально-гуманитарных дисциплин Восточно-Сибирского института МВД России

А. Ю. Головин, д-р юрид. наук, профессор, директор Института права и управления Тульского государственного университета

Н. Ю. Гольчевская, д-р техн. наук, профессор, учёный секретарь учёного совета Восточно-Сибирского института МВД России

В. С. Ишигеев, д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Байкальского государственного университета

Е. Ю. Ларионова, д-р хим. наук, доцент, профессор кафедры информационно-правовых дисциплин Восточно-Сибирского института МВД России

В. В. Николюк, заслуженный деятель науки РФ, д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса Орловского юридического института МВД России им. В. В. Лукьянова

С. В. Пархоменко, д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Иркутского юридического института (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации

А. Л. Репецкая, заслуженный юрист РФ, д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Восточно-Сибирского института МВД России

Е. В. Рогова, д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Иркутского юридического института (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации

В. В. Синиченко, д-р ист. наук, профессор, начальник кафедры философии, психологии и социально-гуманитарных дисциплин Восточно-Сибирского института МВД России

И. В. Смолькова, заслуженный юрист РФ, д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса Восточно-Сибирского института МВД России

Д. А. Степаненко, д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры криминалистики Восточно-Сибирского института МВД России

З. С. Токубаев, д-р юрид. наук, профессор, заместитель начальника Карагандинской академии МВД Республики Казахстан им. Б. Бейсенова по учебной работе

А. В. Чернов, заслуженный юрист РФ, д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Восточно-Сибирского института МВД России

А. В. Шахматов, д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел Санкт-Петербургского университета МВД России

Редакционная коллегия

А. А. Ахматгатин, канд. пед. наук, доцент

Д. В. Буньковский, канд. экон. наук

Ю. Э. Голодков, канд. техн. наук, доцент

В. Ф. Гольчевский, канд. техн. наук, доцент

С. Ю. Грозин, канд. юрид. наук, доцент

А. Н. Добров, канд. юрид. наук, доцент

Ю. В. Егорова, канд. юрид. наук, доцент

Н. Ю. Жигалов, канд. юрид. наук, доцент

В. В. Загайнов, канд. юрид. наук, доцент

С. Г. Загорьян, канд. юрид. наук, доцент

В. С. Зырянов, канд. техн. наук

Т. С. Каримова, канд. пед. наук, доцент

Г. Г. Лянной, канд. юрид. наук, доцент

Н. М. Мокрецова, канд. филол. наук, доцент

И. П. Парфиненко, канд. юрид. наук, доцент

О. В. Радченко, канд. юрид. наук, доцент

Н. С. Симонова, канд. юрид. наук, доцент

А. Е. Смирнов, д-р филос. наук, доцент

П. А. Стерхов, канд. юрид. наук

С. М. Струганов, канд. пед. наук, доцент

А. Е. Ступницкий, канд. юрид. наук, доцент

В. В. Черных, д-р ист. наук, профессор

А. А. Шаевич, канд. юрид. наук, доцент

А. Н. Шаламова, канд. юрид. наук, доцент

А. В. Белых, ответственный секретарь

Публикуемые материалы отражают точку зрения автора, которая может не совпадать с мнением редколлегии.

Авторы несут полную ответственность за подбор и изложение фактов, содержащихся в статьях. Любые нарушения авторских прав преследуются по закону.

Перепечатка материалов журнала допускается только по согласованию с редакцией.

Плата с авторов за публикацию рукописей не взимается. Рукописи не возвращаются.

Подписано в печать 29.06.2017. Формат 60 × 84/8

Усл. печ. л. 22,63. Тираж 1000 экз.

Первый завод 60 экз. Заказ № 33

Научно-исследовательский и редакционно-издательский отдел

VESTNIK EASTERN SIBERIA INSTITUTE OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF THE RUSSIAN FEDERATION

No. 2 (81) 2017

The founder of the journal is Federal State Public Educational
Establishment of Higher Training
“Eastern Siberia Institute of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation”

SCIENTIFIC AND PRACTICAL JOURNAL

Registration: The Federal service for supervision in the sphere
of mass communications
PI No. FS 77-64854 dated 10 february, 2016

The journal is included into the List of the reviewed scientific publications
in which have to be the main results of theses on competition of an academic
degree of the candidate of science are published, on competition of an academic
degree of the doctor of science

Since June 1997
The journal is issued four times a year

664074, Irkutsk, Lermontova St. 110
Tel. (3952) 410-989, 410-215,
факс: (3952) 411-953,
Teletype: 231-333 «Дельта»
e-mail ИМТС: esiirk@mvd.ru
e-mail Интернет: esiirk-vestnik@mvd.gov.ru

© Eastern Siberia Institute of the Ministry
of the Interior of the Russia, 2017

Editors

Chief Editor

P. A. Kapustuk, Candidate of Economics, Deputy Chief of East-Siberian Institute of the Ministry of the Interior of Russia for Science

Deputy Chief Editor

O. P. Gribunov, Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Criminalistics Department, East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

Editorial team

B. E. Bohchuluuny, Ph. D, Professor, First Deputy Head of the Law Enforcement University of Mongolia

A. V. Vardanyan, Doctor of Law, Professor, Head of Criminalistics Department, Rostov Law Institute of the Interior of Russia

B. Ya. Gavrilov, Doctor of Law, Professor, head of the department of management of bodies of investigation of crimes of Academy of management of the Ministry of Internal Affairs of Russia

M. K. Gaidai, Doctor of Sociology, Professor, Professor of Philosophy, Psychology and Social-Humanitarian Disciplines Department, East-Siberian Institute of the Ministry of the Interior of Russia

A. Y. Golovin, Doctor of Law, Professor, Director of Law and Administration Institute of Tula State University

N. Y. Golchevskaya, Doctor of Engineering Sciences, Scientific Secretary of the Academic Council of East-Siberian Institute of the Ministry of the Interior of Russia

V. S. Ishigeev, Professor, Professor of Criminal Law and Criminology Department, Baikal State University of Economics and Law

E. Y. Larionova, Doctor of Chemical Sciences, Associate Professor, Professor of Computer Science and Legal Disciplines Department, East-Siberian Institute of the Ministry of the Interior of Russia

V. V. Nikol'yuk, Honored Scientist of Russia, Doctor of Law, Professor, Professor of Criminal Proceedings Department of Orel Law Institute of the Interior of Russia

S.V. Parkhomenko, Doctor of Law, Professor, Professor of Department of Criminal Law, Irkutsk Law Institute (branch) of the Academy of the R.F. Prosecutor General's Office

A. L. Repetskaya, Doctor of Law, Professor, Professor of Criminal Law and Criminology Department, East-Siberian Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Honored Lawyer of RF

E.V. Rogova, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of Department of Criminal Law, Irkutsk Law Institute (branch) of the Academy of the R.F. Prosecutor General's Office

V. V. Sinichenko, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Head of Philosophy, Psychology and Social-Humanitarian Disciplines Department, East-Siberian Institute of the Ministry of the Interior of Russia

I. V. Smolkova, Doctor of Law, Professor, Professor of Criminal Proceedings Department, East-Siberian Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Honored Lawyer of RF

D. A. Stepanenko, Doctor of Law, Professor, Professor of Criminalistics Department, East-Siberian Institute of the Ministry of the Interior of Russia

Z. S. Tokubaev, Doctor of Law, Professor, Deputy Chief of Karaganda Academy of the Interior of Kazakhstan Republic for academic work

A. V. Chernov, Doctor of Law, Professor, Professor of Criminal Law and Criminology Department, East-Siberian Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Honored Lawyer of RF

A. V. Shahmatov, Doctor of Law, Professor, Professor of Investigative Activity of Law Enforcement Bodies Department, St. Petersburg University of the Interior of Russia

Editorial staff

A. A. Akhmatgatin, Candidate of Pedagogic Sciences, associate professor

D. V. Bunkovsky, Candidate of Economics, associate professor

Y. E. Golodkov, Candidate of Engineering Sciences, associate professor

V. F. Golchevsky, Candidate of Engineering Sciences, associate professor

S. Y. Grozin, Candidate of Law, associate professor

A. N. Dobrov, Candidate of Law, associate professor

Y. V. Egorova, Candidate of Law, associate professor

N. Y. Zhigalov, Candidate of Law, associate professor

V. V. Zagainov, Candidate of Law, associate professor

S. G. Zagoryan, Candidate of Law, associate professor

V. S. Ziryanov, Candidate of Engineering Sciences

T. S. Karimova, Candidate of Pedagogic Sciences, associate professor

G. G. Lyannoy, Candidate of Law, associate professor

N. M. Mokretsova, Candidate of Philology, associate professor

I. P. Parfinenko, Candidate of Law, associate professor

O. V. Radchenko, Candidate of Law, associate professor

E. V. Rogova Doctor of Law, associate professor

N. S. Simonova, Candidate of Law, associate professor

A. Y. Smirnov, Doctor of Philosophy, associate professor

P. A. Sterhov, Candidate of Law, associate professor

S. M. Struganov, Candidate of Pedagogic Sciences, associate professor

A. E. Stupnitsky, Candidate of Law

V. V. Chernykh, Doctor of Historical Sciences, professor

A. A. Shaevich, Candidate of Law, associate professor

A. N. Shalamova, Candidate of Law, associate professor

A. V. Belykh, executive editor

Authors are responsible for publications contents and facts reliability.

Citation of reference sources is obligatory in case of reprint or reproduction by any means. Copyright violation is prosecuted.

The republication is allowed after the Editorial board permission only.

Publication is for free. Manuscripts are not returned.

Passed for printing on June 29th 2017. Format 60 × 84/8

Conventional printed sheets 22,63. Issue 1000 copies

Fist issue 60 copies. Order No 33

Research and Editorial-Publishing Department

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ, УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ МЕР ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

Булатов Б.Б., Николюк В.В., Шаламов В.Г. Исполнение судебных решений о применении меры уголовно-правового характера в виде штрафа	9
Варданын А.В., Грибунов О.П. Современная доктрина методико-криминалистического обеспечения расследования отдельных видов преступлений	23
Гаврилов Б.Я. Концепция начала производства по уголовному делу: законодательные мифы и реалии правоприменения	35
Звечаровский И.Э. Теоретические и прикладные аспекты применения наказания в виде реального лишения свободы	50
Иншаков С.М., Казакова В.А. Межотраслевая интеграция как предпосылка эффективности права	57
Комаров И.М., Ян Е.И. Содержание частной теории криминалистических операций и ее место в системе криминалистики	69
Можаева И.П. Уголовно-процессуальное обеспечение деятельности следственно-оперативных групп	86
Россинский С.Б. Приложение к протоколу следственного действия: признавать или не признавать как вещественное доказательство?	91
Смолькова И.В. Встречи сотрудника органа дознания, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, с подозреваемым, находящимся под стражей	104

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОВД

Малышева С.Ф., Плотникова Г.В. Исследование каркаса гипсокартона магнитным методом при производстве пожарно-технической экспертизы	114
---	-----

СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОВД

Подлиняев О.Л. Психология толпы и специфика ее разновидностей	124
--	-----

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СОДЕРЖАНИЯ, ОРГАНИЗАЦИИ И МЕТОДИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В СИСТЕМЕ ПОДГОТОВКИ КАДРОВ ДЛЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Матюшенко С.В. Межпредметные связи в преподавании дисциплины «Юридическая психология»	130
--	-----

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

Муравьев К.В. Оптимизация законодательства о мерах пресечения	139
Пупышева Л.А. Судебное производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, в свете правовых позиций Конституционного суда РФ и Верховного суда РФ	148
Черных В.В. Первый генерал-полицмейстер России А.М. Девиер и его полицейская деятельность	161
Сведения об авторах	172

CONTENS

BURNING ISSUES OF CRIMINAL LAW, CRIMINAL PROCEDURE AND FORENSIC MEASURES FOR COMBATING CRIME

Bulatov B.B., Nikolyuk V.V., Shalamov V.G. Court decision execution on application of criminal-legal measures in the form of a fine	9
Vardanyan A. V., Gribunov O.P. The modern doctrine of methodical-criminalistic secured of an investigation of certain types of crimes	23
Gavrilov B.Y. The concept of the beginning of criminal proceedings: legal myths and realities of law enforcement	35
Zvecharovskiy I.E. Theoretical and applied aspects of punishment in the form of real imprisonment	50
Inshakov S.M., Kazakova V.A. Intersectoral integration as a prerequisite of law efficiency	57
Komarov I.M., Yan E.I. Content of particular forensic operations theory and its place in the forensics system	69
Mozhayeva I.P. Criminal procedure providing of investigative team activity	86
Rossinskiy S.B. Annex to an investigative proceedings record: to recognize or not to admit as physical evidence?	91
Smolkova I.V. The meeting of the inquiry body's officer, carrying out operative investigations activity, with the suspect in custody	104

BURNING ISSUES OF LAW ENFORCEMENT FORENSIC ACTIVITY

Malysheva S.F., Plotnikova G.V. The test of gypsum board frame by magnetic method in the performance of fire-technical examination	114
---	-----

SOCIAL AND HUMANITARIAN ISSUES OF LAW ENFORCEMENT BODIES

Podlinyaev O.L.

The crowd psychology and the specific of crowd varieties 124

BURNING ISSUES OF IMPROVING THE CONTENT, ORGANIZATION AND METHODOLOGICAL SUPPORT OF ACADEMIC ACTIVITY IN THE SYSTEM OF TRAINING FOR LAW ENFORCEMENT AGENCIES

Matyushenko S.V.

Intersubject connections in teaching the discipline
"Legal psychology" 130

DISCUSSION FORUM

Muravev K.V.

Optimization of legislation on preventive measures 139

Pupysheva L.A.

Judicial proceedings to review and resolve issues related to the execution of the sentence within the meaning of the legal decisions of the Constitutional court of the Russian Federation and the Supreme Court of the Russian Federation 148

Chernykh V.V.

The first police chief general of Russia A. M. Devier and his police activities 161

About the authors 172

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ, УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ МЕР ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

Б.Б. Булатов, В.В. Николук, В.Г. Шаламов ИСПОЛНЕНИЕ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ О ПРИМЕНЕНИИ МЕРЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА В ВИДЕ ШТРАФА

В статье приводится анализ норм уголовного и уголовно-процессуального права, регламентирующих новый вид освобождения от уголовной ответственности с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, а также правовых позиций Верховного Суда РФ в этой части. На примерах новейшей судебной практики рассматриваются наиболее значимые вопросы, возникающие при исполнении судебных решений о назначении штрафа в порядке главы 51¹ УПК РФ.

Ключевые слова: меры уголовно-правового характера, судебный штраф, размер штрафа, сроки уплаты штрафа, отмена решений суда о назначении штрафа.

В.В. Bulatov, V.V. Nikolyuk, V.G. Shalamov COURT DECISION EXECUTION ON APPLICATION OF CRIMINAL- LEGAL MEASURES IN THE FORM OF A FINE

The article analyses the norms of criminal and criminal-procedural law, regulating a new kind of exemption from criminal responsibility with the purpose of criminal-legal measures in the form of court fines, and legal decisions of the RF Supreme Court in this regard. The most significant issues arising while executing court decisions on the imposition of a fine under Chapter 51.1 of the Criminal Procedure Code are examined on examples of the contemporary judicial practice.

Keywords: the measures of criminal legal nature, judicial fine, the amount of the fine, terms of fine payment, the abolition of court decisions on the fine imposition

Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК) введена новая глава 51¹ «Производство о назначении меры уголовно-правового характера при освобождении от уголовной ответственности» [1]. Данная новелла УПК наряду с нормами Уголовного кодекса

Российской Федерации (далее – УК) вызвала повышенный интерес научных и практических работников [2–10]. Соответствующие изменения и дополнения в УПК и УК обусловили принятие Пленумом Верховного Суда РФ постановления «О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по вопросам

совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» от 29 ноября 2016 г. № 56, которое содержит ряд интересных, в том числе небесспорных разъяснений [11]. В продолжение исследования указанной проблематики в рамках настоящей статьи авторы уделили основное внимание вопросам исполнения судебных решений, которые с недавнего времени стали появляться в судебной практике в связи с введением в действие норм уголовного материального и процессуального права о так называемом судебном штрафе.

Виды судебных решений о назначении штрафа в порядке главы 51¹ УПК. Закон предусматривает два варианта прекращения уголовного дела или уголовного преследования с назначением лицу меры уголовно-правового характера в виде штрафа: 1) при удовлетворении судом соответствующего ходатайства дознавателя или следователя (п. 1 ч. 5 ст. 446² УПК); 2) при прекращении уголовного дела или уголовного преследования в ходе судебного разбирательства (ст. 446³ УПК). В этих случаях суд выносит соответствующее постановление: назначается мера уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, устанавливается срок, в течение которого лицо обязано уплатить штраф, указываются также последствия уклонения от уплаты штрафа.

Анализ законодательства позволяет выстроить следующий алго-

ритм исполнения указанных судебных решений.

1. Согласно ст. 446⁴ УПК обращение к исполнению судебного решения о применении меры уголовно-правового характера должно происходить в порядке, установленном ст. 393 УПК, т.е. по общим правилам. Применительно к обсуждаемой ситуации копия постановления о назначении судебного штрафа должна направляться в орган, на который возложена обязанность его исполнения, судьей, вынесшим данное постановление.

В УПК прямо не назван орган, исполняющий судебный штраф, назначенный в порядке главы 51¹ УПК. Надлежит подчеркнуть, что Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ внесены изменения и дополнения лишь в УК и УПК. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации (далее – УИК) по-прежнему регламентирует только порядок исполнения наказаний и условного осуждения. Однако Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 326-ФЗ в Федеральный закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» введена ст. 103¹ «Исполнение судебного штрафа, назначенного в качестве меры уголовно-правового характера», где предусмотрено, что контроль за исполнением судебного штрафа лицом, которому эта мера назначена, возлагается на судебного пристава-исполнителя [12]. Законом «Об исполнительном производстве»

штраф теперь воспринимается и как наказание, назначенное по приговору суда на основании ст. 45 УК, и как мера уголовно-правового характера, назначенная на основании ст. 76² УК.

Таким образом, с учетом ч. 2 ст. 393 УПК и ч. 3 ст. 101¹ закона «Об исполнительном производстве» в случае назначения судебного штрафа в качестве меры уголовно-правового характера судья вместе с копией постановления судебному приставу-исполнителю направляет исполнительный лист.

2. Судебный штраф исполняется лицом, которому эта мера назначена, в срок, указанный судом в постановлении о назначении меры уголовно-правового характера (ч. 2 ст. 103¹ закона «Об исполнительном производстве»). Порядок исполнения судебного штрафа в законе определен несколько иначе в сравнении с порядком исполнения штрафа, назначенного в качестве наказания. Принципиальное отличие здесь заключается в следующем.

В первом случае срок уплаты штрафа устанавливается судом в постановлении о назначении данной меры уголовно-правового характера. С датой окончания этого срока связано наступление для лица соответствующих последствий: прекращение исполнительного производства или направление в суд, выдавший исполнительный документ, представления об отмене судебного штрафа.

Во втором случае штраф дол-

жен быть уплачен в течение 60 дней со дня вступления приговора суда в законную силу (ч. 1 ст. 31 УИК, ч. 4 ст. 103¹ закона «Об исполнительном производстве»).

Следовательно, ключевым моментом в механизме исполнения меры уголовно-правового характера в виде штрафа становится не только сам размер подлежащей уплате суммы, но и срок ее уплаты. В связи с этим надлежит обратить внимание на два важных вопроса: 1) какие обстоятельства принимаются во внимание судом при установлении срока оплаты штрафа; 2) возможно ли изменение срока оплаты штрафа при возникновении условий, объективно препятствующих лицу погасить всю или оставшуюся часть задолженности.

Что касается первого вопроса, то в ч. 6 ст. 446² УПК указано: срок, в течение которого лицо обязано оплатить судебный штраф, устанавливается судьей с учетом материального положения данного лица и его семьи. Соответственно в материалах дела должны находиться сведения, подтверждающие доходы и расходы лица и членов его семьи, наличие финансовых обременений (например, банковский кредит). Примечательно, что Пленум Верховного Суда РФ в п. 25.6 постановления от 29 ноября 2016 г. ограничился разъяснениями о необходимости приведения в описательно-мотивировочной части постановления о назначении судебного штрафа

также обстоятельств, учитываемых судом при определении размера судебного штрафа. Полагаем, что устанавливаемый судьей срок оплаты штрафа в данном случае требует аналогичной мотивировки со ссылкой на принятые им во внимание обстоятельства, подтвержденные материалами дела.

Изучение судебной практики применения меры уголовно-правового характера в виде штрафа показывает, что судьи устанавливают различные сроки его уплаты в пределах трех месяцев. При этом конкретный срок уплаты штрафа в описательно-мотивировочной части постановлений не обосновывается. Соответствующие судебные решения в части срока уплаты штрафа выглядят буквально следующим образом: «Судебный штраф подлежит уплате в течение десяти дней со дня вступления настоящего постановления в законную силу»; «Установить срок оплаты судебного штрафа – 3 (три) месяца»; «Установить срок для уплаты судебного штрафа 31 сутки, т. е. до 28 ноября 2016 г. включительно»; «Срок оплаты судебного штрафа определить 60 суток со дня вступления настоящего постановления в законную силу»; «Назначить Б. меру уголовно-правового характера в виде судебного штрафа в размере по 15 000 рублей за каждое совершенное им деяние, предусмотренное ч. 2 ст. 159 УК РФ, предоставив ему для оплаты срок 20 дней, т.е. до 29 но-

ября 2016 г.».

Анализируя судебные постановления о назначении штрафа в части сроков его уплаты, трудно выявить какую-либо закономерность между размером штрафа и сроком его погашения. По логике, чем больше штраф, тем большим должен быть срок его уплаты. Однако в практике нередки случаи, когда для уплаты штрафа в размере до 10 000 рублей судьи устанавливали 60-дневный срок, а для уплаты 250 000 рублей – срок в 10 дней.

Так, постановлением Муромского городского суда Владимирской области прекращено уголовное дело в отношении Е., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ст. 192 УК. На основании ст. 25¹ УПК ему назначена мера уголовно-правового характера в виде судебного штрафа в размере 250 000 рублей, установлен срок его оплаты в течение 10 дней со дня вступления постановления в законную силу [13].

Тюменский районный суд Тюменской области прекратил в соответствии со ст. 25¹ УПК уголовное дело в отношении А. по обвинению в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 158 УК, назначил ему судебный штраф в размере 8 000 рублей и установил срок его оплаты в течение 60 суток со дня вступления постановления в законную силу [14].

По второму вопросу (относительно возможности изменения

срока оплаты штрафа при возникновении условий, объективно препятствующих лицу погасить всю или оставшуюся часть задолженности) заслуживает внимания следующая информация.

Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 56 дополнено п. 7¹ постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания», где разъяснено: «С учетом того, что судебный штраф, назначаемый на основании статьи 76² УК РФ лицу, освобожденному от уголовной ответственности, не является уголовным наказанием, а относится к иным мерам уголовно-правового характера, предусмотренным разделом VI УК РФ «Иные меры уголовно-правового характера», правила статьи 46 УК РФ к назначению и исполнению судебного штрафа не применяются». Данное разъяснение Верховного Суда РФ, если иметь в виду исполнение судебного штрафа, означает, что ч. 3 ст. 46 УК, разрешающая суду одновременно с назначением наказания принять решение о рассрочке выплаты штрафа определенными частями на срок до пяти лет, не действует и применяться не может.

Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 56 дополнено также пунктом 21.2 постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря

2011 г. № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора» (в редакции постановлений Пленума от 9 февраля 2012 г. № 3, от 17 ноября 2015 г. № 51, от 22 декабря 2015 г. № 59), при этом разъяснено, что уголовно-процессуальным законом не предусмотрены продление срока исполнения решения о применении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, а также отсрочка или рассрочка исполнения такого решения.

Вместе с тем в п. 19 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 (в редакции постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 56) разъясняется: «С учетом положений части 2 статьи 104⁴ УК РФ лицо считается уклоняющимся от уплаты судебного штрафа, назначенного в соответствии со статьей 76² УК РФ, если оно не уплатило такой штраф в установленный судом срок (до истечения указанной в постановлении суда конкретной даты) без уважительных причин. Уважительными причинами неуплаты судебного штрафа могут считаться такие появившиеся после вынесения постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования обстоятельства, вследствие которых лицо лишено возможности выполнить соответствующие действия (например, нахождение на лечении в стационаре, утрата заработка или имущества ввиду обстоятельств, ко-

торые не зависели от этого лица)». Как видим, здесь фактически допускается скрытая, завуалированная отсрочка уплаты штрафа до устранения объективных причин, лишаящих лицо в установленный судом срок уплатить штраф, без процессуального оформления такой отсрочки.

Представляется, что возможность отсрочки или рассрочки уплаты штрафа, назначенного по судебному приговору в качестве наказания (чч. 2 и 3 ст. 398 УПК), может быть распространена и на штраф, назначаемый как мера уголовно-правового характера. Размеры штрафа в обоих случаях могут быть сопоставимы, однако нет никаких аргументов, кроме сугубо формальных, которые оправдывали бы запрет на отсрочку или рассрочку уплаты штрафа лицом, освобожденным от уголовной ответственности на основании ст. 76² УК и не оплачивающим штраф по уважительным причинам. Следует поддержать высказанное в литературе мнение, что в случае неуплаты судебного штрафа при определенных исключительных обстоятельствах (стихийное бедствие, резко ухудшившееся состояние здоровья, несчастный случай, травма на производстве) при наличии соответствующего ходатайства суд должен иметь возможность продлить срок его уплаты [7. С. 109]. В этой связи главу 51¹ УПК целесообразно дополнить соответствующей нормой.

3. При назначении и исполнении судебного штрафа актуальным является применение положений ст. 78 УК о сроках давности привлечения к уголовной ответственности. Их течение, говорится в ч. 3 ст. 78 УК, приостанавливается, если лицо, совершившее преступление, уклоняется от следствия и суда либо от уплаты судебного штрафа, назначенного на основании ст. 76² УК. Течение сроков давности возобновляется с момента задержания указанного лица или явки его с повинной.

В контексте ч. 3 ст. 78 УК нас интересует ситуация, когда лицо, подвергнутое судебному штрафу на основании ст. 76² УК, уклоняется от его уплаты. Разъясняя содержание ч. 3 ст. 78 УК применительно к судебному штрафу, Пленум Верховного Суда РФ ограничился следующим положением (п. 19 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 в редакции постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 56): при применении ч. 3 ст. 78 УК о приостановлении сроков давности в случае уклонения от уплаты судебного штрафа необходимо проверять доводы лица о том, что оно не уклонялось от уплаты судебного штрафа. Очевидно, что такие доводы должны подтверждаться соответствующими доказательствами, указывающими на объективный характер причин неуплаты штрафа в установленный судом срок.

В части возобновления сроков давности Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 29 ноября 2016 г. № 56 не сформулировал каких-либо позиций, хотя к этому имелись предпосылки с учетом новой редакции ч. 3 ст. 78 УК. По мнению А.П. Рыжакова, в условиях действующего правового регулирования срок давности, приостановленный в связи с уклонением подозреваемого (обвиняемого) от уплаты судебного штрафа, если он не скрывается от органов предварительного расследования или суда, нельзя возобновить. Для таких случаев автор предлагает предусмотреть третье основание (наряду с задержанием и явкой с повинной) возобновления срока давности – уплату судебного штрафа, назначенного в соответствии со ст. 76² УК. Задержание лица, освобожденного от уголовной ответственности в связи с назначением ему судебного штрафа и уклоняющегося от его уплаты, о котором упоминается в ч. 3 ст. 78 УК, возможно, полагает А. П. Рыжаков, только за совершение данным лицом иного преступления или при уклонении от расследования. После того как в соответствии со ст. 446⁵ УПК материалы уголовного дела будут возвращены в органы расследования в связи с отменой постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования и назначении судебного штрафа, подозреваемый (обвиняемый) будет объявлен в розыск. «Задержание, о котором

упоминается в ч. 4¹ ст. 396, п. 3 ч. 1 ст. 399 УПК РФ, – пишет далее А. П. Рыжаков, – это институт уголовно-исполнительного права. Применяется оно к осужденному. И уже только поэтому не может иметь какого-либо отношения к институту восстановления срока давности привлечения к уголовной ответственности» [3. С. 58].

Представляется, что при таком подходе проблема надлежащего исполнения решений о назначении судебного штрафа, в том числе возврата к производству по уголовному делу в общем порядке, несколько упрощается. Поэтому целесообразно более подробно остановиться на следующем элементе алгоритма исполнения судебных постановлений, вынесенных по правилам главы 51¹ УПК.

4. В случае неуплаты лицом судебного штрафа ст. 446⁵ УПК предусматривает отмену постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования и назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, с направлением материалов руководителю следственного органа, прокурору, в суд.

С учетом приведенной ранее позиции Пленума Верховного Суда РФ по вопросу о том, каких лиц надо считать уклоняющимися от уплаты судебного штрафа, назначенного в соответствии со ст. 76² УК (если они не уплатили такой штраф в установленный судом срок без уважительных причин), судеб-

ный пристав-исполнитель может инициировать перед судом рассмотрение представления об отмене указанного судебного решения только после выяснения причин неуплаты штрафа. Типичные ситуации, которые охватываются содержанием ст. 446⁵ УПК, характеризуются тем, что лицо сознательно, без уважительных причин не оплачивает штраф и не предпринимает никаких легальных, законных мер к аккумулярованию денежных средств, необходимых для погашения штрафа (трудоустройство, займ, продажа принадлежащего лицу имущества на праве собственности и др.).

Стандартная процедура реализации предписаний ст. 446⁵ УПК (когда в рамках производства об отмене постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования и назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа не возникает необходимости предварительного установления места нахождения лица, его доставления в судебное заседание) предполагает следующий порядок рассмотрения соответствующего представления судебного пристава-исполнителя (чч. 2, 3, 6 и 7 ст. 399 УПК): а) назначение судебного заседания; б) извещение лица, в отношении которого рассматривается вопрос об отмене постановления о назначении судебного штрафа, судебного пристава-исполнителя, прокурора о дате, времени и месте судебного заседа-

ния не позднее 14 суток до дня судебного заседания; в) предоставление судом лицу, в отношении которого рассматривается вопрос об отмене постановления о назначении судебного штрафа, возможности ознакомления с представленными в суд материалами; г) проведение судебного заседания в режиме доклада судебного пристава-исполнителя, исследования поступивших в суд материалов, заслушивания лица, в отношении которого рассматривается вопрос об отмене постановления о назначении судебного штрафа, мнения прокурора; д) вынесение судьей постановления.

В силу требований ст. 446⁵ УПК базовыми нормами, определяющими процедуру рассмотрения представления судебного пристава-исполнителя об отмене примененной меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, служат чч. 2, 3, 6 и 7 ст. 399 УПК, при разрешении указанного вопроса судьям надлежит руководствоваться также разъяснениями, данными Пленумом Верховного Суда РФ в постановлении от 20 декабря 2011 г. № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора» (в редакции постановлений Пленума от 9 февраля 2012 г. № 3, от 17 ноября 2015 г. № 51, от 22 декабря 2015 г. № 59, от 29 ноября 2016 г. № 56). Соответствующие разъяснения касаются подсудности представлений судебного пристава-исполнителя (последнее

рассматривается судом, к подсудности которого относится уголовное дело – п. 21.1), возможности возвращения судом поступивших к нему материалов из-за их неполноты для оформления и дополнения, оказания содействия в сборе необходимых сведений (п. 32).

В ст. 446⁵ УПК нет ссылки на ч. 4 ст. 399 УПК, предусматривающую возможность осужденному при рассмотрении вопросов исполнения приговора защищать свои права с помощью адвоката. Означает ли это, что адвокат не участвует по категории дел, предметом которых являются последствия неуплаты лицом судебного штрафа? Думается, что нет.

В п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2015 г. «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» весьма недвусмысленно обозначена позиция Верховного Суда России о значимости для уголовного судопроизводства принципа обеспечения права на защиту, его распространении на все стадии производства по делу. Перечень лиц, обладающих правом на защиту, приведен в соответствии с правовыми позициями Конституционного Суда России и не связывается с формальным процессуальным статусом участника уголовного процесса. Правом на защиту предлагается обеспечивать наряду с «традиционными» участниками уголовного про-

цесса (подозреваемым, обвиняемым, подсудимым) «любое иное лицо, права и свободы которого существенно затрагиваются или могут быть существенно затронуты действиями и мерами, связанными с его уголовным преследованием» [15]. Нет сомнений, что лицо, не уплатившее штраф, назначенный ему в связи с освобождением от уголовной ответственности на основании ст. 75² УК, в отношении которого судом решается вопрос о возобновлении уголовного преследования, попадает на обозначенном этапе уголовного судопроизводства в круг лиц, обладающих правом на защиту.

На практике не исключены случаи, когда лицо не только не оплачивает штраф, но и скрывается в целях уклонения от исполнения судебного решения. В связи с этим рассмотрение судьей представления судебного пристава-исполнителя об отмене постановления о назначении судебного штрафа строго по правилам чч. 2, 3, 6 и 7 ст. 399 УПК, что прямо предписано ст. 446⁵ УПК, становится затруднительным. Очевидно, что органы, исполняющие данную меру уголовно-правового характера, т.е. судебный пристав-исполнитель и суд, должны располагать соответствующими принудительными мерами, позволяющими пресечь уклонение лица от уплаты штрафа и обеспечить его участие в судебном заседании при рассмотрении вопроса об отмене судебного решения о назначении штрафа и возобновлении производ-

ства по делу. Иначе часть судебных решений, принятых в порядке главы 51¹ УПК, может оказаться фикцией из-за их игнорирования лицами, освобожденными от уголовной ответственности.

В таких ситуациях судья, руководствуясь ст. 113 УПК, вправе вынести постановление о принудительном приводе и поручить его исполнение судебным приставам. Вместе с тем основания применения этой меры процессуального принуждения не могут трактоваться широко. Привод может быть реально осуществлен, когда судебным приставом-исполнителем в суд представлены материалы о неуплате штрафа лицом, освобожденным от уголовной ответственности в порядке главы 51¹ УПК, и последний не скрывается, местонахождение его известно, при этом не является по вызову без уважительных причин. В таком случае суд выносит постановление о приводе и поручает его исполнение судебным приставам по обеспечению установленного порядка деятельности судов.

Если лицо не только не уплачивает штраф, но и скрывается, его местонахождение неизвестно, задержание и заключение под стражу такого лица законом не предусмотрено, в отличие от злостно уклоняющихся от уплаты штрафа осужденных. В части 4 ст. 32 УИК предписано применительно к таким ситуациям объявлять осужденного в розыск, с последующим его задер-

жанием на срок до 48 часов и возможностью его продления в судебном порядке до 30 суток. Подобный шаг законодателя логичен и оправдан. Задержание в данных случаях является фактически незаменимой мерой принуждения для пресечения злостного уклонения осужденного от уплаты штрафа и обеспечения его явки в судебное заседание для рассмотрения вопроса о замене ему штрафа лишением свободы. По делам о применении норм УК и УПК о назначении судебного штрафа подобных норм в законодательстве нет, хотя он отличается от штрафа как уголовного наказания лишь максимальным размером и тем, что не порождает судимость.

Упоминание в ч. 3 ст. 78 УК о задержании как основании возобновления течения сроков давности привлечения совершившего преступление лица к уголовной ответственности больше запутывает, чем проясняет анализируемую ситуацию. И все же содержание данной нормы не исключает вывода о том, что лицо, уклоняющееся от уплаты судебного штрафа, назначенного в соответствии со ст. 76² УК, может быть задержано и до того, как будет отменено постановление судьи о прекращении уголовного дела и назначении штрафа.

Применение ч. 4 ст. 32 УИК по аналогии в таких делах также недопустимо из-за отсутствия сходства правоотношений, возникающих при назначении штрафа в качестве меры

уголовно-правового характера и уголовного наказания¹.

Можно предположить, что в тех случаях, когда лицо не уплачивает штраф, скрывается, его местонахождение неизвестно, на практике рассмотрение представления судебного пристава-исполнителя об отмене судебного решения, принятого в порядке главы 51¹ УПК, будет происходить в отсутствие «штрафника». После возобновления производства по уголовному делу дознаватель, следователь получают возможность объявить подозреваемого, обвиняемого в розыск и задержать его при обнаружении (ст. 210 УПК). Однако «заочное» рассмотрение судом представления судебного пристава-исполнителя об отмене постановления, вынесенного в порядке главы 51¹ УПК, идет вразрез с требованиями ч. 2 ст. 399 УПК, согласно которой судья обязан уведомить участников о месте, дате и времени судебного заседания.

В связи с изложенным остается нерешенной проблема применения мер принуждения, с помощью которых судебный пристав-исполнитель и суд могли бы пресечь уклонение лица от уплаты штрафа и обеспе-

чить его участие в судебном заседании при рассмотрении вопроса об отмене судебного решения о назначении штрафа и возобновлении производства по делу. Если для указанной категории дел законодатель воспримет схему (задержание с последующим заключением под стражу), уже примененную им в отношении осужденных, злостно уклоняющихся от уплаты штрафа, назначенного в качестве уголовного наказания (ст. 32 УИК, п. 18 ст. 397 УПК), его надо предостеречь от допущенных серьезных ошибок, выразившихся в том, что закон не дал ответов на следующие важные в прикладном аспекте вопросы: какие органы и должностные лица вправе задерживать осужденного, злостно уклоняющегося от отбывания наказания; какой процессуальный документ должен составляться при задержании разыскиваемого осужденного; где и на каком основании надлежит содержать под стражей задержанного осужденного — в ИВС или СИЗО; обязаны ли задержавшие осужденного должностные лица сообщить прокурору и в какой срок о произведенном задержании.

В итоге возникла ситуация, когда уголовно-исполнительный закон подробно не урегулировал порядок задержания осужденных, из-за чего в правоприменительной деятельности вынужденно стала использоваться межотраслевая аналогия — уголовно-процессуальные нормы о задержании подозреваемого, кото-

¹ По мнению И. Звечаровского, реализация судебного штрафа как меры уголовно-правового характера происходит за рамками уголовно-правовых отношений [8. С. 100]. Этого не скажешь о штрафе как уголовном наказании, полностью проявляющем себя исключительно в пределах уголовно-правовых отношений.

рые лишь частично способны восполнить имеющиеся пробелы в силу специфики задержания осужденных [16]. Поэтому дополнительное правовое регулирование производства по делам об отмене постановления судьи, вынесенного по правилам главы 51¹ УПК, в части применения к лицам, скрывающимся в целях уклонения от уплаты штрафа, мер принуждения в виде задержания и заключения под стражу целесообразно осуществить с учетом юридической природы судебного штрафа (он не подпадает под действие норм УИК) и отражения в законе обозначенных выше вопросов.

Отдельно надо сказать о видах решений, которые судья может принять по результатам рассмотрения представления судебного пристава-исполнителя. В статье 446⁵ УПК установлено, что в случае неуплаты лицом штрафа суд в порядке ст. 399 УПК «отменяет постановление о прекращении уголовного дела или уголовного преследования и назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа и направляет материалы руководителю следственного органа или прокурору. Дальнейшее производство по уголовному делу осуществляется в общем порядке».

Безусловно, что судья с учетом исследования имеющихся материалов в судебном заседании и заслушивания его участников может как удовлетворить представление судебного пристава-исполнителя, так

и отказать в его удовлетворении по различным мотивам (например, судья усмотрит наличие уважительных причин неуплаты штрафа). Повторное внесение в суд представления судебным приставом-исполнителем никакими формальными сроками не ограничено. К сожалению, законодатель в ст. 446⁵ УПК назвал лишь один вид постановлений, дезориентировав тем самым правоприменителя.

Кроме того, на страницах юридической печати правильно замечено, что буквальное следование норме обязывает возвращать уголовное дело в досудебное производство, в том числе и тогда, когда дело поступило в суд с обвинительным заключением или обвинительным актом. Отсюда задается вопрос: какие действия должны предпринять органы расследования после возвращения уголовного дела, по которому собрана достаточная совокупность доказательств, и на этапе окончания с направлением в суд не допущено никаких нарушений закона? Очевидно, что для повторного рассмотрения дело должно поступить в суд на стадию производства, на которой решением о прекращении и применении меры уголовно-правового характера было прервано его поступательное движение [2; 7]. Иными словами, рассмотрение уголовного дела по существу должно продолжиться со стадии назначения и подготовки су-

дебного заседания или стадии судебного разбирательства¹.

Таким образом, порядок отмены судебного решения, принятого по правилам главы 51¹ УПК, требует дальнейшего изучения с учетом складывающейся практики в целях выработки предложений по дополнительному его правовому регулированию.

В заключение акцентируем внимание на следующем. В связи с введением в законодательство и практику новой меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа возник ряд принципиальных и практически актуальных вопросов (юридическая природа судебного штрафа; трактовка оснований и условий его применения в контексте конкуренции с иными, сходными видами освобождения от уголовной ответственности; роль потерпевшего в этих делах; стандарты доказанности вины подозреваемого, обвиняемого, позволяющие судье принять решение в соответствии с нормами главы 51¹ УПК; размер штрафа и сроки его уплаты; последствия неуплаты штрафа и др.), на многие из которых уже обратили внимание специалисты в области материального и процессуального уголовного права. В этом ряду выделяется целый блок вопро-

сов, связанных с исполнением судебных решений о назначении штрафа. От их понимания практическими работниками напрямую зависит эффективность применения данной меры уголовно-правового характера. Однако в стороне не должен стоять и законодатель. От последнего ожидаются дополнительные шаги в регламентации отношений, возникающих при реализации постановлений о назначении судебного штрафа. Авторы статьи попытались обозначить конкретные пробелы в законодательстве, требующие, по их мнению, оперативного устранения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности: Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ // Рос. газ. 2016. 8 июля.

2. Кальницкий В. В. Порядок прекращения уголовного дела (преследования) в связи с назначением судебного штрафа. URL: <http://www.iuaj.net/node/2101> (дата обращения 20.12.2016).

3. Рыжаков А. П. Новое основание прекращения дела и последствия его введения // Уголовный процесс. 2016. № 10. С. 52–58.

4. Дудченко М. Ю. Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа: возможные проблемы на практике // Там же. С. 59–63.

5. Трубникова Т. В. Производство о назначении меры уголовно-правового

¹ В статье не затрагиваются вопросы исполнения судебного штрафа, назначенного на стадии апелляционного производства. Они требуют отдельного анализа.

характера в виде судебного штрафа: сущность и гарантии от злоупотребления правом // Современное уголовно-процессуальное право России: уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования: сб. мат-лов междунар. научн.-практ. конф. (20–21 октября 2016 г.). К 60-летию д-ра юрид. наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ В. В. Николюка. Орел, 2016. С. 366–371.

6. Апостолова Н. Н. Прекращение уголовного дела или уголовного преследования с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа // Рос. юстиция. 2016. № 10. С. 34–36.

7. Кудрявцева А., Сутягин К. Судебный штраф // Уголовное право. 2016. № 6. С. 102–110.

8. Звечаровский И. О юридической природе судебного штрафа // Там же. С. 98–101.

9. Юсупов М. Вопросы применения нового вида освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа // Там же. С. 122–128.

10. Лобанова Л., Мкртчян С. Некоторые проблемы установления и реализации нового основания освобождения от уголовной ответственности // Там же. С. 111–121.

11. О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по вопросам

совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 г. № 56 г. // Рос. газ. 2016. 7 дек.

12. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности»: Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 326-ФЗ // Там же. 2016. 8 июля.

13. Дело № 1-285 / 2016 г.

14. Дело № 1–325 / 2016 г.

15. О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 июня 2015 г. № 29 г. // Рос. газ. 2015. 10 июля.

16. Булатов Б. Б., Николюк В. В. Задержание осужденного, злостно уклоняющегося от исполнения приговора (отбывания наказания) // Уголовное право. 2013. № 6. С. 96–102.

17. Булатов Б. Б., Николюк В. В. Проблемы согласования (преодоления конкуренции) норм УПК РФ и УИК РФ // Рос. юстиция. 2014. № 12. С. 46–50.

А.В. Варданян, О.П. Грибунов

**СОВРЕМЕННАЯ ДОКТРИНА МЕТОДИКО-
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ РАССЛЕДОВАНИЯ
ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ**

В настоящее время, учитывая уровень развития общественных отношений, раскрытие и расследование преступлений практически невозможно без научного осмысления. Разработка рекомендаций по расследованию отдельных видов преступлений, а также формирование и развитие методологических основ криминалистической методик является одним из приоритетных направлений развития криминалистики. Статья посвящена освещению как современного состояния методико-криминалистического обеспечения расследования отдельных видов преступлений, так и ретроспективному анализу данного вопроса.

Ключевые слова: методико-криминалистическое обеспечение, частная методика расследования преступлений, структура криминалистической методик, классификация, уровни методик.

A. V. Vardanyan, O.P. Gribunov

**THE MODERN DOCTRINE OF METHODOLOGICAL-CRIMINALISTIC
SECURED OF AN INVESTIGATION OF CERTAIN TYPES
OF CRIMES**

At present, considering the level of development of public relations, the disclosure and investigation of crimes is practically impossible without scientific understanding. The development of recommendations for the investigation of certain types of crimes, as well as the formation and development of the methodological foundations of criminalistic methodology, is one of the main coverage of both the modern of methodological-criminalistic secured investigations of certain types of crimes, and a retrospective analysis of this question.

Keywords: methodological-criminalistic secured, individual methods of investigation of crimes, the structure of forensic techniques, classification, levels techniques.

Расследование преступлений – сложный и трудоемкий процесс и для достижения положительных результатов данной деятельности требуются определенные знания и умения. Так, например, А.Ю. Головин справедливо отмечает, что деятельность следователя в современных условиях большей частью осуществляется в осложненных рядом факторов ситуациях, в связи с чем возникает потребность в логически и системно выдержанных криминалистических рекомендациях [1. С. 3]. Это говорит о том, при расследовании преступлений необходимы не только практические навыки, но также и теоретические знания, ко-

торые помогут структурировано и планомерно осуществлять процесс расследования преступлений различных категорий. Процесс формирования концепции методико-криминалистического обеспечения расследования имеет давнюю историю, тем не менее в настоящий момент остаются нерешенными значительное количество вопросов. Нами уже неоднократно освещались различные аспекты формирования частных криминалистических методик расследования преступлений, а также актуальности и востребованности проведения такого рода исследований [2; 3]. Именно поэтому состояние методико-криминалистического обеспечения расследования преступлений должно находиться и находится в научном осмыслении.

Традиционно считается, что основоположником основных идей относительно сущности преступной деятельности и методики расследования преступлений является Г. Гросс, который, аккумулировав знания и достижения всех наук о человеке, с целью решения криминалистических проблем расследования преступлений выработал универсальные правила по их расследованию. Идеи ученого, как точно подметил профессор Ю.П. Гармаев, получили дальнейшее развитие в работах криминалистов О. Венделя, Р. Гейндля, М. Геринга, Ф. Зеланда, Ф. Мейксне-

ра, Р. Рейнгарда, Р. Рейса, А. Свенсона, Г. Шнейкerta В. Штебера [4. С. 36].

К числу российских основоположников криминалистической методики расследования преступлений принято относить В.И. Громова, И.Н. Якимова, С.А. Голунского, В.И. Лебедева, А.И. Люблинского, И.М. Снегирева, А.Я. Вышинского, М.С. Строговича. Именно В.И. Громов в руководстве для правоохранительных органов «Методика расследования преступления» ввел термины «методика расследования преступлений» и «частная методика» [5]: «в середине XX в. стал появляться в арсенале криминалистической науки термин “частная криминалистическая методика”, как методика расследования отдельных видов и групп преступлений» [6. С. 17], определив тем самым основные постулаты современной криминалистической методики В своих работах В.И. Громов также выдвинул тезис о множественности методов расследования, отвергая тем самым идею существования единого метода [7. С. 19].

Процесс наиболее активного становления современных положений методико-криминалистического обеспечения расследования преступлений пришелся на 60–80 гг. прошлого столетия и был обусловлен как потребностями следственной практики, так и объемом и состоянием самого криминалистиче-

ского знания, требующего своего обобщения, систематизации и методологического обоснования [8. С. 18]. Одним из первых исследований теоретических положений криминалистической методики явилась докторская диссертация А.Н. Колесниченко «Научные и правовые основы расследования отдельных видов преступлений». В данной работе А.Н. Колесниченко представил современную структуру криминалистической методики, в которой выделил общие положения методики расследования отдельных видов преступлений. При этом в содержание методик расследования преступлений он включил: «а) общую криминалистическую характеристику данного вида преступлений; б) обстоятельства, подлежащие расследованию; в) производство первоначальных следственных действий; г) особенности построения следственных версий и производства последующих действий следователя; д) деятельность следователя по предупреждению преступлений данного вида» [9. С. 10].

Существенный вклад в развитие и становление методико-криминалистического обеспечения расследования преступлений внесли также Р.С. Белкин, И.А. Возгрин, В.К. Гавло, В.А. Образцов, О.Я. Бавев, В.Я. Колдин, В.П. Лавров и др.

Р.С. Белкин по праву признан «патриархом» существующей кон-

цепции криминалистической методики, под которой ученый понимал систему научных положений и разрабатываемых на их основе рекомендаций по организации и осуществлению расследования и предотвращению отдельных видов преступлений [10. С. 176]. При этом под частной криминалистической методикой он понимал систему элементов, взаимосвязанных и взаимопределяющих, обладающей структурой, в соответствии с которой элементы системы распределяются в определенной последовательности, образуя подсистемы. В качестве структурных элементов частной криминалистической методики Р.С. Белкин выделял: криминалистическую характеристику преступлений, определения и особенности планирования расследования, а также описание первоначальных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий [10. С. 206].

Именно структура криминалистической характеристики преступлений, как основополагающего и начального элемента частной методики расследования, заслуживала особого внимания. По мнению ученого, в нее должны быть включены: «а) характеристика исходной информации; б) система данных о способе совершения и сокрытия преступления, а также типичных последствиях его применения; в) личность вероятного преступника; г) мотивы и цели

преступления; д) некоторые обстоятельства совершения преступления. При этом все эти элементы составляют систему и связаны друг с другом» [10. С. 192]. Представляется, что отмечая системность обозначенных элементов, автор указывал на наличие между ними корреляционных связей. Данное положение нашло подтверждение во многих современных криминалистических учениях и исследованиях.

Глубокое понимание сущности криминалистической методики давал в своих работах И.А. Возгрин указывая, что «криминалистическая методика изучает закономерности организации и осуществления раскрытия, расследования и предотвращения преступлений в целях выработки в строгом соответствии с требованиями социалистической законности научно обоснованных рекомендаций по наиболее эффективному проведению судебного исследования отдельных видов преступлений» [11. С. 52]. Таким образом, в отличие от Р.С. Белкина, И.А. Возгрин включает в предмет криминалистической методики организацию расследования в рамках судебного следствия.

Кроме того, в качестве одного из основных направлений криминалистической методики И.А. Возгрин выделяет предотвращение преступлений, что получило дальнейшее развитие в научных трудах и дис-

сертационных исследованиях, посвященных криминалистической профилактике [12]. По убедительному мнению ученого, структура криминалистической методики расследования преступлений должна включать:

а) криминалистическую характеристику преступления;

б) программу (алгоритм) расследования преступления;

в) описание особенностей подготовки и проведения наиболее характерных для расследования данного вида преступлений следственных действий;

г) описание особенностей подготовки и проведения предупредительной деятельности при расследовании данного вида преступлений [11. С. 205].

Значимость последнего элемента в структуре частных криминалистических методик неоднократно отмечал и А.Ю. Головин [13. С. 52; 14].

Стоит согласиться с С.Ю. Косаревым [15. С. 127], считающим предложенную И.А. Возгриным структуру методик расследования преступлений достаточно современной и соответствующей задачам развития методико-криминалистического обеспечения противодействия преступности.

В более поздних работах И.А. Возгрин в качестве основной цели криминалистической методи-

ки видел изучение закономерностей организации именно следственной работы по уголовному преследованию лиц, совершивших преступные деяния, исключив тем самым из более раннего варианта организацию расследования в рамках судебного следствия [16. С. 240].

В.К. Гавло определяет предмет криминалистической методики как совокупность закономерностей, которые отражают оптимальную систему приемов и методик организации расследования в первоначальный и последующий период расследования, применяемых от возбуждения уголовного дела и до полного расследования его на предварительном следствии с передачей дела в суд или с его прекращением [17. С. 36]. При этом автор акцентировал внимание, что предмет криминалистической методики не содержит организацию судебного расследования, а также не включает изучение закономерностей формирования и функционирования приемов, средств и методик выявления готовящихся и совершенных преступлений, их пресечение на этапе до возбуждения уголовного дела.

Нельзя не остановиться и на понимании рассматриваемых вопросов профессором Н.П. Яблоковым. Согласно его концепции, «методика расследования преступлений – это система оптимальных приемов и способов ведения предваритель-

ного следствия и осуществления профилактической работы в специфических условиях расследования разных видов преступлений на основе соответствующей уголовно-правовой, процессуальной и криминалистической информации, знания определенных частных закономерностей, влияющих на формирование указанной системы, а также на базе данных общей научной методологии и целого комплекса иных наук» [18. С. 7–8]. Таким образом, автор справедливо отмечает целесообразность использования возможностей иных наук в процессе расследования преступлений. В этой части следует согласиться с позицией ряда ученых, что «...криминалистика это ворота, через которые в уголовный процесс внедряются достижения иных наук».

Таким образом, Н.П. Яблоков расширил перечень составляющих методики расследования преступления, включив в него: анализ сложившихся следственных ситуаций и их учет в процессе расследования, использование в процессе расследования криминалистических операций, вопросы взаимодействия, а также учет в процессе расследования корреляционных связей между элементами криминалистической характеристики преступлений.

Заслуживает внимания концепция, представленная В.Е. Корноуховым, согласно которой пред-

метод криминалистической методики расследования преступлений являются обусловленные следовой картиной закономерности поисково-познавательных процессов [19. С. 27]. Следует отметить, что на особую значимость для процесса расследования преступлений следовой картины преступного деяния обращали внимание многие ученые. Но именно в теории, предложенной В.Е. Корноуховым, «следовая картина преступления является отправным моментом процесса расследования и понимается как результат отображения преобразования структуры механизма совершения преступления», подчеркивая, что для предмета методики расследования преступлений приоритетными являются закономерности объединения групп преступлений не по уголовно-правовому критерию, а именно на основе криминалистического, которым и является «механизм совершения преступления» [19. С. 17].

Практически для всех ученых характерно понимание утопичности идеи формирования единой универсальной модели методики расследования преступлений, которую Н.А. Подольный называет «опережающей частной методикой» [20. С. 5–7]. Так, М.В. Субботина пишет: «Мы полностью согласны с Н.П. Яблоковым, что невозможно сформулировать единый метод расследования всех преступлений, он

никогда не будет работать на практике» [21. С. 15]. Р.С. Белкин относительно попыток создания единой методики расследования писал, что они «не могли увенчаться успехом потому, что такая степень обобщения неминуемо превращала подобные рекомендации в абстракцию, бесполезную для практики» [22. С. 299]. Данный постулат, по мнению С.Ю. Косарева, предопределен уже самим фактом существования огромного количества методик [15. С. 164]. По мнению большинства ученых, представляется невыполнимой задача определения единой структуры расследования для таких методик расследования, как, например, методика расследования краж и методика расследования преступлений прошлых лет и т.д. В связи с этим было предложено криминалистические методики расследования преступлений классифицировать по ряду критериев, и в рамках выделенных видов уже формировать типичную модель расследования.

Так, согласно точке зрения В.А. Образцова, все криминалистические методики расследования преступлений подразделяются на две группы: «общие методики расследования и частные методики расследования. При этом в первую группу входят методики расследования, типичные для дел разной категории (например, методика расследования событий, связанных с ложью, методика выявления и разоблачения инсценировки) и методики расследования определенных

групп криминалистически сходных видов преступлений (например, преступлений, совершаемых несовершеннолетними, преступлений, совершаемых осужденными во время отбытия наказаний, преступлений в сфере экономики). В группу частных методик входят методики расследования деяний определенных видов (например, краж, убийств), и их разновидностей (например, карманных краж, убийств, связанных с расчленением трупа потерпевшего)» [23. С. 494–495].

Серьезное внимание вопросу классификаций методик расследования уделено в работах И.А. Возгрин. Он предложил дифференцировать методики расследования по следующей схеме: «по отношению к уголовному закону на типичные и особенные (первые построены на основании уголовного кодекса, вторые по иному принципу, например, месту совершения, субъекту совершения и т.д.; по уровню конкретизации криминалистических рекомендаций на одноступенчатые, двухступенчатые и большей детализации» [16. С. 290]. В более поздних работах согласно данной классификации автор выделяет одноступенчатые и многоступенчатые методики: «по объему (либо в зависимости от полноты исследования процесса организации расследования преступлений) на полные и сокращенные методики (первые включают

весь процесс расследования, вторые определенный этап расследования); по охватываемым видам преступлений на единичные и комплексные (первые включают процесс расследования конкретных видов преступлений, вторые – расследование нескольких видов преступлений)» [24. С. 33–35].

Заслуживает внимания и классификация профессора Е.П. Ищенко, согласно которой частные методики в зависимости от конкретизации рекомендаций подразделяются на: «методики высокой степени общности (сориентированные на большую группу разнородных преступлений, например, связанных с ненадлежащим исполнением профессиональных функций в сфере производства или совершенных организованными преступными сообществами); методики средней степени общности (методики расследования группы однородных преступлений, например, преступлений против личности); методики малой степени общности (видовые, подвидовые методики расследования грабежей, краж, разбоев и т.д.); конкретные методики расследования отдельных видов и подвидов преступлений в различных типовых следственных ситуациях» [25. С. 484]. Кроме того, методики могут быть комплексными. Некоторые методики содержат рекомендации только применительно к рассле-

дованию на первоначальном этапе, а не в целом.

Также в литературе выделяется частная методика, сочетающая отдельные положения нескольких видов частных методик (например, методика расследования на первоначальном этапе квартирных краж, совершенных ранее судимыми лицами) [26. С. 816].

Отдельно следует остановиться на частных методиках, получивших в научных исследованиях название комплексных или межвидовых. Под данными методиками Ю.Л. Бойко понимает «совокупность положений, характерных для различных видов смежных преступлений, объединенных по какому-либо признаку, например, специальному субъекту, их совершающему, или объекту посягательства; либо совершению в определенных сходных условиях места, времени и т.д.; сходству мотивов и т.д.» [27. С. 35].

Вопросы классификации частных методик достаточно подробно рассмотрены в работах профессора А.В. Шмони́на. Все частные методики автором разделены на две группы: простые и комплексные. Затем в зависимости от количества объектов преступного посягательства комплексные методики делятся на монообъектные и полиобъектные. На следующем уровне простые и монообъектные комплексные методики А.В. Шмонин подразделяет на монородовые, моновидовые, моносоставные, по-

лиобъектные в зависимости от объектов преступного посягательства и их уголовно-правовой классификации. Кроме того, все обозначенные методики в зависимости от криминалистически значимых критериев могут быть подвергнуты дополнительной дифференциации [28. С. 156–158].

Значительное место вопросам систематизации методик расследования уделено в работах Ю.П. Гармаева. Так, по степени общности и уровню конкретизации методические рекомендации автор делит на общие и частные (это первый классификационный уровень). Под общей методикой Ю.П. Гармаев понимает сформированный на базовой криминалистической модели комплекс научно обоснованных рекомендаций по расследованию группы (нескольких групп) преступлений, выделенных по уголовно-правовому или криминалистическому основанию, отражающий наиболее общие закономерности подготовки, совершения и сокрытия этих преступлений, средств и приемов их расследования и предотвращения, являющийся основой для разработки и применения методик меньшей степени общности – частных криминалистических методик. При этом частная методика – это формируемый на основе базовой и в рамках соответствующей общей методики комплекс научно обоснованных рекомендаций по расследованию кон-

кретного вида преступления, выделенного по уголовно-правовому или криминалистическому основанию [4. С. 172]. Соответственно структура общих методик, согласно концепции автора, включает общие рекомендации расследования: обобщенную следовую картину, характерную для «общей» преступной деятельности; обобщенные версии, подлежащие выдвижению, разработке и проверке; общие обстоятельства, которые устанавливаются и доказываются по всем делам о преступлениях, входящих в качестве элементов в общую группу; общие ориентиры в планировании проверки версий; общие подходы в организации взаимодействия между субъектами-исполнителями методики и т.д. [4. С. 191]. В структуру частных методик, согласно мнению Ю.П. Гармаева, должны быть включены детализированные рекомендации, учитывающие специфику расследования конкретных преступлений. Таким образом, для процесса расследования представляют интерес лишь последние методики, в большей степени конкретизированные. Также Ю.П. Гармаев классифицировал частные методики на несколько уровней в связи с применением дополнительных как уголовно-правовых, так и криминалистических оснований классификации (второй классификационный уровень). В зависимости от отно-

шения к основной уголовно-правовой классификации преступлений все методики и основанные на них рекомендации подразделяются на типичные (видовые), специальные (особенные) и комплексные. Эту классификацию Ю.П. Гармаев и Л.Ф. Лубин назвали предметной [29. С. 169]. Типичные (видовые) и специальные (особенные) методики – устоявшееся в науке явление, подтвержденное многочисленными исследованиями и признанное ведущими учеными: О.Я. Баевым, Р.С. Белкиным, И.А. Возгриным, А.Ф. Волынским, В.К. Гавло, И.Ф. Герасимовым, А.А. Закатовым, Б.П. Смагоринским, А.П. Резваном и др.

К типичным относятся методики, построенные по видам преступлений, предусмотренным уголовным законом (методика расследования мошенничества – ст. 159 УК РФ, краж – ст. 158 УК РФ и им подобные). К специальным или особенным следует относить все методики расследования, построенные не на основе уголовно-правовой классификации, а по другим основаниям, например, преступления, совершаемые на транспорте. При формировании таких методик используются различные группы оснований: криминологические, уголовно-процессуальные и криминалистические [17. С. 134–154].

Представляется, что универсальность методико-криминалистических рекомендаций в такой методике должна быть обусловлена наиболее оптимальной структурой и эффективностью средств и методов, направленных на выявление, раскрытие и расследование преступлений.

Проведенный нами анализ позволил установить, что многие ученые относят в содержание частных методик расследования преступлений значительный перечень элементов, в числе которых:

- криминалистическая характеристика преступлений;
- обстоятельства, подлежащие установлению;
- особенности выявления рассматриваемых преступлений и особенности доследственной проверки;
- типичные следственные ситуации, возникающие на определенных этапах расследования (первоначальном или последующем) и алгоритм действий следователя;
- типичные версии и особенности планирования;
- особенности тактики отдельных следственных действий (первоначальных или последующих) и тактических операций;
- предупредительная деятельность следователя;
- вопросы организации взаимодействия (на первоначальном и последующем этапах);
- особенности использования специальных знаний (познаний) при расследовании преступления определенного вида;

- особенности использования криминалистических учетов и возможностей оперативных аппаратов при расследовании преступлений;

- особенности возмещения ущерба;

- особенности привлечения лица в качестве обвиняемого по делу;

- особенности преодоления противодействия процессу расследования.

Безусловно, что расхождения в подходах к структуре и содержанию частных методик расследования преступлений предопределяют, как отмечено выше, необходимость их дальнейшего исследования и детальной проработки.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Головин А.Ю. Криминалистические системы и классификации: вопросы практического использования // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2013. № 1–2. С. 3–11.
2. Варданян А.В., Кулешов Р.В. Криминалистические классификации преступлений и их системообразующая роль в формировании частных криминалистических методик расследования преступлений как научно обоснованных комплексов криминалистических рекомендаций // Рос. следователь. 2015. № 21. С. 5–10.
3. Варданян А.В., Кулешов Р.В. К вопросу о принципах формирования частных криминалистических методик // Там же. С. 7–13.
4. Гармаев Ю.В. Теоретические основы формирования криминалистических методик расследования преступле-

ний: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003. 342 с.

5. Громов В.И. Методика расследования преступлений. Руководство для органов полиции и уголовного розыска. М., 1929. 312 с.

6. Варданян А.В., Айвазова О.В. Принципы формирования частных криминалистических методик: современное состояние и пути совершенствования // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. № 1–2. С. 17–23.

7. Чурилов С.Н. Общий метод расследования преступлений: иллюзия или реальность // Вестник криминалистики. 2009. №1 (29). С. 6–11.

8. Коновалов С.И. Теоретико-методологические основы криминалистики: дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2001. 261 с.

9. Колесниченко А.Н. Научные и правовые основы расследования отдельных видов преступлений: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Харьков, 1967. 27 с.

10. Белкин Р. С. Курс советской криминалистики: В 2 т. Т. 2: Частные криминалистические теории. М.: Изд-во Академии МВД СССР, 1978. 410 с.

11. Возгрин И.А. Криминалистическая методика расследования преступлений. Минск: Высш. шк., 1983. 214 с.

12. Косов Д.В. Тактические приемы и криминалистические методы профилактики преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2007. 21 с.; Махтаев М.Ш. Проблемы криминалистического обеспечения предупреждения преступлений: дис. ... д-ра юрид. наук. М.: Академия ФСБ РФ, 2001. 472 с.; Аксенова-Сорохтей Ю. Н. Частное криминалистическое учение о профилактике преступлений несовершеннолетних: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2011. 28 с. и др.

13. Головин А.Ю. Совершенствование структуры частных криминалистических методик расследования отдельных видов преступлений // Криминалистические чтения на Байкале – 2015: материалы междунар. науч.-практ. конф. / Вост.-Сиб. фил. ФГБОУВО «РГУП». Иркутск, 2015. С. 50–53.

14. Головин А.Ю. Частные криминалистические методики: проблемы структуры и качества // Криминалист первопечатный / CRIMINALIST. 2013. № 7. С. 67–75.

15. Косарев С.Ю. Криминалистические методики расследования преступлений: генезис, современное состояние, перспективы развития: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2005. 401 с.

16. Возгрин И.А. Введение в криминалистику: история, основы теории, библиография. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. 475 с.

17. Гавло В.К. Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений. Томск: ТГУ, 1985. 333 с.

18. Яблоков, Н. П. Криминалистическая методика расследования преступлений. М.: Изд-во МГУ, 1985. 98 с.

19. Корноухов В.Е. Методика расследования преступлений: теоретические основы: монография. М.: Норма ИНФРА-М, 2016. 224 с.

20. Подольный Н.А. Опережающая частная методика расследования преступлений // Рос. следователь. 2011. № 14. С. 5–7.

21. Субботина М.В. Базовая методика расследования: суть и значение // Вестник криминалистики. 2007. № 1. С. 15–17.

22. Белкин Р.С. Курс криминалистики: Общая теория криминалистики: В 3 т. М.: Юристъ, 1997. Т. 1. 408 с.

23. Криминалистика: учебник / под ред. В.А. Образцова. М.: Юристъ, 1997. 760 с.

24. Возгрин И.А. Принципы методики расследования отдельных видов преступлений. Л.: Высш. полит. училище МВД СССР, 1977. 142 с.

25. Ищенко Е.П., Топорков А.А. Криминалистика: учебник / под ред. Е.П. Ищенко; изд. 2-е, испр. и доп. М.: Инфра-М, 2005. 696 с.

26. Князьков А.С. Криминалистика: курс лекций / под ред. проф. Н.Т. Ведерникова. Томск: ТМЛ-Пресс, 2008. 1128 с.

27. Бойко Ю.Л. Особенности методики расследования корыстно-насильственных преступлений, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел: дис. ... канд. юрид. наук. Барнаул, 2007. 275 с.

28. Шмонин А.В. Методика расследования преступлений: учебное пособие. М.: Юстицинформ, 2006. 464 с.

29. Проблемы создания криминалистических методик расследования преступлений: теория и практика / Гармаев Ю.П., Лубин А.Ф. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2006. 303 с.

Б.Я. Гаврилов

КОНЦЕПЦИЯ НАЧАЛА ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ: ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ МИФЫ И РЕАЛИИ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Статья посвящена исследованию современного состояния института возбуждения уголовного дела в УПК РФ и его негативному влиянию на обеспечение доступа к правосудию и эффективность борьбы с преступностью.

Ключевые слова: сообщение о преступлении, возбуждение уголовного дела, отказ в возбуждении уголовного дела, право на доступ к правосудию, эффективность борьбы с преступностью.

B.Y. Gavrilov

THE CONCEPT OF THE BEGINNING OF CRIMINAL PROCEEDINGS: LEGAL MYTHS AND REALITIES OF LAW ENFORCEMENT

The article investigates the current state of criminal proceedings initiation institute in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and its negative impact on access to justice and the effectiveness of the fight against crime.

Keywords: report of a crime, a criminal case initiation, the refusal to initiate criminal proceedings, the right to access to justice, the effectiveness of the fight against crime.

При исследовании проблемы современного состояния стадии возбуждения уголовного дела и ее негативного влияния на обеспечение конституционного права граждан на доступ к правосудию, возмещению причиненного преступлением вреда и снижению эффективности уровня уголовно-процессуального реагирования на сообщения о преступлениях [1. С. 7; 15. С. 21–24 и др.] автор учитывает, что российское уголовное судопро-

изводство в начале XXI в. характеризуется тем, что перед органами законодательной и исполнительной власти, российскими учеными и практикующими юристами стоит задача выработки концепции дальнейшего развития уголовной политики, в том числе в области уголовно-процессуального права, что было озвучено на парламентских слушаниях в Совете Федерации РФ 18 ноября 2013 г. и продолжено в виде обсуждения 24 июня и 23 сентября

2014 г. там же на «круглом» столе основных направлений совершенствования законодательства уголовно-правового комплекса. В числе других причин необходимость этого обусловлена также тем, что за последние годы в УПК РФ были внесены многочисленные изменения и дополнения (более чем 190 федеральными законами), не всегда носящие системный характер, а в ряде случаев имеющие характер контрреформ, что, кстати, присуще российскому законодательству, начиная с Устава уголовного судопроизводства 1864 г.

Более того, досудебное производство содержит в своей основе отдельные положения принятого более 50 лет назад УПК РСФСР и по этой причине остается чрезвычайно бюрократизированным и сущностно затратным при недостаточной эффективности. Как следствие, в суд ежегодно направляется только каждое третье уголовное дело, в силу чего уголовно-процессуальное законодательство не способно обеспечить реализацию задач, сформулированных в ст. 6 УПК РФ, основной из которых является борьба с преступностью с целью ее удержания на социально терпимом уровне.

При исследовании процессуальных правил начала производства по уголовным делам автор учитывает, что деятельность правоохрани-

тельных органов, основную составляющую которых представляют органы внутренних дел, осуществляется в условиях осложнения криминальной обстановки, обусловленной в числе других причин значительным увеличением (с 19,3 млн в 2006 г. до 30,9 млн в 2016 г.) количества зарегистрированных сообщений о преступлениях, административных правонарушениях и иных происшествиях и возрастанием, соответственно в целом объема процессуальной деятельности до 1,85 млн возбужденных уголовных дел и 6,8 млн процессуальных решений об отказе в возбуждении уголовного дела, а всего 8,65 млн в 2016 г. Для сравнения в 1992 г. количество «отказных» материалов составляло всего 1,3 млн и возбужденных уголовных дел 2,8 млн, а всего 4,1 млн. процессуальных производств [10. С. 10].

Изложенные и другие факторы позволяют автору утверждать о необходимости принципиального пересмотра правового регулирования стадии возбуждения уголовного дела [17. С. 236–239]. Однако на принципиальные изменения института возбуждения уголовного дела законодатель пока не решает, несмотря на то, что за его исключение из УПК РФ ратует значительная часть российских ученых: С.Е. Вицин [8. С. 56], Л.М. Володина [9. С. 212–217], С.И. Гирько [18. С. 16],

Ю.В. Деришев [20. С. 34–36], И.С. Дикарев и А.П. Кругликов [21. С. 341–368], А.В. Победкин и В.Н. Яшин [36. С. 140], И.Л. Петрухин [34. С. 64–70], А.А. Усачев [4. С. 72] и другие, а также практикующие юристы: Б.Я. Гаврилов (до 2007 г. заместитель начальника Следственного комитета при МВД России) [15. С. 140–146], В.В. Гордиенко (до 2006 г. начальник департамента уголовного розыска МВД России) [19. С. 5], В.В. Кожокар (помощник министра внутренних дел РФ) [25. С. 20–23] и др.

Одновременно, по мнению сторонников сохранения стадии возбуждения уголовного дела (Н.С. Алексеев, В.Г. Даев, Л.Д. Кокорев [2. С. 168], В.М. Быков [6. С. 54], С.В. Валов [7. С. 82–86], А.В. Красильников [27. С. 53–57], В.С. Шадрин [47. С. 719–721], О.В. Хитрова [44. С. 10–15] и др.), она является важным элементом современного российского уголовного процесса, обеспечивающим соблюдение прав и законных интересов его участников. Данные авторы задачу стадии уголовного процесса видят в ограждении личности от необоснованного вовлечения в уголовное судопроизводство и применения в отношении этой категории граждан мер уголовно-процессуального принуждения.

При исследовании проблемы правового регулирования стадии

возбуждения уголовного дела автор непосредственно обращается к нормам уголовно-процессуального законодательства как дореволюционной России, так и периода после Октябрьской (1917 г.) революции, отмечая при этом, что в уголовном процессе досоветского периода истории России данной стадии не существовало. Так, И.Я. Фойницкий писал: «В последовательном развитии производства по делам уголовным мы можем различать следующие стадии: 1) предварительное исследование; 2) предание суду; 3) приговорительные к суду распоряжения; 4) окончательное производство; 5) особые порядки его; 6) пересмотр приговоров; 7) исполнение приговоров» [43. С. 352].

Не содержал процессуальных норм о возбуждении и об отказе в возбуждении уголовного дела и первый УПК РСФСР 1922 г. и его редакция 1923 г. В соответствии со ст.ст. 94–96 УПК РСФСР 1923 г. органы дознания, следователь и прокурор обязаны были принимать все заявления по поводу совершенных кем-либо или готовящихся к совершению преступлений и без проведения каких бы то ни было проверочных действий принять решение о производстве дознания или предварительного следствия или об отказе в этом [41].

О том, что возбуждению уголовного дела не придавалось значе-

ния самостоятельной стадии и о нем говорилось только как о начальном моменте уголовного процесса, писал и Н.Н. Полянский [36. С. 123]. Аналогичную позицию высказывал и М.А. Чельцов, называвший первой стадией уголовного процесса, предварительное расследование, а возбуждение уголовного дела он считал начальным моментом уголовного процесса [46. С. 75, 231, 233].

Формирование позиции о зарождении в уголовно-процессуальной науке в качестве самостоятельной стадии возбуждения уголовного дела обусловлено практикой следственной работы 1932–1937 гг., когда Генеральным прокурором СССР были изданы ряд циркуляров,носящих характер нормативных актов, в том числе циркуляр от 5 июня 1937 г. № 41/26 (пункт второй), которым было установлено, что возбуждение уголовного дела и начало расследования может иметь место по мотивированному постановлению следственного органа, утвержденному прокурором [45]. Однако в течение более 20 лет, вплоть до принятия УПК РСФСР 1960 г. процессуальной нормы о возбуждении уголовного дела уголовно-процессуальное законодательство не содержало.

В силу отсутствия в УПК РФ стадии возбуждения уголовного дела, соответственно, не были сформулированы и нормы, предусматри-

вающие возможность проведения проверочных действий. Так, в «Настольной книге следователя» отмечалось: «Основным и необходимым условием возбуждения уголовного дела является непосредственная близость этого процессуального действия к моменту совершения преступления. Чем скорее органы государственной власти реагируют на преступления, чем скорее возбуждены уголовные дела по совершенным преступлениям, тем эффективнее борьба с ними. Закон обязывает следственные власти приступить к производству следствия немедленно после того, как они получают сведения или материалы о совершившемся преступлении» [4. С. 102].

В свою очередь профессор М.С. Строгович писал: «Возбуждение уголовного дела составляет начальный момент уголовного процесса. Существо этого процессуального момента заключается в решении... органа расследования о необходимости реагировать на тот или иной факт как на преступление» [38. С. 150]. В последующие годы учение о стадиях уголовного процесса пошло по пути признания стадии возбуждения уголовного дела как самостоятельной, это дало основание сделать вывод, противоположный утверждениям Н.Н. Полянского, И.Я. Фойницкого и других, что концепция о возбуждении

уголовного дела как начальном моменте уголовного процесса отвергнута, причем настолько, что даже не нуждается в критике [2. С. 168].

Как отмечено выше, в научной литературе явственно звучит позиция о необходимости исключения из российской системы уголовно-процессуального законодательства стадии возбуждения уголовного дела, к числу основоположников которой относится профессор А.И. Трусов [40. С. 179–180]. За это же ратует и автор [11. С. 28–32; 13. С. 27–32; 15. С. 21–24, 40–146; 14. С. 47–62].

Основания для реализации данного предложения обусловлены следующими обстоятельствами:

1. Проведением законодателем после принятия УПК РФ последовательной линии по расширению перечня следственных и иных процессуальных действий, производимых следователем, дознавателем, органом дознания в ходе проверки сообщения о преступлении. Непосредственно в принятом УПК РФ 2001 г. до возбуждения уголовного дела законодатель разрешал производство осмотра места происшествия, освидетельствования и назначение экспертизы (ч. 4 ст. 146). В последующие годы рядом федеральных законов в ходе проверки сообщения о преступлении были разрешены производство документальных проверок и ревизий с

возможностью привлечения к их участию специалистов, осмотр документов, предметов, трупов, проведение исследований и др. И, наконец, Федеральным законом от 04.03.2013 № 23-ФЗ [28] перечень производимых до возбуждения уголовного дела следственных и процессуальных действий был дополнен такими, как получение объяснения, приобретающего при определенных обстоятельствах статус доказательства по уголовному делу; назначение и производство экспертизы; изъятие образцов для сравнительного исследования; изъятие предметов и документов.

2. Необходимостью исключения из УПК РФ процессуальной нормы о возбуждении уголовного дела в силу складывающейся негативной практики снижения более чем в три раза уровня уголовно-процессуального реагирования правоохранительных органов на заявления, сообщения граждан и организаций по фактам их обращений о совершенных в отношении них противоправных деяниях, количество которых ежегодно возрастает весьма значительными темпами [10. С. 9–19].

3. Необходимостью исключения из УПК РФ ст. 148, предоставляющей правоприменителю право отказывать в возбуждении уголовного дела, что влечет за собой ряд иных негативных факторов:

– решения органов расследования об отказе возбуждения уголовного дела (в 2013–2015 гг. по 6,7–6,9 млн заявлений и сообщений о преступлениях) весьма ограничивают конституционное право граждан на доступ к правосудию и компенсацию причиненного преступлением вреда (ст. 52 Конституции РФ);

– эти решения непосредственно нарушают уголовно-процессуальный закон, поскольку от 20 до 40 % таких решений прокурорами ежегодно признаются незаконными, необоснованными и отменяются. За последние 20 лет количество возбужденных уголовных дел из числа признанных незаконными, необоснованными и отмененными хотя и увеличилось почти в 7 раз (с 31,5 тыс. в 1991 г. до 215,3 тыс. в 2013 г., 210,1 тыс. в 2015 г. и 198 тыс. в 2016 г.), однако их фактическое количество должно составлять не менее 2 млн., поскольку в числе 6,8 млн «отказных» материалов в 2016 г. более 1,1 млн составляют заявления и сообщения о кражах чужого имущества, по которым лицо не установлено, и в силу ч. 1 ст. 148 УПК РФ такие процессуальные решения являются заведомо незаконными. Еще не менее 1 млн составляют обращения граждан о причинении им различной тяжести телесных повреждений, которые фактически также являются преступлениями.

4. Дальнейшим развитием уголовно-процессуальной мысли. Так, по мнению С.И. Гирько, имеются все основания для отказа от процессуального действия, именуемого возбуждением уголовного дела, а производство по делу возбуждать (по сути – начинать) подачей заявления или сообщения о фактических событиях, содержащих противоправность [18. С. 16]. Ряд авторов, как отмечено выше, считают необходимым вообще ликвидировать возбуждение уголовного дела в качестве самостоятельной стадии уголовного процесса [8. С. 56; 42. С. 72]. По рассматриваемой проблеме есть и иные взгляды. Так, А.Н. Балашовым предлагается законодательно выделить статьи, касающиеся заявлений и сообщений о преступлениях, в самостоятельную главу УПК РФ [5. С. 54].

5. Из содержания Концепции судебной реформы РСФСР, одобренной Постановлением Верховного Совета РСФСР 24 октября 1991 г., следует вывод о необходимости отмены стадии возбуждения уголовного дела, «Поскольку цели предварительного расследования заключаются не только в установлении обстоятельств совершенного преступления, но и в определении некриминального характера события или отсутствия последнего, будет обоснованным рассматривать всякое сообщение о преступлении,

если на момент рассмотрения неочевидна его ложность, как бесспорный повод к возбуждению уголовного дела». В любом случае, когда хотя бы в минимальной степени существует вероятность того, что преступление было действительно совершено, необходимо возбуждать уголовное дело и устанавливать истину наиболее надежными средствами, т. е. действиями, облеченными в процессуальную форму [26. С. 88–89].

6. Относительно так называемой доследственной проверки, производимой в настоящее время в соответствии со ст. 144 УПК РФ, необходимо отметить следующее. По мнению авторов концепции, демократической направленности предлагаемых в ней преобразований не соответствует доследственная проверка заявлений и сообщений о совершении преступления до возбуждения уголовного дела, которая является ни чем иным, как «суррогатом расследования», способным иногда предрешить исход дела [26. С. 88].

В этой связи возникает вопрос, может ли доследственная проверка заменить предварительное расследование, или она является всего лишь продуктом, «по некоторому сходству являющимся заменой» предварительного расследования, причем «обычно неполноценной»? Возможно, более целесооб-

разно не тратить на нее время, а сразу возбуждать уголовное дело и проводить полноценное расследование, по итогам которого и принять соответствующее решение, на что справедливо обращают внимание А.П. Кругликов и И.С. Дикарев [21. С. 345].

Указанные и другие обстоятельства позволяют утверждать, что процессуальный порядок начала производства по уголовному делу должен быть принципиально изменен с исключением из УПК РФ норм о возбуждении уголовного дела и об отказе в возбуждении уголовного дела [16. С. 18].

Еще одно существенное обстоятельство заключается в том, что возбуждение уголовного дела по каждому сообщению о преступлении позволит иметь реальную картину о состоянии преступности в стране. Тот факт, что приводимые правоохранительными органами цифры о совершенных и раскрытых преступлениях не соответствуют действительности, подтвердил бывший Президент России Д.А. Медведев на совещании по безопасности на Северном Кавказе. Он в частности, сказал: «Статистика у нас лукавая, веры в нее нет. Брехня это зачастую!» (Рос. газ. 2010. 22 ноября).

Прямым следствием действия института возбуждения уголовного дела является то, что показатель преступности в России ежегодно

колеблется в зависимости от требований МВД России и Генеральной прокуратуры РФ к соблюдению учетно-регистрационной дисциплины от 32,7 % в 1989 г. до 14,9 % в 2002 г. [12. С. 20–35; 15. С. 21–24, 140–146 и др.]. Для сравнения в Германии ежегодные изменения преступности при ее количественной составляющей порядка 6 млн в год не превышают 1–1,5 % [48. С. 176–187].

За последние годы в Российской Федерации уровень регистрируемой преступности, по нашему мнению, снижается, начиная с 2006 г., когда было зарегистрировано 3,855 млн преступлений, достигнув в 2016 г. 2,3 млн, что соответствует официальному показателю преступности 1991 г. С этим согласиться мы не можем.

Также вследствие указанных причин коэффициент преступности в России в 2015–2016 гг. составил немногим соответственно 1,5 тыс. и 1,4 тыс. преступлений на 100 тыс. населения, что в 4–5 раз меньше, чем в Германии, Франции, Англии и в 8,5 раз ниже, чем в Швеции. Во-первых, это не соответствует реалиям современной криминогенной обстановки и, во-вторых, не позволяет государству принимать адекватные меры в борьбе с преступностью.

Естественно возникает вопрос: что делать? По нашему мне-

нию, возможными на сегодня являются три направления:

1. Принятие на уровне Генеральной прокуратуры РФ совместно с правоохранительными органами жестких административных мер по наведению порядка в учетно-регистрационной дисциплине. Однако такие меры ранее (в 1983 и 2005 гг.) уже применялись и эффективно они действовали не более одного года¹, когда показатель преступности значительно возрастал (на 20–30 %), после чего в течение последующих лет сокращался.

2. Условия для умышленного сокрытия преступлений от регистрации создает сосредоточение в органах внутренних дел функций как по противодействию преступности, так и по формированию статистики о ее состоянии и результатах деятельности по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений. Исходя

¹ В 1983 г. с назначением на должность министра внутренних дел СССР В.В. Федорчука десятки тысяч сотрудников милиции за нарушения учетно-регистрационной дисциплины были уволены и тысячи привлечены к уголовной ответственности. Действие в 2005–2006 гг. совместного приказа Генпрокуратуры и МВД России от 16.05.2005 № 18/350 «О мерах по укреплению законности при вынесении постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела» повлекло за собой увеличение (с 700 в 2004 г. до 2397 – в 2005 г.) привлеченных за указанные нарушения к уголовной ответственности сотрудников.

из этого, полномочия по формированию и ведению массива статистических данных о состоянии преступности Генеральной прокуратурой РФ предлагалось передать органам статистики. Однако проведенный в соответствии с приказом МВД и Госкомстата России от 7 октября 2003 г. № 774/435 по согласованию с Генеральной прокуратурой РФ эксперимент в ряде МВД, ГУВД, УВД субъектов РФ свидетельствовал, что это предложение не только принципиально не решало рассматриваемой проблемы, но и потребовало значительных финансовых затрат.

3. Принципиальное изменение начала производства по уголовному делу с учетом исторического опыта как в России, так и в уголовно-процессуальном законодательстве государств с устоявшейся системой правосудия, а также и в государствах бывшего СССР (Грузия, Молдова, страны Балтии, Казахстан, Украина).

Не менее актуальным аргументом за исключение из УПК РФ стадии возбуждения уголовного дела является и складывающаяся в последние годы следственная и судебная практика возбуждения уголовного дела при выявлении в ходе расследования новых эпизодов преступной деятельности лица, привлеченного к уголовной ответственности, или установлении новых лиц, совершивших преступления сов-

местно с лицом, в отношении которого ранее было возбуждено уголовное дело, существенно изменившаяся под непосредственным воздействием позиции Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ [25. С. 20–22].

В силу позиции высших судебных инстанций в следственной и судебной практике в числе основополагающих сегодня стоит вопрос о том, надо ли возбуждать новое уголовное в случае, когда в ходе расследования уголовного дела, возбужденного в отношении лица, которому предъявлено обвинение, установлен еще один или несколько соучастников преступления, или если в ходе расследования уголовного дела по факту совершения конкретным лицом преступления выявлены новые эпизоды его преступной деятельности? Сегодня этот вопрос разрешается достаточно неоднозначно [22. С. 5–8].

В этой связи Верховный Суд РФ как в период действия УПК РСФСР, так и УПК РФ последовательно в своих решениях утверждал, что нормы уголовно-процессуального законодательства не предусматривают обязанность органов предварительного расследования и органов дознания выносить постановление о возбуждении уголовного дела в каждом случае, когда по уголовному делу будет установлено, что к совершенному

преступлению причастно и другое лицо или в процессе предварительного расследования выявлено, что лицом, кроме преступления, по которому возбуждено уголовное дело, совершены и другие преступления.

Значимым в этом плане является определение Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда РФ от 25.11.1998 [32], которым отменено постановление Президиума Краснодарского краевого суда о возвращении дела на дополнительное расследование и, соответственно, оставлен без изменения приговор Ленинского районного суда г. Краснодара в отношении Б., осужденного по ч. 1 ст. 228, п. «в» ч. 3 ст. 228 УК РФ. Суд надзорной инстанции усмотрел существенное нарушение закона в том, что уголовное дело, по которому Б. был осужден, возбуждено только в отношении У., задержанного с марихуаной, которое затем было прекращено. Исходя из чего, краевым судом сделан вывод, что производство по делу в отношении Б. проводилось без возбуждения уголовного дела. По мнению Верховного Суда РФ, проведение расследования согласно ч. 1 ст. 129 УПК действительно возможно лишь после возбуждения уголовного дела. Однако ни ст. 129, ни ст. 112 УПК РСФСР не предусматривают обязанности органов предварительного следствия выносить каждый раз новое

постановление о возбуждении уголовного дела, когда по делу установлено, что к совершенному преступлению причастно другое лицо. Из материалов дела видно, что У. задержан 10 октября 1997 г. и в этот же день вынесено постановление о возбуждении уголовного дела по признакам преступления, предусмотренного ч.1 ст. 228 УК РФ. Но еще до возбуждения уголовного дела, во время доставления У. в ЛОВД и обнаружения у него марихуаны он заявил, что приобрел ее у Б. При обыске 11 октября 1998 г. у Б. было изъято 16,44 г марихуаны, последний был задержан, 14 октября ему предъявлено обвинение и он заключен под стражу. По мнению Верховного Суда РФ, действия У. и Б. взаимосвязаны, расследование проводилось в отношении них одновременно в рамках возбужденного дела и выносить постановление о возбуждении уголовного дела специально в отношении Б. не требовалось.

При принятии УПК РФ позиция законодателя в части возбуждения уголовного дела и проведения расследования в указанных выше случаях принципиально не изменилась, на что указывает и содержание ч. 1 ст. 448 УПК РФ, устанавливающей возможность привлечения лица в качестве обвиняемого по уголовному делу, возбужденному в отношении другого лица.

Указанное требование закона подтверждается и судебной практикой, в том числе кассационным определением Военной коллегии Верховного Суда РФ от 20.01.2004 (дело № 6-о73-03) [23], согласно которому отменено постановление Уральского окружного военного суда от 22.10.2003 о прекращении уголовного дела в отношении Л., С. и М. на основании п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ, поскольку в постановлении о возбуждении уголовного дела отсутствуют какие-либо сведения о возбуждении уголовного дела в отношении указанных лиц. В данном определении подтверждены обоснования, приведенные выше в определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 25.11.1998.

Как отмечено выше, другая правовая проблема, требующая своего разрешения, связана с выявлением в ходе расследования уголовного дела новых эпизодов преступной деятельности лица, в отношении которого ранее было возбуждено уголовное дело. В этой связи Верховный Суд РФ в кассационном определении от 25.09.2006 (дело № 14-о06-29) [24] указал, что ни ст. 146, ни ст. 149 УПК РФ не предусматривают обязанности органов следствия и дознания выносить каждый раз новое постановление о возбуждении уголовного дела в случаях, когда по делу будет уста-

новлено совершение других преступлений лицом, в отношении которого возбуждено уголовное дело. Таким образом, этим лицам может быть предъявлено обвинение и без дополнительного вынесения следователем постановления о возбуждении уголовного дела.

Позиция Конституционного Суда РФ по изложенным выше вопросам до определенного периода вполне сочеталась с указанной выше судебной практикой Верховного Суда РФ. Например, согласно определению Конституционного Суда РФ от 22.01.2004 № 79-О [29] признано законным и обоснованным расследование уголовного дела и привлечение к уголовной ответственности депутата законодательного собрания г. Санкт-Петербурга А.А. Ковалева, расследование в отношении которого происходило в рамках уже возбужденного уголовного дела и отдельное постановление о возбуждении уголовного дела непосредственно в отношении этого гражданина не выносилось. Данным определением подтверждена конституционность правового содержания ч. 1 ст. 448 УПК РФ в части обоснованности привлечения к уголовной ответственности нового лица по уже возбужденному уголовному делу.

Однако в последующие годы позиция Конституционного Суда РФ принципиально изменилась, что

наглядно видно из ряда его решений:

– из определения Конституционного Суда РФ от 18.07.2006 № 343-О [43] следует, что правовое содержание норм ч. 1 ст. 46, ч. 1 ст. 108 и ст. 171, 172 УПК РФ не предполагает возможность привлечения лица в качестве подозреваемого или обвиняемого и применение в отношении него меры пресечения в связи с подозрением (обвинением), уголовное дело по поводу которого не было возбуждено;

– о необходимости вынесения нового постановления о возбуждении уголовного дела Конституционный Суд РФ высказался и в определении от 21.12.2006 № 533-О [31]. В этом определении речь идет о дополнении предъявленного органом предварительного расследования обвинения при наличии достаточных данных, указывающих на признаки нового (дополнительно выявленного в ходе расследования) преступления. Вновь возбужденное уголовное дело при наличии других уголовных дел о совершенных тем же лицом преступлениях может быть соединено с ними в одном производстве. Одновременно Конституционный Суд РФ указал, что определение того, являются ли инкриминируемые лицу действия составной частью преступления, по поводу которого возбуждено уголовное дело, или они образуют са-

мостоятельное преступление, относительно которого должно быть возбуждено новое уголовное дело, относится к ведению уполномоченных на это органов.

Соответственно, принципиально изменилась и складывающаяся судебная практика, наглядным примером чего является ряд решений судебных инстанций. Так, в определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 60-Д-13-3 [33] по обвинению Г. уголовное дело было возбуждено по п. «б» (как минимум – совершение преступления группой лиц) ч. 4 ст. 132 УК РФ только в отношении гражданина З. По мнению Верховного Суда РФ, в отношении Г. в силу положений ст. ст. 140 и 146 УПК РФ также необходимо было вынести постановление о возбуждении уголовного дела, что, по нашему мнению, противоречит изложенной выше многолетней практике самого Верховного Суда РФ по этому вопросу.

Аналогичную позицию занимают и нижестоящие судебные инстанции. Например, согласно апелляционному определению Московского областного суда от 26.06.2014 по делу № 22-3724/2014 [3] гражданин Д. привлечен к уголовной ответственности за совершение пяти краж чужого имущества, в том числе за два преступления, уголовные дела о которых были возбуждены в

отношении других лиц. Судебная коллегия пришла к выводу о незаконности осуждения Д. по этим двум эпизодам, поскольку уголовные дела в отношении Д. по ним не возбуждались.

Изложенное свидетельствует о заформализованности ряда положений УПК РФ и анахронизме мышления в части необходимости сохранения процессуального института возбуждения уголовного дела и одновременно позволяет сформулировать вывод, что началом производства по уголовному делу должна служить не процессуальная норма о возбуждении уголовного дела, а заявление, сообщение о преступлении и, соответственно, уголовно-процессуальные нормы о возбуждении уголовного дела и об отказе в возбуждении уголовного дела из УПК РФ должны быть исключены, на что указывается в Дорожной карте дальнейшего реформирования органов внутренних дел Российской Федерации (п. 4.5) и что сегодня получило широкое экспертное осуждение.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Алексеев А.И., Овчинский В.С., Побегайло Э.Ф. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. М., 2006.
2. Алексеев Н.С., Даев В.Г., Кокорев Л.Д. Очерк развития науки советского уголовного процесса. Воронеж, 1980.
3. Апелляционное определение Московского областного суда по уголов-

ному делу № 22-3724/2014 от 26.06.2014 г. // Архив Московского областного суда за 2014 г.

4. Арсеньев Б.Я. Возбуждение уголовного дела // Настольная книга следователя / под общ. ред. Г.Н. Сафонова. М., 1949.

5. Балашов А.Н. Действительно ли возбуждение уголовного дела – первоначальная стадия уголовного процесса? // Соц. законность. 1989. № 8.

6. Быков В.М. Проблемы стадии возбуждения уголовного дела // Журнал российского права. 2006. № 7.

7. Валов С.В. Стадия возбуждения уголовного дела: pro et contra // Уголовный процесс: от прошлого к будущему: материалы междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 21 марта 2014 г.): В 2 ч. М.: Академия Следственного комитета Российской Федерации, 2014. Ч. 1.

8. Вицин С. Е. Институт возбуждения уголовного дела в уголовном судопроизводстве // Рос. юстиция. 2003. № 6.

9. Володина Л.М. Стадия возбуждения уголовного дела // Актуальные проблемы расследования преступлений: материалы междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 23 мая 2013 г.): В 2 ч. М.: Институт повышения квалификации Следственного комитета Российской Федерации. 2013. Ч. 1.

10. Гаврилов Б.Я. Современное досудебное производство и меры по его деформализации // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2016. № 1.

11. Гаврилов Б.Я. Институт возбуждения уголовного дела: генезис, современное состояние и пути совершенствования // Труды Академии управления МВД России. 2010. № 3.

12. Гаврилов Б.Я. Латентная преступность: понятие, структура, факторы латентности и меры по обеспечению до-

стоверности уголовной статистики: монография. М.: Проспект, 2007.

13. Гаврилов Б.Я. О реальности российской уголовной статистики // Законность. 1999. № 6.

14. Гаврилов Б.Я. Способна ли российская статистика о преступности стать реальной? // Гос-во и право. 2001. № 1.

15. Гаврилов Б.Я. Современная уголовная политика России: цифры и факты: монография. М., 2008.

16. Гаврилов Б.Я. Современное уголовно-процессуальное законодательство и реалии его правоприменения // Рос. следователь. 2010. № 15.

17. Гаврилов Б.Я. Уголовная политика России: научные и законодательные мифы и реалии правоприменения // Библиотека криминалиста. 2014. № 3.

18. Гирько С.И. О некоторых проблемных вопросах процессуальной регламентации ускоренного досудебного производства // Рос. следователь. 2010. № 15.

19. Гордиенко В.В. Законодательные новеллы и их роль в повышении эффективности борьбы с преступностью // Там же. 2011. № 16.

20. Деришев Ю.В. Стадия возбуждения уголовного дела – реликт «социалистической» законности // Рос. юстиция. 2003. № 8.

21. Дикарев И.С., Кругликов А.П. и др. Сущность и актуальные проблемы стадии возбуждения уголовного дела: монография. М.: Юрлитинформ, 2012.

22. Калиновский К.Б. Всегда ли следует возбуждать уголовное дело при обнаружении нового преступления или нового лица? // Рос. следователь. 2009. № 6.

23. Кассационное определение Военной коллегии Верховного Суда РФ от 20.01.2004 по делу № 6-о73-03 // СПС Консультант-Плюс.

24. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 25.09.2006 по делу 14-о06-29 // Там же.

25. Кожокарь В.В. Возбуждение уголовного дела: правовая позиция Конституционного Суда и Верховного Суда РФ // Труды Академии управления МВД России. 2015. № 1.

26. Концепция судебной реформы в Российской Федерации / сост. С.А. Пашин. М., 1992.

27. Красильников А.В. К вопросу о содержании стадии возбуждения уголовного дела // Труды Академии управления МВД России. 2015. № 1.

28. О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 04.03.2013 №23-ФЗ // СЗ РФ. 2013. № 9. Ст. 875.

29. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ковалева Алексея Анатольевича на нарушение его конституционных прав положениями статей 24, 29, 33, 153, 226, 254 и 384 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 22.01.2004 № 79-О // ИПО «Гарант».

30. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лазарянца Андрея Эммануиловича на нарушение его конституционных прав статьями 241 и 242 Уголовного кодекса Российской Федерации, частью первой статьи 46, статьями 57, 80, частью первой статьи 108, статьями 171, 172 и 195 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 18.07.2006 № 343-О // СПС «КонсультантПлюс».

31. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Руслана

Тиграновича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 175 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 21.12.2006 № 533-О // Там же.

32. Определение Верховного Суда РФ от 25.11.1998 по делу Б., осужденному по ч. 1 ст. 228, п. «в», ч. 3 ст. 228 УК РФ // Бюл. Верховного Суда РФ. 2000. № 3. С. 19.

33. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 60-Д-13-3 // Там же. 2014. № 5. С. 23.

34. Петрухин И.Л. Возбуждение уголовного дела по действующему УПК РФ // Гос-во и право. 2005. № 1.

35. Победкин А.В., Яшин В.Н. Возбуждение уголовного дела. Теория, практика, перспективы. М., 2012.

36. Полянский Н.Н. Очерк развития советской науки уголовного процесса. М., 1960.

37. Скоромников К.С. Существующая система учета преступлений и раскрытия их нуждается в кардинальной реформе // Гос-во и право. 2000. № 1.

38. Строгович М.С. Уголовный процесс: учебник. М., 1940.

39. Скоморохов Р.В., Шиханов В.Н. Уголовная статистика: обеспечение достоверности. М., 2006.

40. Трусов А.И. Возбуждение и прекращение уголовного преследования: традиции и современность // Ученые-юристы МГУ о современном праве. М.: Городец, 2005.

41. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР. Принят постановлением ВЦИК от 15 февр. 1923 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского Правительства РСФСР. 1923. № 7. Ст. 106.

42. Усачев А.А. Некоторые вопросы оптимизации начального этапа уголовного судопроизводства // Вестник Российской правовой академии. 2005. № 4.

43. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 2. СПб., 1996.

44. Хитрова О.В. Начало уголовного процесса: научные концепции и перспективы правового регулирования // Организация деятельности органов предварительного следствия и дознания в системе МВД России: управленческие и криминалистические проблемы: материалы всерос. науч.-практич. конф.: В 2 ч. М.: Академия управления МВД России, 2012. Ч. 2.

45. Циркуляр Прокуратуры СССР от 5 июня 1937 г. № 41/26 // Соц. законность. 1937. № 7.

46. Чельцов М.А. Советский уголовный процесс / 4-е изд., испр. и перераб. М., 1962.

47. Шадрин В.С. Начальная фаза уголовного процесса: от Устава уголовного судопроизводства до действующего уголовно-процессуального закона // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 4.

48. Шулепова Л.Ф. Современное немецкое дополнительное уголовное право. М.: Юрист, 2007.

И.Э. Звечаровский

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ
НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ РЕАЛЬНОГО ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ**

В статье на основе анализа уголовного законодательства о наказании в виде лишения свободы, данных судебной статистики, характеризующих его «первичное» и «вторичное» применение, предпринята попытка показать реальные масштабы действия данного вида наказания, обращается внимание на несовершенство мер, альтернативных лишению свободы. Статья подготовлена с использованием системы Консультант Плюс.

Ключевые слова: данные судебной статистики, наказание в виде лишения свободы, удельный вес осужденных, показатели применения лишения свободы, УК РФ 1996 г.

I.E. Zvecharovski

**THEORETICAL AND APPLIED ASPECTS OF PUNISHMENT IN THE
FORM OF REAL IMPRISONMENT**

Based on the analysis of the criminal law on the punishment in the form of imprisonment, the judicial statistics data, characterizing its "primary" and "secondary" application, the article attempts to show the real extent of the punishment, draws attention to the inadequacy of measures that are alternative to imprisonment.

Keywords: judicial statistics data, the penalty of imprisonment, the proportion of convicted persons, the prevalence of imprisonment, the Criminal Code of the RF1996.

Согласно официальным данным судебной статистики в период действия УК РФ 1996 г. удельный вес наказания в виде лишения свободы в общем количестве мер уголовно-правового характера, применяемых судами к лицам, совершившим преступление, достаточно стабильно составляет около одной трети. При том, что по итогам 2015 г. этот показатель составил 33,0 %¹,

его минимальное значение составляло 28,0 % (2012 г.), максимальное – 35,1 % (2005 г.).

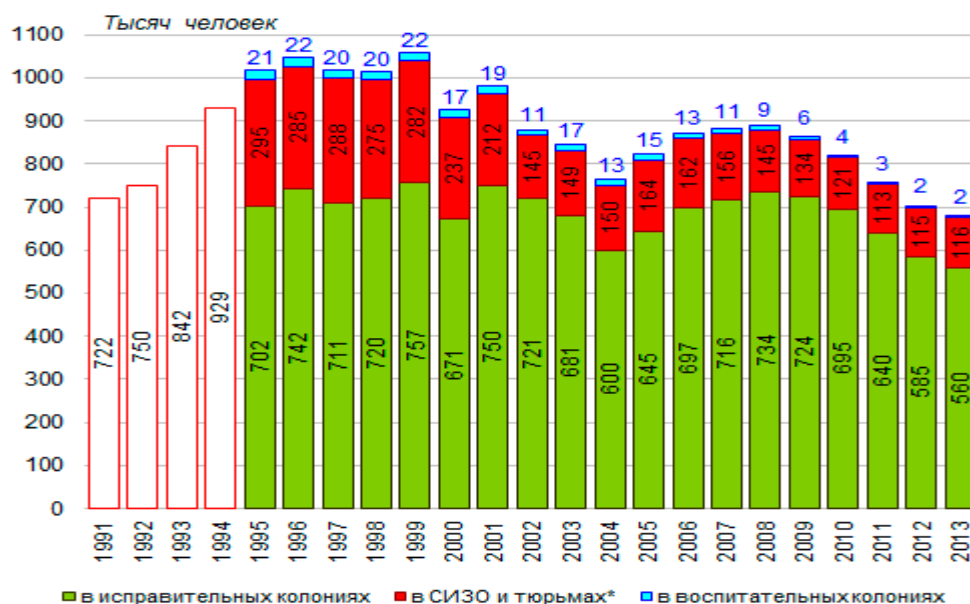
Для сравнения отметим, что в период действия УК РФ 1996 г. более значимые колебания в применении, чем приведенные, были характерны для уголовного наказания в виде штрафа (минимальное – 5,3 % в 1999 г., максимальное – 15,9 % в 2013 г.) и, особенно условного осуждения к лишению свободы (минимальное – 26,6 % в 2015 г., максимальное – 55,5 % в 2003 г.) [1, 2].

¹ Отражает соотношение между общим количеством осужденных («без учета освобожденных от наказания по амнистии и другим основаниям») и количеством осужденных к пожизненному лишению свободы и реальному лишению свободы на определенный срок.

Достаточно стабильная на протяжении около двадцати лет ситуация с применением лишения свободы наблюдается, несмотря даже на то, что за период действия УК РФ 1996 г. данный вид уголовного наказания неоднократно подвергался законодательной корректировке. На уровне его общей регламентации это касалось целого ряда вопросов: понижения минимального срока с шести до двух месяцев (ч. 2 ст. 56 УК РФ) и увеличения максимального срока до 30 и 35 лет при назначении лишения свободы по совокупности преступлений и совокупности приговоров, соответственно (ч. 5 ст. 56 УК РФ); существенной дифференциации лишения свободы в отношении несовершеннолетних (ч. 6, 6.1 ст. 88 УК РФ); расширения видов особо тяжких преступлений, за совершение которых могло быть применено пожизненное лишение свободы (ч. 1 ст. 57 УК РФ); изменения категорий осужденных при-

менительно к конкретным видам исправительных учреждений для отбывания лишения свободы (ст. 58 УК РФ). Немало изменений, связанных с лишением свободы, произошло и в рамках законодательной регламентации институтов, действие которых в той или иной мере связано с данным видом уголовного наказания, например, категорий преступлений ст. 15 УК РФ, замены неотбытой части наказания более строгим видом наказания (ч. 5 ст. 46, ч. 3 ст. 49, ч. 4 ст. 50, ч. 5 ст. 53, ч. 6 ст. 53.1 УК РФ).

При относительно стабильных показателях применения лишения свободы в период действия УК РФ 1996 г. следовало ожидать подобной стабильности и в другом показателе: количестве осужденных, отбывающих данный вид наказания. Между тем из приведенного ниже рисунка, отражающего последний показатель [3], следует, что ожидание не оправдалось.

Если к приведенным данным добавить, что по состоянию на 1 декабря 2016 г. в учреждениях уголовно-исполнительной системы содержалось 633 826 человек (что на 12 259 меньше, чем на конец 2015 г.) [4], можно сделать однозначный вывод о неуклонном (хотя и с перепадами) снижении рассматриваемого показателя. Взяв за 100 % показатель количества лиц, отбывающих лишение свободы в 1999 г. (самый высокий показатель в период действия УК РФ 1996 г.), его значение в 2001 г. было ниже на 8 %, в 2008 г. – на 16 %, в 2016 г. (за одиннадцать месяцев) – на 40 %.

Многочисленные изменения и дополнения уголовного законодательства, произошедшие с момента вступления в силу УК РФ 1996 г., помимо прочего, нередко объясняются необходимостью ограничения

уголовной репрессии и, как следствие, сужения сферы применения уголовного наказания в виде лишения свободы. Однако отмеченное выше расхождение в показателях количества осужденных к наказанию в виде реального лишения свободы с количеством реально отбывающих данный вид наказания имеет место на фоне бесспорного расширения сферы регламентации и применения этого вида наказания. Подтверждением тому может служить несколько обстоятельств.

Во-первых, это объясняется не только отмеченным выше снижением минимального срока лишения свободы и повышением его максимального предела в случаях назначения по совокупности преступлений и приговоров, но и произошедшей за рассматриваемый период времени криминализацией це-

лого ряда деяний, сопровождаемой, хотя и в альтернативе, но практически всегда включением в санкцию наказания в виде лишения свободы.

Во-вторых, среди специалистов уже стало нормальным явлением рассматривать в качестве самостоятельной и однопорядковой лишению свободы такой меры уголовно-правового характера, как условное осуждение, причем условное осуждение к лишению свободы. Согласно официальным данным судебной статистики, начиная только с 2013 г. показатель применения этой меры стал уступать по своему значению показателю реального применения лишения свободы (2013 г. – 27,6 и 28,7 %; 2014 г. – 27,8 и 29,4 %; 2015 г. – 26,6 и 33,0 %, соответственно). До 2013 г.

условное осуждение к лишению свободы значительно превосходило по уровню применения реальное лишение свободы. Это превосходство в начале двухтысячных годов достигало разницы в 20 % и более. Между тем лица, осужденные к лишению свободы с применением ст. 73 УК РФ, это лица, которым изначально назначено именно лишение свободы, причем в пределах до восьми лет. В 1997–2006 гг. количество реально и условно лишенных свободы ежегодно составляло около 80 % всех осужденных. Оставляя за рамками данной статьи полноценный анализ эффективности этой меры уголовно-правового характера, отметим, что за последние пять лет картина с ее применением выглядит следующим образом (см. табл. 1).

Таблица 1

Год	2011	2012	2013	2014	2015
Условно осуждены к лишению свободы	282 227	221 908	201 538	197 855	170 657
Рассмотрено представлений о продлении испытательного срока (ч. 2 ст. 74 УК РФ)	109 711	106 577	110 553	115 927	87 533
Рассмотрено представлений об отмене условного осуждения (ч. 3, 4 ст. 74 УК РФ)	38 240	34 386	38 021	40 005	33 965

Очевидно, что приведенные показатели по применению ч. 2, 3, 4 ст. 74 УК РФ [5] не имеют прямой зависимости с показателями применения условного осуждения по соответствующим годам. Однако общую тенденцию за этими показателями, на наш взгляд, усмотреть можно: несмотря на весьма сдержанную позицию судов в части удовлетворения представлений об отмене условного осуждения по основаниям, предусмотренным ч. 3, 4 ст. 74 УК РФ (в 2011 г. удовлетворено 60 % таких представлений, в 2012 г. – 54 %, 2013 г. – 53 %, 2014 г. – 52 %, 2015 г. – 45 %), в общем количестве условно осужденных к лишению свободы поведение более половины из них (в 2011 г. – 52,5 %, 2012 г. – 63,5 %, 2013 г. – 73,7 %, 2014 г. – 79 %, 2015 г. – 52,5 %) ¹ вызывает упреки и ставит под сомнение обоснованность ранее сделанного судом вывода о возможности их исправления без реального отбывания наказания в виде лишения свободы (ч. 1 ст. 73 УК РФ). Так или иначе, но к количеству осужденных к реальному лишению свободы («первичный показатель») в рассматриваемый период 2011–2015 гг. следует добавить количество условно осужденных, в отношении которых условное осуждение было отменено (ч. 3, 4 ст. 74 УК РФ)

¹ Суммарный показатель условно осужденных, в отношении которых вынесено представление по основаниям, предусмотренным ч. 2, 3, 4 ст. 74 УК РФ.

(«вторичный показатель»). В абсолютных показателях это количество составило: в 2011 г. – 22 903 осужденных (+ 227 114), в 2012 г. – 18 663 (+ 206 320), 2013 г. – 20 014 (+ 209 795), 2014 г. – 20 762 (+ 209 515), 2015 г. – 15 286 (+ 211 231) ².

В-третьих, серьезным источником пополнения первоначального количества осужденных к реальному лишению свободы выступает институт замены неотбытой части наказания более строгим видом наказания, регламентированный на сегодняшний день ч. 5 ст. 46, ч. 3 ст. 49, ч. 4 ст. 50, ч. 5 ст. 53, ч. 6 ст. 53.1 УК РФ. Во всех случаях речь идет о замене наказаний, не связанных с изоляцией от общества. При этом в качестве единственной альтернативы им, за исключением только одной (некратной) разновидности штрафа, в период 2011–2015 гг. выступало реальное лишение свободы. Это объясняется тем, что применение другой альтернативы, предусмотренной законом, – наказание в виде принудительных работ – было невозможно в силу отложенного действия вида наказания до 1 января 2017 г. Кстати, альтернативой принудительным работам на случай замены их более строгим видом наказания выступает также лишение свободы (ч. 6 ст. 53.1 УК РФ). О

² В скобках указано количество осужденных к реальному лишению свободы изначально.

практике применения института замены неотбытой части наказания более строгим видом наказания

можно судить по результатам, приведенным в табл. 2 [6].

Таблица 2

Год	2011	2012	2013	2014	2015
Обязательные работы	92 170	77 904	74 630	72 054	77 549
	14 821	15 323	17 615	18 305	12 745
	10 101	9 729	11 015	14 517	6 865
Исправительные работы	42 885	75 507	80 452	80 348	64 400
	25921	32 873	44 216	45 724	30 057
	18 185	21 365	28 153	28 688	16 449
Ограничение свободы	11 761	26 886	32 651	28 190	21 461
	1 031	2 533	3 561	4 342	2 824
	574	1 412	1 983	2 517	1 477
Штраф в кратном размере	-	-	-	-	-
	1 657	807	1 619	1 593	758
	632	27	106	265	171
Принудительные работы	-	-	25	7	5
	-	-	-	-	-
	-	-	-	-	-

(В каждом окне таблице первый показатель – количество осужденных к данному виду наказания; второй – количество осужденных, в отношении которых вынесено представление о замене неотбытой части наказания более строгим видом наказания; третий – количество осужденных, в отношении которых такое представление удовлетворено, т.е. ранее назначенное наказание заменено наказанием в виде лишения свободы).

Приведенные данные говорят о том, что к количеству осужденных к реальному лишению свободы в период 2011–2015 гг. следует добавить еще один (наряду с отменой условного осуждения к лишению

свободы) «вторичный показатель» – количество осужденных, которым неотбытая часть наказания, не связанного с изоляцией от общества, была заменена реальным лишением свободы: в 2011 г. – 29 492 осужденных (10 101 + 18 185 + 574 + 632); 2012 г. – 32 533; 2013 г. – 41 257; 2014 г. – 45 987; 2015 г. – 24 962 осужденных. Таким образом, с учетом двух вторичных показателей, характеризующих применение реального лишения свободы – (1) количество условно осужденных к лишению свободы, в отношении которых эта мера отменена, и (2) количество осужденных, которым наказание, не связанное с изоляцией от общества, заменено реальным

лишением свободы) – общее количество реально лишенных свободы составило: в 2011 г. – 279 509 (35,7 %), 2012 г. – 257 516 (34,8 %), 2013 г. – 271 066 (36,8 %), 2014 г. – 276 264 (38,4 %), 2015 г. – 251 479 (34,3 %¹) осужденных.

Данные, характеризующие применение института замены неотбытой части наказания более строгим видом наказания, свидетельствуют не только о том, что институт является серьезным источником пополнения осужденных к реальному лишению свободы, но и о том, что система наказаний, не связанных с изоляцией от общества, несовершенна именно как системное образование. При существующем многообразии таких видов наказаний их карательный потенциал не имеет четкой видовой специфики (за исключением, пожалуй, штрафа) и дифференциации, что для правоприменителя делает невидимой должную иерархию между ними. Как представляется, актуален этот вопрос и для законодателя, предусматривающего на случай замены наказаний фактически сразу наказание в виде реального лишения свободы. Остается надеяться, что такая ситуация изменится после 1 января 2017 г., когда наказание в виде принудительных работ составит реальную альтернативу наказанию в виде реального лишения свободы.

---

¹ Удельный вес осужденных к реальному лишению свободы в общем количестве осужденных.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Виды наказания, назначенные осужденным лицам // Основные статистические показатели состояния судимости в России за 2003–2007, 2008–2015 годы. Судебный департамент при Верховном Суде РФ: Данные судебной статистики. URL: <https://www.cdep.ru> (дата обращения 14.05.2017).
2. Преступность и правонарушение в России. Статистический аспект. М., 2003. URL: <https://www.gks.ru> (дата обращения 14.05.2017).
3. Из публикации, подготовленной Институтом демографии научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Демоскоп. 2014. 21 апр. 4 мая. № 595–596).
4. Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы // Статистические данные ФСИН. URL: <https://www.фсин.рф>. Отметим, что приведенные данные незначительно, но расходятся с данными Росстата (Федеральной службой государственной статистики). URL: <https://www.gks.ru>. (дата обращения 14.05.2017).
5. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции (№ 1) // Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2011–2015 гг. Судебный департамент при Верховном Суде РФ: Данные судебной статистики. URL: <https://www:cdep.ru>. (дата обращения 14.05.2017).
6. Таблица составлена на основе данных разделов 3, 4 отчета № 1 «О работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции» (Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2011–2015 гг. Судебный департамент при Верховном Суде РФ: Данные судебной статистики. URL: <https://www:cdep.ru>. дата обращения 14.05.2017).

С.М. Иншаков, В.А. Казакова

**МЕЖОТРАСЛЕВАЯ ИНТЕГРАЦИЯ КАК ПРЕДПОСЫЛКА
ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРАВА**

Современное уголовное законодательство после внесенных в него многочисленных изменений характеризуется бессистемностью и неэффективностью. В статье анализируется процесс сближения уголовного и административного законодательства, возврат к административной преюдиции, показано сходство уголовно-правовой и административно-правовой наказуемости, обосновывается целесообразность разработки понятия уголовного проступка.

Ключевые слова: справедливость, законность, общественная опасность, уголовные наказания, административные наказания, штраф, судебный штраф, административный штраф, обязательные работы, уголовный проступок.

S.M. Inshakov, V.A. Kazakova

**INTERSECTORAL INTEGRATION AS A PREREQUISITE
OF LAW EFFICIENCY**

After numerous changes the modern criminal legislation is characterized by absence of system and inefficiency.

The article analyses the process of approach in criminal and administrative legislation, regression to administrative prejudice. It shows the criminal and administrative sanction's similarities and justifies viability in developing the misdemeanour definition.

Keywords: Justice, legality, public danger, criminal-law punishment, administrative-law punishment, fine, court fine, administrative fine, community service, misdemeanour.

На всем протяжении действия законов усилия законодателей имели своей целью достижение их наибольшей эффективности. Эффективность всегда логически связана с целью, к которой стремится правоприменитель. Цель уголовно-правового воздействия на общественные отношения в широком

смысле совокупности норм материальных и процессуальных отраслей права, таких как уголовное, уголовно-процессуальное, уголовно-исполнительное право – максимально возможное обеспечение безопасности личности и общества от криминальных угроз.

Каждая из правовых отраслей вносит свой вклад в борьбу с преступностью. Важно, чтобы не только внутри отдельной отрасли была сформирована четкая система правового регулирования, но и между отраслями не существовало бы противоречий. Сейчас же преступность представляет собой воз с поклажей, который подвергается воздействию уголовно-правовых, уголовно-процессуальных и уголовно-исполнительных норм, а они подобно лебедю, раку и щуке тянут его в разные стороны, поэтому, как в басне И.А. Крылова, возу все нет ходу, т. е. нарушены как внутрисистемные, так и межсистемные связи законодательства уголовно-правового цикла, что ведет к малоэффективному правоприменению.

Конкретные примеры широко отражены в публикациях ученых и практических работников, нет смысла их перечислять. Достаточно назвать лишь некоторые из них, такие как:

- незаконно провозглашенный Конституционным Судом РФ запрет на назначение и применение смертной казни; а также выходящие за пределы компетенции этого органа попытки создания правовой нормы, например, в части предоставления длительного свидания осужденным к пожизненному лишению свободы;
- вопреки международному уголовному праву исключение кон-

фискации имущества из видов наказания;

- отступление от привилегии законодателя на отнесение преступлений к определенной категории тяжести за счет частичного делегирования этих полномочий суду, и как следствие этого легальная возможность назначения неадекватно мягкого наказания или освобождения от него;

- произвольное, оторванное от характера и степени общественной опасности определение размеров причиненного вреда, ущерба от преступления в формулировках диспозиций;

- игнорирование принципов законности в виде допущения аналогии (например, отсутствие среди обстоятельств, исключающих преступность деяния, причинения вреда в спорте); личной ответственности и принудительности наказания, выразившееся в возможности назначения штрафа родителям несовершеннолетнего виновного с их согласия;

- искусственно создаваемая конкуренция норм УК РФ, неоправданное введение специальных норм в целях демонстрации усиления ответственности, нередко создающих коллизии как между составами преступлений в Особенной части УК РФ, так и между нормами Общей и Особенной части УК РФ (например, в части ответственности за преступ-

ления террористической направленности); необоснованная конкуренция между квалифицирующими обстоятельствами и обстоятельствами, отягчающими наказание; конкуренция и противоречивость общих и специальных видов освобождения от ответственности и наказания;

- разрушение иерархии в перечне наказаний и его системного построения за счет изменений в их содержании, наличии недействующих наказаний, исключения ранее предусмотренных наказаний; смешение по совокупности правоограничений видов наказаний между собой и с иными мерами уголовно-правового характера (например, ограничением свободы, условным осуждением, условно-досрочным освобождением, административным надзором);

- расширение возможностей судейского произвола при назначении наказаний из-за установления небывалого диапазона между минимальным и максимальным его размером (это касается штрафа, лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, лишения свободы на определенный срок), разноречия и отсутствия логики в выборе видов наказаний в санкциях.

Связка «категория преступления, личность преступника – вид и размер наказания, а также виды освобождения от ответственности и

наказания» должна быть профессиональной, т. е. максимально определенной в законе, концептуально целеполагаемой и эффективно обеспечивающей уголовную политику государства, системной и логично объяснимой, одобряемой обществом, реализуемой на практике с учетом имеющихся ресурсов судопроизводства и пенитенциарной системы. Положения закона, обеспечивающие такую связку, представляются наиболее важными и принципиальными для обеспечения принципа справедливости в праве.

Категория справедливости, не только лежит в основе построения законодательства, но и объясняет генезис такого социального явления, как преступность. Преступление нередко является способом защиты своего статуса со стороны личности, стремлением восстановить свои нереализованные права, действительные или ложно понимаемые интересы, реакцией на несправедливое мироустройство. Естественно, что такое понимание справедливости субъективно и далеко не всегда соответствует действительности, но чем менее справедлив закон, тем больше людей склонны именно этим объяснять свое правонарушающее поведение. Идея справедливости как важнейшая категория социально-философской мысли, морального, правового и политического соз-

нения непосредственно связана с эффективностью права.

Следует констатировать, что в действующем Уголовном кодексе зависимость между преступлением и наказанием бессистемна. Отсутствуют какие-либо правила и механизм определения вида и размера наказания. Исследователями проблем назначения наказания справедливо отмечено, что «в теории уголовного права научные основы методологии назначения наказания практически не разработаны, а теоретическое описание и научное обоснование собственно процесса соотношения и соизмерения общественной опасности преступления и личности виновного со строгостью соответствующего им наказания (методика) отсутствует вовсе» [4].

Нарушения таких принципов законотворчества, как справедливость и законность, естественно, отрицательно влияют и на практику борьбы с преступностью.

Существующее положение вынужден был констатировать Президент Российской Федерации В.В. Путин, который в своем выступлении на IX Всероссийском съезде судей 6 декабря 2016 г. сделал вывод о том, что «...наше правовое поле меняется очень быстро, может быть, слишком быстро и порой несистемно, что создаёт немало угроз в процессе правоприменения» [5].

Недостатки законодательства дополняются объективными и субъективными сложностями реализации правовых норм. Некоторые из них были отмечены судебным сообществом. Они касаются перегруженности судей, неэффективности работы суда присяжных, кадровых проблем судебного корпуса, нехватки социальных гарантий.

Результатом является безнаказанность преступников и, как следствие этого, рецидив. Подавляющее большинство лиц, совершающих преступление, рассчитывают именно на это, и их расчет оправдывается. Комплексное исследование латентной преступности в России показало, что несрабатывание принципа неотвратимости ответственности – это более или менее адекватное отражение возможностей правоохранительной системы.

Создается впечатление, что продуцируя новые нормы в Уголовный кодекс, направленные на криминализацию все более широкого круга деяний, законодатель не задумывается о том, что уголовно-правовой запрет следует устанавливать только при способности государства обеспечить его реализацию.

Эффективно действующая норма уголовного права – вещь достаточно дорогостоящая. Уголовный кодекс – лишь вершина того айсберга, которым является уголовно-политический механизм. Формиро-

вание механизма эффективного функционирования Уголовного кодекса в целом и отдельных его статей требует значительных ресурсов (материальных, политических, идеологических, кадровых, информационных, научных и др.). Если общество не готово к таким затратам, вряд ли стоит «стрелять холостыми». Это может лишь дискредитировать и конкретный вариант государственного управления, и уголовный закон как один из политических рычагов.

Уголовно-правовые нормы, зафиксированные в УК РФ, обеспечены недостаточно для того, чтобы их функционирование было эффективным. Анализ латентной преступности показывает, что необходимо:

- уменьшить число уголовно-правовых норм, следовательно и число механизмов, необходимых для того, чтобы обеспечить их эффективную реализацию. Это позволит существенно повысить эффективность наиболее значимых уголовно-правовых запретов уже в рамках выделенных ресурсов;

- увеличивать средства, выделяемые на обеспечение эффективного функционирования норм уголовного права;

- более полно задействовать различные ресурсы общества (во-первых, для устранения социальных угроз, не прибегая к уголовно-правовым запретам, а, во-вторых, для более рационального и эконо-

мичного обеспечения эффективности уголовного закона).

Определенный шаг в этом направлении – введение Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением, а также заключение досудебного соглашения о сотрудничестве. По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, за шесть месяцев 2016 г. в России в таком порядке было осуждено почти 70 % лиц, совершивших преступления. Это, безусловно, экономия ресурсов судопроизводства. Но есть и противники такого упрощения уголовного процесса. Они отмечают, что «обратной стороной этих изменений стало увеличение числа квалификационных ошибок, осуждение лиц, не подлежащих уголовной ответственности либо подлежащих ей, но по другим статьям Уголовного кодекса, искусственное увеличение числа лиц, судимых за преступления небольшой и средней тяжести» [7].

Еще одна существенная мера – возврат к административной преюдиции.

Отказ от нее в первоначальной редакции УК РФ был обусловлен доктринальной позицией о том, что количество административных правонарушений не может перерасти в качественно иное явление –

общественно опасное деяние. В 2009 г. при существовании различных точек зрения ученых на эту проблему законодатель, воодушевленный посланием Президента страны Д.А. Медведева Федеральному Собранию, вернулся к идее шире использовать в уголовном законе административную преюдицию, т. е. привлекать к уголовной ответственности только в случае повторного (неоднократного) совершения административного правонарушения.

Первоначальный проект изменений в УК РФ содержал 12 таких составов. К ним были отнесены: незаконное производство аборта без тяжких последствий для здоровья потерпевшей (ч. 1 ст. 123); незаконное предпринимательство без квалифицирующих обстоятельств (ч. 1 ст. 171); производство, приобретение, хранение, перевозка или сбыт немаркированных товаров и продукции (ч. 1 ст. 171¹); незаконное использование чужого товарного знака (ч. 1 ст. 180); незаконный оборот драгоценных металлов, природных драгоценных камней или жемчуга (ч. 1 ст. 191); уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с физического лица (ч. 1 ст. 198); незаконное приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов без цели сбыта, если размер этих ве-

ществ не относится к особо крупному (ч. 1 ст. 228); сокрытие информации об обстоятельствах, создающих опасность для жизни или здоровья людей (ч. 1 ст. 237); жестокое обращение с животными (ч. 1 ст. 245); нарушение правил обращения с экологически опасными веществами и отходами (ч. 1 ст. 257); незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов (п. «б» ч. 1 ст. 256); незаконная охота (ч. 1 ст. 258) УК РФ.

Основной целью нововведения было значительно сократить количество граждан, отбывающих наказание в виде лишения свободы за действия, не представляющие повышенной опасности для общества.

К настоящему времени административная преюдиция предусмотрена в десяти составах Особенной части УК РФ. Это статьи: 116¹ УК РФ «Нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию»; 151¹ «Розничная продажа несовершеннолетним алкогольной продукции»; ч. 1 и ч. 2 ст. 157¹ «Неуплата средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей», 158¹ «Мелкое хищение, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию»; 212¹ «Неоднократное нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования»; 215⁴ «Незаконное

проникновение на охраняемый объект»; 264¹ «Нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию»; 284¹ «Осуществление деятельности на территории Российской Федерации иностранной или международной неправительственной организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации ее деятельности»; 314¹ «Уклонение от административного надзора или неоднократное несоблюдение установленных судом в соответствии с федеральным законом ограничения или ограничений».

Символично, что перечень составов в законопроекте 2009 г. ни по одному из них не совпадает с тем, в который теперь входят составы с административной преюдицией. Это скорее всего свидетельствует о непродуманности и необоснованности их выбора. Каких-либо веских аргументов в пользу первого или второго списка, а тем более научного обоснования в пояснительных записках не приводится.

В административном праве изменения в законодательстве носят такой же волюнтаристский характер. Еще более десяти лет назад специалисты отмечали, что «...законодатель не всегда внимает предостережениям ученых о нецелесообразности административной

деликтолизации тех и иных деяний, что приводило нередко к большим издержкам (например, антиалкогольные законы 80 годов прошлого столетия)... Установление (отмена) административно-правовых запретов должно быть согласовано с другими видами противоправного поведения. Важность этого требования обусловлена близостью административного правонарушения и преступления (в действующих УК РФ и КоАП РФ содержится более 90 смежных составов этих противоправных деяний), подвижностью их границ. В идеале любой перевод преступления в разряд административного правонарушения (и наоборот) должен сопровождаться одновременным внесением соответствующих изменений и дополнений в УК РФ и КоАП РФ. Нормотворческая практика пока далека от такого идеала» [9]. С тех пор ничего в этом отношении не изменилось.

Еще одно доказательство ответственности уголовного и административного законодательства – схожесть мер воздействия на правонарушителей, в частности наказаний.

Применение при этом единых терминов для различных понятий способно запутать не только граждан, чье правосознание необходимо повышать путем разъяснения основ законодательства, но и правоприменителей. Яркий тому пример – штраф, который может быть видом

административного наказания, видом уголовного наказания, а с 3 июля 2016 г. еще и иной мерой уголовно-правового характера.

В КоАП РФ предусмотрен штраф для граждан, должностных лиц и юридических лиц. Размер административного штрафа не может быть менее ста рублей. В зависимости от вида и повторности правонарушения это наказание устанавливается для граждан в размере до пяти сот тысяч рублей, для должностных лиц – до одного миллиона рублей, для юридических лиц – до шестидесяти миллионов рублей. Кроме того, в соответствии со ст. 3.5 КоАП РФ существует четырнадцать вариантов исчисления административного штрафа, кратного различным суммам, связанным с доходом от правонарушения, убытков от него, цены договора и других аналогичных величин.

Согласно УК РФ штраф может быть назначен от пяти тысяч до пяти миллионов рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от двух недель до пяти лет либо исчисляется в величине кратной стоимости предмета или сумме коммерческого подкупа, взятки или сумме незаконно перемещенных денежных средств и (или) стоимости денежных инструментов. Последний вариант предусматривает пределы от двадцати пяти тысяч рублей до пятисот миллионов рублей.

Наконец, в качестве иной меры уголовно-правового характера регламентирован судебный штраф, который является основанием освобождения от уголовной ответственности за впервые совершенное преступление небольшой или средней тяжести. Его размер не может превышать половину максимального размера штрафа, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ, но не более двухсот пятидесяти тысяч рублей.

Как видно из вышеизложенного, карательная сущность штрафа независимо от его принадлежности к административному или уголовному наказанию, а также к иным мерам уголовно-правового характера неизменна. Это денежное взыскание, назначаемое судом. Четких отличий по размерам штрафа не наблюдается. Сплошь и рядом даже для физических лиц суммы административного штрафа превышают суммы уголовно наказуемого штрафа. Принудительным взысканием штрафа занимается одно и то же ведомство – Федеральная служба судебных приставов Российской Федерации.

Как было доказано ранее, между административным правонарушением и преступлением грань достаточно условная, субъективно устанавливаемая законодателем и все более размытая, чтобы считать ее принципиальной для разграниче-

ния общественно опасных и общественно вредных деяний и соответственно двух видов штрафа.

Та же тенденция смещения наблюдается и в других видах административных и уголовных наказаний. Так, одним из видов наказания по уголовному, а с некоторых пор и административному праву являются обязательные работы. Появление их в 2012 г. в этом качестве [8] лишний раз свидетельствует о динамичном процессе сближения уголовного и административного законодательства.

Сущность этого наказания как в административном, так и в уголовном праве состоит в обязанности выполнения в свободное от основной работы или учебы время бесплатных общественно полезных работ. Оба наказания связаны с принудительным трудом, который согласно ч. 2 ст. 37 Конституции РФ запрещен. Однако в соответствии с ч. 3 ст. 55 Конституции РФ «права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства». Подобная охранительная задача включена в ч. 1 ст. 2 УК РФ и ст. 1.2 КоАП РФ. Некоторые ученые считают, что труд ад-

министративно наказанных лиц является принудительным, так как не включен в перечень предусмотренных ст. 4 ТК РФ исключений, как это сделано для уголовного наказания [3; 10]. Но поскольку конституционный запрет предполагает возможность ограничения прав и свобод человека и гражданина федеральным законом, а обязательные работы предусмотрены КоАП РФ, следует сделать вывод о легитимности использования этой меры в качестве как уголовного, так и административного наказания и восполнить данный пробел в ТК РФ.

Длительность обязательных работ исчисляется в часах и составляет для административно наказанных лиц от 20 до 200 часов, для преступников – от 60 до 480 часов (для несовершеннолетних, достигших 14 лет – от 40 до 160 часов). Длительность этого наказания – одно из немногих отличий регламентации обязательных работ в УК РФ и КоАП РФ.

В перечне уголовных наказаний (ст. 44 УК РФ), ранжируемых по возрастающей степени тяжести, обязательные работы на четвертом месте из четырнадцати. Однако многие авторы справедливо считают его либо самым мягким наказанием, либо одним из самых мягких [1; 2]. Не случайно общественные работы в УК Республики Беларусь стоят на первом месте в соответствующем пе-

речне. В КоАП РФ обязательные работы – одно из наиболее строгих наказаний (на 10 месте из 11) и это также говорит об отсутствии существенной разницы в строгости двух видов обязательных работ.

Если осужденный к этому уголовному наказанию злостно уклоняется от отбывания наказания, ему грозит лишение свободы максимум до 60 суток (из расчета 480 часов, деленные на 8 часов, приравненные к одному дню лишения свободы). За уклонение от обязательных работ как административного наказания предусмотрен административный штраф в размере от пятидесяти тысяч до трехсот тысяч рублей. Правило, предусмотренное ст. 20.25 КоАП РФ, достаточно парадоксально, так как неуплата административного штрафа может повлечь обязательные работы до 50 часов, а в случае уклонения от обязательных работ как один из вариантов предусмотрен штраф от 150 тысяч до 300 тысяч рублей. Возможно также назначение административного ареста на срок до пятнадцати суток. Такая взаимозаменяемость порождает вопрос, какое из этих административных наказаний более строгое – административный штраф или обязательные работы?

Анализ структуры преступности лиц, приговоренных к обязательным работам, показывает, что к подавляющему большинству этих

преступлений есть аналогичные административные правонарушения, связанные с меньшим размером ущерба, отсутствием квалифицирующих обстоятельств, тяжких последствий или повторности.

Обязательные работы как уголовное и как административное наказание являются основными видами и назначаются судом (по УК РФ), судьей (по КоАП РФ). Однако исполнение данного наказания в качестве уголовного возложено на уголовно-исполнительную инспекцию ФСИН России, а в качестве административного – на судебных приставов-исполнителей ФССП России, при этом их функции по контролю практически идентичны. Нет различий и в порядке отбывания наказания.

Даже поверхностное сравнение уголовных наказаний, не связанных с лишением свободы, с административными наказаниями позволяет сделать вывод об их схожести и несущественных различиях в объеме кары. В то же время чрезмерная криминализация деяний, наблюдаемая в последнее время, явный возврат к широкому применению административной преюдиции размывают грань между общественно опасными и общественно вредными деяниями, т. е. между преступлениями и иными правонарушениями. Отмечая этот процесс, специалисты по-разному к нему относятся. В частности, есть

небезосновательное опасение несрабатывания механизма административной преюдиции из-за неналаженности федерального учета правонарушений.

Несмотря на имеющиеся сложности, процесс сближения уголовно-правового и административно-правового законодательства имеет тенденцию к легализации. Так дважды в 2016 г. он был предметом обсуждения на семинаре-совещании председателей судов (в феврале) и на Всероссийском съезде судей (в декабре). С одной стороны, постоянно расширяются основания освобождения от уголовной ответственности и наказания за счет введения новых оснований и отсрочек, в частности, судебного штрафа. С другой стороны, наряду с этим иницируется разработка понятия уголовного проступка с применением за него наказаний, не связанных с лишением свободы, в частности исправительных и принудительных работ. Предусматривается, что за него не будет судимости. Последнее говорит скорее о близости юридической природы проступка к административному правонарушению, а не к уголовно-правовому деянию.

Аналогичная новация нашла отражение в УК Казахстана. Согласно ч. 3 ст. 10 УК РК «Уголовным проступком признается совершенное виновно деяние (действие либо бездействие), не представля-

ющее большой общественной опасности, причинившее незначительный вред либо создавшее угрозу причинения вреда личности, организации, обществу или государству, за совершение которого предусмотрено наказание в виде штрафа, исправительных работ, привлечения к общественным работам, ареста». Законодатели Казахстана считают, что к категории уголовного проступка можно будет отнести около 65 административных и 25 уголовных правонарушений [6].

Установление такого вида правонарушения, как проступок можно было бы считать закономерным промежуточным звеном между административным правонарушением и преступлением, которое бы свидетельствовало об относительности разделения уголовного и административного права, а следующим этапом разработать упорядоченную ранжированную по реальному объему кары систему наказаний за него путем устранения конкуренции и дублирования различных не связанных с изоляцией от общества наказаний и мер уголовно-правового характера, таких как обязательные, исправительные и принудительные работы, условное осуждение, различные виды отсрочек от отбывания наказания, принудительные меры воспитательного характера для несовершеннолетних, штраф, административный штраф,

запрещение заниматься определенной деятельностью или занимать определенные должности, лишение специального права, предоставленного физическому лицу, административный запрет на посещение мест проведения официальных спортивных соревнований.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Витвицкая С.С., Осадчая Н.Г. Обязательные работы, назначаемые за преступления в сфере экономической деятельности: законодательный и правоприменительный аспекты // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. Калининград, 2014. С. 29.
2. Дзигарь А.Л. Критический анализ уголовно-правовых санкций. Ростов н/Д., 2004. С. 156.
3. Долгих И.П. Обязательные работы как вид административного наказания: проблемы назначения и исполнения // Система ценностей современного общества. 2014. № 37. С. 83.
4. Дядькин Д.С. Теоретико-методологические основы назначения уголовного наказания: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. С. 4.
5. Всероссийский съезд судей. URL: <http://infonarod.ru/info/vserossiyskiy-sezd-sudey> (дата обращения 03.10.2016).
6. В Минюсте Казахстана разъяснили понятие «уголовный проступок». URL: https://tengrinews.kz/Kazakhstan_news/minyuste-kazahstana-razyyasniliponyatie-ugolovnyiy-229617 (дата обращения 03.10.2016).
7. Крылова Н.Е. Гуманизация уголовного законодательства продолжается? Анализ проектов федеральных законов, одобренных Пленумом Верховного Суда РФ 31 июля 2015 г. // Закон. 2015. № 8. С. 95, 98.
8. О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 08.06.2012 г. № 65-ФЗ // СЗ РФ. 2012. № 24. Ст. 3082; О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетировании: Федеральный закон // Там же.
9. Шергин А.П. Нужна теория административной деликтолизации // Право и государство: теория и практика. 2005 № 1. С. 41–45.
10. Чаннов С.Е. Обязательные работы или принудительный труд. URL: <http://www.justicemaker.ru/view-artikle.php?id=25&artt566>.

И.М. Комаров, Е.И. Ян

**СОДЕРЖАНИЕ ЧАСТНОЙ ТЕОРИИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ
ОПЕРАЦИЙ И ЕЕ МЕСТО В СИСТЕМЕ КРИМИНАЛИСТИКИ**

В статье рассмотрены актуальные вопросы, связанные с проблемами формирования частной криминалистической теории тактических операций, их содержанием и местом в системе криминалистики.

Ключевые слова: тактические операции, частная криминалистическая теория, место в системе криминалистики, общая теория криминалистики.

I.M. Komarov, E.I. Yan

**CONTENT OF PARTICULAR FORENSIC OPERATIONS THEORY
AND ITS PLACE IN THE FORENSICS SYSTEM**

This article reviews current issues related to the problems of formation of particular tactical operations forensic theory, their content and its place in forensics system.

Keywords: tactical operations, particular forensics theory, place in the forensics system, the general forensics theory.

Закономерности формирования любой частной криминалистической теории с необходимостью требуют диалектической логики развития соответствующего знания: установления, описания и объяснения фактов, построения на их основе гипотезы, подтверждение которой превращает ее «в зависимости от своего уровня, от степени обобщенности предмета в отдельное теоретическое построение или частную теорию, включающую в себя систему таких положений» [1. С. 17].

Данный подход к построению частной криминалистической те-

рии следует признать обоснованным. Однако этот процесс будет неполным, если не определен предмет, объект и методы частной криминалистической теории. Эти компоненты указывают на пределы и векторы развития теории, делают процесс ее формирования и дальнейшего развития осмысленным и плодотворным.

В полной мере эти требования относятся и к частной теории криминалистических операций.

Возникает вопрос, что представляет собой предмет этой формирующейся частной теории?

Ответ на него следует искать в предмете криминалистической науки, так как частная теория криминалистических операций является частью ее предмета. Иными словами, «предметом частной криминалистической теории, – как правильно указывает Р.С. Белкин, – являются определенные закономерности объективной действительности из числа тех, которые изучает криминалистика в целом» [2. С. 19].

К настоящему времени уже нет принципиальных расхождений в их сути, и криминалистика признана наукой, «изучающей закономерности целостного движения уголовно значимой информации в ситуациях совершения и расследования преступлений в целях создания научных основ и практических рекомендаций для решения задач уголовного судопроизводства специальными средствами, приемами и методиками» [3. С. 21].

Нетрудно заметить, что данное определение указывает на закономерности наиболее общего характера, которые являются определяющими для всех без исключения частных теорий общей теории криминалистики. По этой причине понятно, что, основываясь на них, невозможно сразу определить закономерности предмета частной теории криминалистических операций.

Для решения этой задачи следует из закономерностей предмета

криминалистики синтезировать те частные закономерности, которые по своему содержанию могут быть отнесены к криминалистическим операциям. На их основе и определить предмет соответствующей частной теории.

Достижению этой цели в значительной степени способствует генетически-системный подход к предмету криминалистики.

Конкретизируя на его основе приведенное определение криминалистики, можно сделать вывод, что главным в развитии предмета является познание закономерностей возникновения и развития в ее системе информационных процессов, анализ исходного и последующего состояния ситуации и механизма преступлений и ситуации и механизма расследования как базовых компонентов системы криминалистики – «преступление – раскрытие, расследование и предупреждение преступления».

Такое восприятие предмета криминалистики позволяет условно разделить изучаемые ею закономерности на две большие группы: преступной деятельности и полезной (законной) деятельности следователя по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений. В криминалистике эти понятия отражены содержанием категорий криминалистической характеристики преступ-

лений и криминалистической характеристики расследований.

Напрашивается вывод, что в закономерностях этих категорий и следует искать закономерности, определяющие предмет частной теории криминалистических операций, так как в конечном итоге они и определяют весь ход любого досудебного производства.

Криминалистические операции, как известно, являются комплексным способом решения системных задач досудебного производства. Следовательно, основное их предназначение связано с получением и применением в интересах досудебного производства уголовно значимой информации посредством специфического (присущего только криминалистическим операциям) воздействия на материальные и идеальные объекты – носители этой информации.

Информация о расследуемом событии преступления, поступающая к следователю, по своему содержанию неоднородна. Криминалисты давно обратили на это внимание, и в этой связи нам представляется правильным и целесообразным предложение В.К. Гавло выделять следующие ее виды: «а) уголовно значимая информация как результат проявления в окружающей среде уголовно-релевантных признаков расследуемого события преступления и б) ориентирующая ин-

формация о возможно совершенном (совершаемом) событии преступления, которая еще не имеет уголовно значимых признаков, но находится в причинно-следственной связи с ним» [4. С. 9]. Фактически речь идет об уголовно значимой доказательственной и ориентирующей информации.

Значимость обоих видов информации для задач досудебного производства равноценна, так как обнаружение события преступления нередко идет от ориентирующей, второстепенной информации, казалось бы, не имеющей отношения к нему, но находящейся на самом деле с этим преступлением в причинно-следственной связи, что ведет к выявлению уголовно значимой доказательственной информации.

Собирание, исследование и оценка любой информации, которая ведет к определению признаков преступления и установлению фактических обстоятельств дела, познание закономерностей ее движения в ситуации доследственной проверки материалов, в ходе предварительного и судебного следствия – важная информационно-познавательная и конструктивная функция криминалистических операций как комплексного способа решения системных задач досудебного производства.

По сути дела эта функция специфична и отражает закономерности

предмета криминалистики, которые можно, с нашей точки зрения, отнести к предмету частной теории криминалистических операций.

Возникают вопросы, откуда это следует и что представляют собой закономерности?

Условно предмет криминалистики представлен закономерностями преступной деятельности и полезной деятельности следователя по раскрытию, расследованию и предотвращению преступлений. Это деление, как было указано, связано с категориями криминалистической характеристики преступления и криминалистической характеристики его расследования.

Криминалистическая характеристика преступлений, являясь «системой описания криминалистически значимых признаков вида, группы и отдельного преступления, проявляющихся в особенностях способа, механизма и обстановки его совершения, дающая представление о преступлении, личности его субъекта и иных обстоятельствах, об определенной преступной деятельности и имеющая своим назначением обеспечение успешного решения задач раскрытия, расследования и предупреждения преступлений» [5. С. 36–37], через информационно-познавательную и конструктивную функцию криминалистических операций «питает» их на стадии планирования, организации

уголовно значимой информацией для раскрытия, расследования и предотвращения преступлений. Этот процесс следует признать закономерным, так как он носит повторяющийся, устойчивый и общий характер, без которого решение системных задач досудебного производства невозможно.

На значимость закономерностей этой категории для криминалистических операций обращал внимание В.И. Шиканов. Указывая на то, что она является для них информационной базой, он писал: «Выявление практически значимых структурных элементов криминалистической характеристики отдельных видов преступлений, уяснение их сущности, в частности сущности типичных следственных ситуаций, закономерно повторяющихся при расследовании преступных посягательств одного и того же вида, а также познание корреляционных зависимостей и иных связей между отдельными структурными элементами этой системы позволяет не только четко определить основные тактические задачи должностных лиц, призванных раскрыть и расследовать преступление, но и в определенной степени алгоритмизировать их действия, оптимизировать уголовное судопроизводство в целом» [6. С. 22].

Криминалистические операции решают системные задачи до-

судебного производства в качестве компонента криминалистической характеристики расследования. В этом процессе они закономерно отталкиваются от криминалистической характеристики преступлений и также закономерно ориентируются на нее. В системе криминалистической характеристики расследования совместно с криминалистическими операциями функционируют и другие компоненты: следственные ситуации, следственные версии и направления расследования, складывающиеся на первоначальном и последующем этапах, система следственных, оперативно-розыскных и иных организационно-технических действий, которые также являются источниками уголовно значимой информации.

Пределы криминалистической характеристики расследования ограничены моментом начала предварительной проверки материалов и возбуждением уголовного дела, с одной стороны, и моментом установления истины по делу – с другой.

Именно в этих пределах криминалистические операции собирают, исследуют и оценивают необходимую для своего проведения уголовно значимую информацию из закономерного функционирования элементов системы криминалистической характеристики расследования.

Таким образом, информационно-познавательная и конструктивная

функция криминалистических операций отражает закономерности собирания, исследования и оценки из системы криминалистической характеристики преступления и криминалистической характеристики его расследования необходимой уголовно значимой (доказательственной и ориентирующей) информации, ее использование в процессе досудебного производства.

На этой основе представляется возможным определить закономерности предмета криминалистики, которые, по нашему мнению, отражают криминалистические операции. Ими являются: закономерности собирания, исследования и оценки необходимой «уголовно значимой информации из процессов целостного ее движения в ситуациях совершения преступлений и закономерности эффективного и оптимального использования этой информации (в качестве доказательственной и ориентирующей) в ситуациях расследования в целях решения системных задач уголовного судопроизводства» [7. С. 136].

Что подразумевается под закономерностями собирания, исследования и оценки уголовно значимой доказательственной и ориентирующей информации, которые мы относим к частной теории криминалистических операций?

В первую очередь это закономерный процесс наполнения содер-

жания криминалистических операций уголовно значимой информацией посредством ее отражения от носителей для решения системных задач.

Закономерности использования уголовно значимой информации основываются на закономерностях ее собирания, исследования и оценки в процессе криминалистических операций, а также направленности (системные задачи) в процессе досудебного производства в целом [8. С. 208].

Указанные закономерности следует отнести к первой группе, составляющей предмет частной теории криминалистических операций, так как сами по себе они отражают лишь часть предмета криминалистики. Познание этих закономерностей не имеет практического смысла, если на их основе не будут разрабатываться научные основы, практические рекомендации и правила по проведению криминалистических операций в досудебном производстве.

Ко второй группе закономерностей предмета частной теории криминалистических операций следует отнести закономерности формирования и совершенствования научных основ, практических рекомендаций и правил по эффективно и оптимальному планированию, организации и проведению криминалистических операций в решении задач досудебного производства.

Однако какую служебную роль призваны выполнять криминалистические операции в борьбе с преступностью? От ответа на этот вопрос зависит направление развития соответствующей частной теории.

Все криминалистические средства и методы по своей служебной роли подразделены Р.С. Белкиным на три группы: установления причин и условий, способствующих совершению и сокрытию преступлений; получения информации о готовящихся преступлениях; защиты различных объектов от преступных посягательств и создания благоприятных условий для возникновения доказательственной информации [9. С. 154].

Внимательное рассмотрение содержания указанных групп свидетельствует о том, что своей информационно-познавательной и конструктивной функцией криминалистические операции универсально вписываются в каждую из них. Поэтому в соответствующих направлениях и должна развиваться данная частная криминалистическая теория.

Кроме предмета, следующим важным компонентом содержания любой частной криминалистической теории является ее объект, который выступает в теории как научный факт.

«Объектом частной криминалистической теории, – пишет Р.С. Белкин, – следует считать те явления,

вещи, процессы, связи и отношения, ту часть предметной области, в которой проявляются изучаемые теорией объективные закономерности» [10. С. 20].

Закономерен вопрос, что относится к объекту исследования теории криминалистических операций?

Отчасти ответ на него уже был дан, когда мы, исследуя эту проблему, указали на криминалистическую операцию в качестве объекта исследования соответствующей частной теории [11. С. 57].

Однако дальнейшая разработка проблемы привела нас к необходимости уточнения представлений об этом элементе содержания частной криминалистической теории. По нашему мнению, объект указанной частной теории имеет «сложную структуру и представляет собой криминалистическую операцию как криминалистический метод познания субъекта доказывания в системе уголовного судопроизводства» [12. С. 153].

Изучение частной теорией своего объекта должно, и в этом мы согласны со В.И. Столяровым, предполагать «воспроизведение, во-первых, таких черт, особенностей и закономерностей процесса, которые характерны для него (объекта, объектов. – *И.К.*) в любых условиях, поскольку они обусловлены внутренней структурой самого изменя-

ющегося и развивающегося объекта; во-вторых, тех конкретных черт, особенностей, которые присущи данному процессу в каких-то определенных условиях и которые складываются в результате воздействия на него различных факторов. В первом случае речь идет об отражении изучаемого процесса в “чистом” виде, а во втором – о воспроизведении конкретных форм его проявления» [13. С. 53].

Наряду с предметом и объектом к числу необходимых компонентов частной криминалистической теории следует отнести также ее метод, который представляет собой систему «познавательных приемов, используемых как для построения самой теории, так и для применения теории в практике познания ее предметной области» [14. С. 22].

Особенностью формирующейся частной теории криминалистических операций является тот факт, что метод в ней выступает одновременно и как объект исследований теории, и как ее собственный метод.

Такой подход к содержанию частной теории криминалистических операций позволяет определить ее как формирующееся комплексное научное знание о криминалистической операции и ее методе, основанное на системе общетеоретических и методологических положений, обусловленных сущностью и проявле-

нием закономерностей собирания, исследования, оценки и использования следователем уголовно значимой информации в досудебном производстве.

Правильное определение места частной теории криминалистических операций в системе криминалистики имеет определяющее значение для последующего гармоничного ее развития и становления в качестве полноценной частной криминалистической теории. «От того, в какой части криминалистики будут разрабатываться проблемы операций, – писал в этой связи Н.П. Яблоков, – осуществляемых для решения различных задач отдельных следственных действий и расследования в целом, зависит полнота и направленность этих разработок» [15. С. 76].

Основоположники теории А.В. Дулов и В.И. Шиканов были близки во взглядах о месте криминалистических операций в системе криминалистики. Они определяли его в качестве связующего звена между криминалистической тактикой и методикой расследования отдельных видов преступлений, но подходы у каждого были различные.

«...Имеются достаточные основания утверждать, – писал В.И. Шиканов, – что тактические операции и как реально существующая практика рационального использования сил и средств при рас-

следовании преступлений, и как формирующееся понятие теории все более отчетливо проявляют себя в качестве важнейшего структурного элемента следственной тактики и методики расследования отдельных видов преступлений» [16. С. 114–115]. Несколько позднее в другой работе он выражается более конкретно, определяя частную криминалистическую теорию тактических операций как новую существенную часть криминалистики, «содержание которой заполняет разрыв между тактикой и методикой расследования» [17. С. 65].

А.В. Дулов в свою очередь указывал на необходимость исследования тактических операций в организационных основах расследования – новом, необходимом, по его мнению, разделе системы криминалистики, изучающем теоретические и организационные принципы построения систем тактических средств. Этот раздел в системе науки помещался им между криминалистической тактикой и методикой расследования отдельных видов преступлений. «К организационным основам расследования, – писал он, – должны быть отнесены проблемы общей организации расследования, его планирования, взаимодействия следствия и дознания, а также общие принципы построения тактической операции, проблемы их классификации, научных основ и т.д.»

[18. С. 50]. Однако, понимая, что не все проблемы «тактических операций» можно разработать в пределах организационных основ, А.В. Дулов указывал на необходимость того, что «значительная часть вопросов может и должна разрабатываться в пределах конкретной методики расследования» [19. С. 50].

Несмотря на то, что приведенные точки зрения были высказаны достаточно давно, они не нашли поддержки и дальнейшего развития в науке ввиду своей спорности. Отсутствие в системе криминалистики раздела «Организационные основы расследования» не позволяет вести соответствующую разработку проблем и вопросов частной теории криминалистических операций. Следовательно, становление и совершенствование этой частной теории должны найти свое место в компонентах принятой и устоявшейся систематики науки. В случае разрешения в перспективе вопроса об изменении системы криминалистики могут появиться основания пересмотра сложившихся в ней представлений о месте частной теории криминалистических операций и возможности ее трансформации в соответствующий раздел.

Дальнейшие исследования проблемы места криминалистической операции в системе криминалистики привели к иной позиции ученых по данному вопросу.

По мнению Р.С. Белкина, А.А. Закатова, Г.А. Зорина, И.Ф. Пантелеева и некоторых других авторов, разработка проблемы должна осуществляться в разделе криминалистической тактики.

Так, Р.С. Белкин, например, вопрос о месте развивающейся теории решил однозначно, поместив ее в раздел проблем криминалистической тактики «Курса криминалистики» [20. С. 202–244].

Обосновывая свою позицию относительно данной проблемы, И.Ф. Пантелеев указывал на то, что тактическая операция не укладывается в рамках какого-либо одного следственного действия или оперативно-розыскного мероприятия и поэтому является самостоятельной категорией криминалистики. С этим можно согласиться, если иметь в виду под криминалистической операцией наиболее общее, «наиболее значимое, – как пишет Р.С. Белкин, – для науки и практики криминалистики понятие» [21. С. 44]. Но последующая аргументация мнения этого известного криминалиста нам кажется спорной. «Тактическая операция, – пишет он, – не относится к предмету методики расследования, она не обусловлена особенностями расследования какой-либо конкретной группы преступлений и имеет общий характер... Поэтому “тактическая операция” как необходимая категория криминалистики

относится к предмету следственной тактики» [22. С. 21].

Не вдаваясь в анализ доводов других авторов, по мнению которых место криминалистических операций в разделе криминалистической тактики науки, ниже приведем свои аргументы.

В криминалистике понятие «тактика» представляет собой учение о тактике проведения отдельных следственных действий [23. С. 142]. Решаемые следственным действием задачи основываются на «закономерностях информационно-познавательных процессов, которые возникают из целостного движения по делу уголовно значимой информации и объясняют, в свою очередь, закономерности ее извлечения и использования путем разработки основанных на законе научных тактических положений и приемов ведения следствия» [24. С. 17].

Задачи криминалистических операций значительно шире задач отдельных следственных действий. Фактически это системная задача, которую следственные действия решить не в состоянии, и ее комплексно решают все компоненты структур криминалистических операций: следственные действия, организационно-технические мероприятия, иные процессуальные и непроцессуальные действия следователя. Поэтому закономерности, на которых основываются криминали-

стические операции, совершенно иные, чем закономерности следственных действий. В зависимости от структур криминалистических операций это могут быть различные сочетания закономерностей структур системы криминалистики (например, методики) либо отдельной структуры этой системы (например, тактики).

Поэтому, на наш взгляд, неправомерно относить исследование криминалистических операций только к разделу тактики науки.

Вместе с тем отдельные виды криминалистических операций могут быть отнесены к предмету криминалистической тактики и разрабатываться в границах только этого раздела. Мы имеем в виду операции, структуры систем которых составляют исключительно комбинации нескольких тактико-криминалистических приемов в рамках одного или различных следственных действий (криминалистическая комбинация) или комбинации ряда как однородных, так и разнородных следственных действий.

Аналогичных взглядов на этот предмет придерживается В.И. Куклин. Правда, он относит к криминалистической тактике только простейшие «тактические комбинации», состоящие из нескольких приемов в рамках одного следственного действия, а «тактические операции», включающие в себя разнородные

действия, как считает этот автор, «должны занять соответствующее место в методике расследования отдельных видов преступлений, поскольку только здесь они могут наполниться конкретным теоретическим и практическим содержанием» [25. С. 90–91].

Солидарен с В.И. Куклиным и А.Е. Михальчук, который полагает, что «при определении места тактических комбинаций в системе криминалистической науки необходимо исходить из их содержания и главного признака – оптимальной совокупности тактических приемов» [26. С. 41].

На наш взгляд, нет оснований относить криминалистические операции на основе комбинации следственных действий в раздел методики расследования отдельных видов преступлений. Как мы указывали выше, все следственные действия основываются на одних и тех же закономерностях криминалистической тактики. Поэтому исследование соответствующих криминалистических операций должно быть отнесено к указанному разделу, а сами операции могут именоваться тактико-криминалистическими операциями.

Нами уже обращалось внимание на тот факт, что некоторые авторы (В.И. Куклин, А.Е. Михальчук) отдельные виды криминалистических операций относят не

только к разделу криминалистической тактики, но и к разделу методики расследования отдельных видов преступлений. Аналогичных взглядов придерживаются также И.Ф. Герасимов, Л.Я. Драпкин, Л.Л. Каневский, Н.А. Марочкин, В.А. Образцов, Н.А. Селиванов, Н.И. Хлюпин, Н.П. Яблоков и некоторые другие ученые.

Интересным в этой связи является высказывание Н.П. Яблокова. Он пишет: «Методика расследования как система оптимальных приемов ведения следствия и профилактической работы в условиях расследования отдельных видов преступления во многом является таковой в результате четкого увязывания системы комплексов первоначальных, неотложных и иных следственных действий с системой следственных и следственно-розыскных операций» [27. С. 79].

Подчеркивая далее значимость криминалистических операций для процесса уголовного судопроизводства, автор делает вывод, что все вопросы проведения операций должны разрабатываться в рамках методики расследования отдельных видов преступлений [28. С. 80].

Согласен с Н.П. Яблоковым и В.И. Комиссаров: «Взаимосвязи, совокупность следственных, оперативных, ревизионных и иных действий больше тяготеют к предмету изуче-

ния методики расследования отдельных видов преступлений» [29. С. 110]. Точка зрения поддержана и Н.А. Марочкиным, который полагает, что тактическая операция – «это поиск разработки научно-практических рекомендаций об эффективных приемах и способах определения направления расследования на том или ином этапе расследования отдельных видов преступлений, а, следовательно, научные разработки типовых тактических операций, применительно к конкретным видам преступлений, целиком и полностью отвечают требованиям методики расследования преступлений и должны стать ее неотъемлемой частью» [30. С. 29].

Аргументы и доводы сторонников отнесения криминалистических операций в раздел криминалистической методики в значительной степени повторяются и, с нашей точки зрения, нет необходимости приводить их подробно.

Представляется правильным, что отдельные виды криминалистических операций действительно должны разрабатываться в разделе методики науки, но это относится только к тем криминалистическим операциям, которые содержат в себе разноструктурные порядковые компоненты и вписываются своим содержанием в закономерности криминалистической методики. Как известно, это закономерности «в дея-

тельности по подготовке, совершению, сокрытию и противодействию, расследуемым событиям отдельных видов преступлений (противоправная деятельность) и деятельности по их раскрытию, расследованию и судебному рассмотрению (законная деятельность) на основе движения по делу всей уголовно значимой информации» [31. С. 22]. Например, в указанном разделе могут разрабатываться криминалистические операции, содержащие в своей структуре такие компоненты, как отдельные следственные действия, криминалистические комбинации и операции, организационно-технические мероприятия, иные действия следователя. По сути такая криминалистическая операция может быть названа методической, как предлагал Н.А. Селиванов [32. С. 92], потому что фактически представляет собой «локальную» методику расследования или методико-криминалистическую операцию.

С учетом изложенного можно сделать предварительный вывод о том, что криминалистические операции в зависимости от их видов, отражаемых содержанием и структурами закономерностей предмета криминалистики, могут и должны разрабатываться как в рамках криминалистической тактики, так и в рамках криминалистической методики расследования отдельных видов преступлений [33. С. 166].

Однако, на наш взгляд, в отдельных случаях криминалистические операции с успехом могут быть использованы также для решения отдельных частных задач, стоящих перед криминалистической техникой, если они, как уже было сказано, отражают своим содержанием и структурами «закономерности механизма взаимодействия различных материальных объектов и образования следов-последствий в ситуациях подготовки, совершения и сокрытия преступлений» [34. С. 17]. Нам представляется обоснованным, например, отнесение И.М. Лузгиным к числу криминалистических операций этого раздела реконструкций отдельных объектов. Фактически такие операции носят характер технико-криминалистических операций.

Таким образом, криминалистические операции как метод познания в практической деятельности следователя применим в криминалистической технике, тактике и методике расследования отдельных видов преступлений.

С учетом того, что каждый из разделов системы криминалистики обладает собственной системой, необходимо и в них определить место криминалистических операций.

Систему криминалистических техники, тактики и методики условно можно подразделить на две подсистемы: общие (концептуальные) и частные (специальные) положения.

Разработку концептуальных методических и теоретических вопросов криминалистических операций следует отнести к общим положениям каждого из указанных разделов криминалистики, а их практическое использование и применение в правоохранительной деятельности – к соответствующим специальным положениям. Это означает, что, например, в общих положениях криминалистической тактики наряду с вопросами планирования расследования, организационными принципами по расследованию преступления, тактики производства следственных действий должны присутствовать общие вопросы использования тактико-криминалистических операций. В частных положениях, касающихся, например, рекомендаций производства отдельного следственного действия, должны быть отражены рекомендации применения тактико-криминалистических операций. Эта работа фактически осуществляется. В качестве примера можно привести исследование Р.С. Белкиным общих условий допустимости «тактических комбинаций» (общие положения) и «тактических комбинаций» при производстве допроса (частные положения) [35. С. 216–243].

Однако такой подход дает не полное, усеченное представление о месте криминалистических операций в системе криминалистики. С нашей точки зрения, отсутствует

главное звено, обеспечивающее гармоничное развитие концептуальных и специальных знаний о криминалистических операциях во всех трех указанных разделах системы науки. Этим звеном являются общетеоретические и общеметодологические положения о криминалистических операциях как криминалистическом методе познания в практической деятельности следователя в системе досудебного производства. Его отсутствие существенно затруднит поступательное движение знаний о технико-, тактико- и методико-криминалистических операциях по причине недостаточной общей теоретической и методологической базы развития и слабой связи обмена информацией и взаимодействия между ними.

В этой связи заслуживает внимания высказывание Н.П. Яблокова в отношении вопроса о месте частной теории операций в системе криминалистики: «Что касается рождающейся в настоящее время теории операций, осуществляемых в ходе расследования, то, очевидно, правильнее будет ее разрабатывать в рамках общеметодологической части криминалистики» [36. С. 80].

Аналогичной точки зрения придерживается и В.А. Образцов [37. С. 75–86].

Согласие с мнением Н.П. Яблокова и В.А. Образцова приводит нас к выводу, что общетеоретиче-

ские и общеметодологические положения о криминалистических операциях могут быть гармонично вписаны в раздел общей теории криминалистики в качестве частной криминалистической теории. Дополнительной аргументацией такого подхода может служить общенаучное представление о соотношении категорий диалектической логики «единичного, особенного и общего», которые формируются в ходе любой практически-познавательной деятельности, а значит и практически-познавательной криминалистической деятельности.

Рассматривая вопрос генезиса криминалистических операций, мы указывали на тот факт, что первоначально они зародились в практической деятельности следователя в качестве комплексного способа, который оптимизировал его деятельность и повышал ее эффективность в достижении целей досудебного производства, т. е. этот объект предстал перед ним как нечто «единичное». Однако уже элементарная практическая деятельность, обнаруживая повторяющиеся в криминалистических операциях признаки, позволяла объединять их в определенные классы (например, задержание, розыск, изучение личности обвиняемого и т.д.). Общие черты, присущие некоторым из них и относящиеся к определенному классу, выступали как «особенное»

(например, сбор информации, фиксация, проверка и пр.). В нашем исследовании этим особенным являются объединение, например, тактико-криминалистических операций в разделе криминалистической тактики и помещение их в подсистему общих положений этого раздела. Другие общие черты, обнаруживающиеся у всех без исключения криминалистических операций: и технических, и тактических, и методических (например, структурность системы), следует рассматривать как «всеобщее». В этом случае криминалистические операции выступают как криминалистическая категория, т.е. предельно общее понятие, «образованное как последний результат отвлечения (абстрагирования) от предметов их особенных признаков» [38. С. 310], и является центральным звеном собственной теории.

Таким образом, формируется новое теоретическое построение, позволяющее образно представить частную теорию криминалистических операций в системе криминалистики.

Нетрудно заметить родовидовые отношения частной теории криминалистических операций с технико-криминалистическими, тактико-криминалистическими и методико-криминалистическими операциями.

Частная теория, отражая закономерности предмета криминали-

стики, объединит в себе фундаментальные общеметодические и общетеоретические знания, необходимые для развития и практического использования криминалистических операций каждого из разделов науки. Это знания о своем предмете, объекте исследования, методах и т.д. Основываясь на них и отражая закономерности соответствующего раздела науки, технические, тактические и методические криминалистические операции смогут гармонично развиваться в рамках соответствующего предмета.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Белкин Р.С. Курс криминалистики: В 3 т. Т. 2: Частные криминалистические теории. М.: Юристъ, 1997.
2. Белкин Р.С. Там же.
3. Гавло В.К. Проблемы теории и практики криминалистической методики расследования преступлений: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1988.
4. Гавло В.К. Криминалистическая методика расследования преступления. Барнаул: Изд-во АГУ, 1991.
5. Криминалистика: учебник / отв. ред. Н.П. Яблоков; 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 1999.
6. Шиканов В.И. Теоретические основы тактических операций при расследовании преступлений. Иркутск: Изд-во ИГУ, 1983.
7. Комаров И.М. Содержание частной криминалистической теории метода криминалистических операций // Актуальные проблемы борьбы с преступностью и иными правонарушениями. Барнаул, 2001.

8. Комаров И.М. Достоинство личности и проблемы совершенствования криминалистических средств доказывания // *Достоинство человека: от философско-правовой идеи к конституционному принципу современного государства: материалы межрегион. науч.-практ. семинара.* Барнаул, 1999.
9. Белкин Р.С. Курс криминалистики: В 3 т. Т. 1: Общая теория криминалистики. М.: Юристъ, 1997.
10. Белкин Р.С. Курс криминалистики: В 3 т. Т. 2: Частные криминалистические теории. М.: Юристъ, 1997.
11. Комаров И.М. К вопросу разработки криминалистического учения о тактических комбинациях в расследовании преступлений // *Известия Алтайского государственного университета.* Барнаул, 2000. № 2.
12. Комаров И.М. К вопросу об исследовании содержания частной теории криминалистических операций // *Роль и значение деятельности Р.С. Белкина в становлении современной криминалистики: материалы междунар. конф. (к 80-летию со дня рождения Р.С. Белкина).* 2002.
13. Столяров В.И. Диалектика как логика и методология науки. М.: Политиздат, 1975.
14. Белкин Р.С. Указ. соч.
15. Яблоков Н.П. Криминалистическая методика расследования. М.: Изд-во МГУ, 1985.
16. Шиканов В.И. Актуальные вопросы уголовного судопроизводства и криминалистики в условиях современного научно-технического прогресса. Иркутск: Изд-во ИГУ. 1978.
17. Шиканов В.И. Теория тактических операций следователя (перспективы развития) // *Алгоритмы и организация решения следственных задач.* Иркутск, 1982.
18. Дулов А.В. Тактические операции при расследовании преступлений. Минск: Изд-во БГУ, 1979.
19. Там же.
20. Белкин Р.С. Курс криминалистики: В 3 т. Т. 3: Криминалистические средства, приемы и рекомендации. М.: Юристъ, 1997.
21. Криминалистика: учебник / под ред. Р.С. Белкина. М.: НОРМА-ИНФРА. М., 1999.
22. Пантелеев И.Ф. Теоретические проблемы советской криминалистики: учебное пособие. М., 1980.
23. Васильев А.Н. Следственная тактика. М.: Юрид. лит., 1976. С. 32; *Советская криминалистика. Теоретические проблемы.* М.: Юрид. лит., 1978.
24. Гавло В.К. Проблемы теории и практики криминалистической методики расследования преступлений: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1988.
25. Куклин В.И. Методика расследования отдельных видов преступлений. Иваново: Изд-во Иванов. ун-та, 1983.
26. Михальчук А.Е. Тактические комбинации при производстве следственных действий. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1991.
27. Яблоков Н.П. Криминалистическая методика расследования. М.: Изд-во МГУ, 1985.
28. Там же.
29. Комиссаров В.И. Теоретические проблемы следственной тактики. Саратов, 1987.
30. Марочкин Н.А. Теоретические проблемы и тактические операции в криминалистике. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1999.
31. Гавло В.К. Проблемы теории и практики криминалистической методики расследования преступлений: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1988.

32. Селиванов Н.А. Советская криминалистика: система понятий. М., 1982.

33. Комаров И.М. К вопросу об исследовании содержания частной теории криминалистических операций // Роль и значение деятельности Р.С. Белкина в становлении современной криминалистики: материалы междунар. конф. (к 80-летию со дня рождения Р.С. Белкина), 2002.

34. Гавло В.К. Проблемы теории и практики криминалистической методики расследования преступлений: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1988.

35. Белкин Р.С. Курс криминалистики: В 3 т. Т. 3: Криминалистические средства, приемы и рекомендации. М.: Юристъ, 1997.

36. Яблоков Н.П. Криминалистическая методика расследования. М.: Изд-во МГУ, 1985.

37. Криминалистика / под ред. д-ра юрид. наук, проф. В.А. Образцова. М.: Юристъ, 1997.

38. Новейший философский словарь / сост. А.А. Грицанов. Минск.: Изд-во В.М. Скакун, 1998.

И.П. Можаяева

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДСТВЕННО-ОПЕРАТИВНЫХ ГРУПП

Статья посвящена деятельности следственно-оперативных групп, а также проблемам уголовно-процессуального обеспечения деятельности следственно-оперативных групп.

Ключевые слова: уголовно-процессуальные основы, организация деятельности, следственно-оперативная группа.

I.P. Mozhayeva

CRIMINAL PROCEDURE PROVIDING OF INVESTIGATIVE TEAM ACTIVITY

The article is devoted to the activities of the investigative and operational groups, as well as the issues of criminal procedure providing of investigative team activities.

Keywords: criminal procedural framework, the activities organization, investigative team.

Традиционно сложившийся опыт применения различных форм организации деятельности свидетельствует об эффективности формирования и функционирования следственно-оперативных групп. Несмотря на это, возникают затруднения в правовом обеспечении данной формы организации выявления, раскрытия и расследования преступлений, связанные с отсутствием прямых уголовно-процессуальных предписаний, регламентирующих деятельность следственно-оперативных групп.

Направления совершенствования различных форм организации деятельности в долгосрочной перспективе должны быть связаны с нормативно-правовым закреплением порядка использования органи-

зационных приемов, методов и средств при производстве расследования. Сегодня их абсолютное большинство регламентируется посредством ведомственных нормативных актов.

По поводу эффективности создания и функционирования следственно-оперативных групп в процессуальной литературе высказываются различные суждения, в связи с этим всесторонний анализ их деятельности представляет значительный интерес. Одними из дискуссионных вопросов, связанных с коллективным расследованием преступлений, является наименование и содержание понятия следственно-оперативной группы, а также уголовно-процессуальное обеспечение их деятельности.

Рассматривая вопрос о наименовании данной коллективной формы¹, нельзя не сказать о многообразии терминов, предлагаемых учеными. Однако большинство авторов склоняются к мнению, что данная форма должна именоваться как «следственно-оперативная группа». «Следственно-оперативная группа» получила правовое закрепление в ведомственных нормативных актах, которые регулируют ее организацию и деятельность.

Обобщая точки зрения ученых по поводу определения понятия «следственно-оперативная группа», следует отметить, что данную форму организации деятельности² можно рассматривать как совместную, согласованную систему деятельно-

сти следователей, должностных лиц оперативных подразделений, оперативных сотрудников, экспертов, специалистов и иных лиц, объединенных под единым руководством следователя и направленную на выявление, раскрытие и расследование преступлений.

На сегодняшний день получили развитие отдельные направления этой деятельности, которые свидетельствуют о несомненной эффективности создания и функционирования следственно-оперативных групп. Несмотря на это, в теории и практике возникают затруднения в применении данной формы организации деятельности. В основном это связано с отсутствием четких уголовно-процессуальных предписаний, регламентирующих деятельность следственно-оперативных групп. В Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации содержатся лишь косвенные свидетельства, обеспечивающие ее деятельность по организации выявления, раскрытия и расследования преступлений [4]. Прямой регламентации организации и функционирования следственно-оперативных групп в УПК РФ нет. Однако анализ уголовно-процессуальных норм свидетельствует о наличии отдельных элементов, позволяющих обеспечивать деятельность следственно-оперативных групп. В связи с этим возникает вопрос, необходима ли уголовно-процессуальная регламентация деятельности следственно-оперативных групп? Применительно к этой проблеме можно

¹ В литературе данная форма организации работы следователя именуется по-разному: бригадный метод расследования; групповой метод или расследование преступлений группой следователей; расследование преступлений с помощью метода кооперации. На наш взгляд, целесообразно использовать термин коллективная форма организации раскрытия, расследования и предупреждения преступлений.

² Форма организации деятельности следователя – это обусловленный объективными и субъективными факторами и обеспечивающий наибольшую эффективность порядок организации в соответствующем органе (подразделении) работы следователей по выявлению, раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений. Выбор той или иной формы организации деятельности должен определяться конкретным анализом потребностей органов расследования, учетом обстановки борьбы с преступностью, кадровых возможностей, подготовленности следственных кадров и иными местными условиями.

говорить о существовании двух видов правового обеспечения деятельности следственно-оперативных групп. Первый вид – уголовно-процессуальное обеспечение, второй – непроцессуальное обеспечение [5. С. 33–35].

Уголовно-процессуальное обеспечение функционирования следственно-оперативных групп получило косвенное отражение в ст.ст. 38, 157, 164, 210 УПК РФ.

В соответствии с п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ следователь уполномочен давать органу дознания обязательные для исполнения письменные поручения о производстве отдельных следственных действий, а также поручать содействие при их осуществлении.

Часть 4 ст. 157 УПК РФ регламентирует производство неотложных следственных действий. Кроме того, после направления уголовного дела руководителю следственного органа орган дознания может производить по нему следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия только по поручению следователя. В случае направления руководителю следственного органа уголовного дела, по которому не обнаружено лицо, совершившее преступление, орган дознания обязан принимать розыскные и оперативно-розыскные меры для установления лица, совершившего преступление, уведомляя следователя об их результатах.

Согласно ч. 5 и ч. 7 ст. 164 УПК РФ следователь вправе привлекать к участию в следственном

действии специалиста, эксперта, других участников уголовного судопроизводства, а также должностное лицо органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, о чем делается соответствующая отметка в протоколе. К сожалению, законодатель не разъясняет в чем непосредственно проявляется участие должностного лица органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность в следственном действии. При этом актуален вопрос об отсутствии необходимости дачи органу дознания обязательных для исполнения письменных поручений. В данном случае, на наш взгляд, следует ограничиться устными поручениями.

На основании ст. 210 УПК РФ следователь поручает розыск подозреваемого, обвиняемого органам дознания, о чем указывает в постановлении о приостановлении предварительного следствия или выносит отдельное постановление.

Спорной, на наш взгляд, является точка зрения о процессуальном закреплении данной формы организации деятельности по выявлению, расследованию и предупреждению преступлений в ч. 2 ст. 163 УПК РФ. На сегодняшний день наблюдается тенденция, получившая распространение как среди ученых, так и практиков поверхностного исследования сущности и подмены понятия «следственная группа» понятием «следственно-оперативная группа». Так, Е.А. Травкин утверждает, что на практике следственную группу, указывая при этом на ст.

163 УПК РФ, как правило, называют следственно-оперативной группой и подтверждает данную мысль результатами опроса следователей и сотрудников, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность [3. С. 385].

Вышеизложенное свидетельствует о недопонимании практическими работниками норм уголовно-процессуального законодательства и игнорирование ведомственных нормативных правовых актов, регламентирующих деятельность следственно-оперативных групп.

Также не совсем ясна позиция О.О. Докучаева [1. С. 109] о том, что положение УПК РФ, допускающее привлечение оперативного сотрудника к работе СОГ, фактически регламентирует на процессуальном уровне те же отношения, которые ранее устанавливались подзаконными актами.

Следует обратить внимание, что в ч. 2 ст. 163 УПК РФ о привлечении оперативного сотрудника к работе следственно-оперативной группы не упоминается. Законодатель говорит о возможном привлечении должностных лиц органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, к работе следственной группы, а не следственно-оперативной группы, как отмечает О.О. Докучаев.

В связи с этим также обоснованно утверждение, что ч. 2 ст. 163 УПК РФ регламентирует на процессуальном уровне те же отношения, которые ранее устанавливались подзаконными актами применительно к

организации и деятельности следственно-оперативной группы.

Аналогичную точку зрения высказывает и Ю.Г. Овчинников, подчеркивая, что если в состав следственной группы могут быть привлечены должностные лица органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, то «следовательно, такая группа по духу перестает быть следственной, и становится следственно-оперативной» [2. С. 77].

Некоторые ученые обращают внимание на наличие серьезного пробела в уголовно-процессуальном законодательстве – это отсутствие регламентации деятельности СОГ, которая, по их мнению, способствовала бы расширению процессуальных возможностей в процессе расследования сложных, объемных и многоэпизодных уголовных дел.

По нашему мнению, уголовно-процессуальное законодательство не содержит правовых норм, напрямую предусматривающих создание и деятельность следственно-оперативных групп. Статья 163 УПК РФ не может рассматриваться в качестве такой основы. Исходя из данной правовой нормы должностные лица органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, не обладают процессуальными полномочиями, так как они не включаются в состав следственной группы, а привлекаются к ее работе. Привлечение к работе следственной группы должностных лиц органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, не являет-

ся ключевым для признания процессуальной легитимности следственно-оперативной группы.

Применительно к ст. 163 УПК РФ в ее нынешней редакции было бы неверно говорить о регламентации деятельности следственно-оперативной группы. Кстати, в самой норме такой термин не употребляется. Поэтому точно отражает суть этой коллективной формы деятельности наименование «следственная группа». Что же касается того обстоятельства, что ее деятельность обеспечивается оперативными работниками [4. Ч. 2 ст. 163], то это не влияет на сущность формы организации деятельности.

Оперативное сопровождение расследования осуществляется и тогда, когда расследование ведется одним следователем. Однако это не превращает такое сотрудничество в следственно-оперативную группу.

Правовое обеспечение формирования и функционирования следственно-оперативных групп давно получило закрепление в ведомственных и межведомственных нормативных правовых актах и на сегодняшний день носит непроцессуальный характер.

Следственно-оперативная группа как форма организации деятельности представляет сложное образование, обладающее рядом свойств. На наш взгляд, единственно возможным вариантом уголовно-процессуального закрепления следственно-оперативных групп является

регулирование организационных вопросов деятельности на процессуальном уровне. В этом случае можно было согласить с процессуальной регламентацией деятельности следственно-оперативных групп, однако вопрос требует тщательного осмысления и детальной разработки.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Докучаев О.О. Следственно-оперативная группа как правовая форма взаимодействия следствия и органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность // Вестник криминалистики / отв. ред. А.Г. Филиппов. М.: Спарк, 2008. Вып. 3 (27). С. 109–113.
2. Овчинников Ю.Г. Новый ведомственный нормативный акт о взаимодействии органов внутренних дел нуждается в совершенствовании // Значение творческого наследия профессора А.И. Винберга в развитии отечественной криминалистики (к 100-летию со дня рождения): сб. материалов 49-х криминалистических чтений. М.: Академия управления МВД России, 2008. С. 73–78.
3. Травкин Е.А. Особенности взаимодействия в форме постоянно действующих следственно-оперативных групп // Проблемы современного состояния и пути развития органов предварительного следствия (к 150-летию образования следственного аппарата в России): сб. материалов всерос. науч.-практич. конф. В 3 ч. М.: Академия управления МВД России, 2010. Ч. I. С. 385.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. М.: Проспект, КноРус, 2016.
5. Можяева И.П. О правовом обеспечении деятельности следственно-оперативных групп // Рос. следователь. 2011. № 16. С. 33–35.

С.Б. Россинский

**ПРИЛОЖЕНИЕ К ПРОТОКОЛУ СЛЕДСТВЕННОГО ДЕЙСТВИЯ:
ПРИЗНАВАТЬ ИЛИ НЕ ПРИЗНАВАТЬ КАК ВЕЩЕСТВЕННОЕ
ДОКАЗАТЕЛЬСТВО?**

В статье рассматриваются теоретические и прикладные проблемы, связанные с признанием вещественными доказательствами аудио-, видеозаписей и материалов дополнительной фиксации результатов следственного осмотра, обыска, выемки, следственного эксперимента и других следственных действий.

Автор обосновывает неправомочность подобной следственной практики и выражает к ней резко негативное отношение.

Исходя из того, что рассматриваемые практические ошибки уже частично успели получить легальное закрепление в нормах, посвящённых контролю и записи переговоров, а также получению информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, автор предлагает внести соответствующие изменения в текст УПК РФ.

Ключевые слова: вещественные доказательства, видеозапись следственного действия, виды доказательств, оценка доказательств, протокол следственного действия, собрание доказательств.

S.B. Rossinskiy

**ANNEX TO AN INVESTIGATIVE PROCEEDINGS RECORD: TO
RECOGNIZE OR NOT TO ADMIT AS PHYSICAL EVIDENCE?**

This article examines the theoretical and practical issues associated with the recognition of audio, video and other materials additionally fixing results of investigative inspection, search, seizure, investigative experiment and other investigative actions as material evidence.

Author proves the illegitimacy of such investigative practices and expresses his strong opposition.

Based on the fact that the considered practical mistakes have already partially been fixed in the legal rules devoted to monitoring and recording of communications, as well as obtaining information about the connections between subscribers and (or) subscriber units, the author proposes to amend the text of the Criminal Procedure Code of Russia.

Keywords: the physical evidence, video records of the investigative action, types of evidence, evaluation of evidence, records of the investigative action, collection of evidence.

Вопросы доказывания в уголовном судопроизводстве всегда вызывали большое количество дискуссий, поскольку наряду с правовой сущностью доказывание имеет весьма глубокие философские (гносеологические) корни, которые подчас достаточно сложно облечь в созданную человеческим разумом и, кстати, далеко не всегда безгрешную процессуальную форму. Законы гносеологии существуют сами по себе и не связаны с установленными правилами человеческого общежития. Следовательно, теория уголовно-процессуального доказывания представляет собой совокупность научных положений, уже изначально наполненных целым спектром внутренних противоречий. Причем в условиях нестабильности существующей в нашем государстве процессуальной формы, достаточно частых, в том числе и кардинальных реформ уголовно-процессуального закона обозначенные противоречия приобретают еще более острый характер. Проблемы, считает А.А. Давлетов, исчисляются несколькими десятками. И их количество постоянно растет, так как научное исследование различных аспектов уголовно-процессуального познания продолжает расширяться и углубляться [10. С. 13–14]. На сегодняшний день практически ни один вопрос, относящийся к данной про-

блематике, не получил своего окончательного разрешения

В частности, вплоть до настоящего времени ни ученые, ни законодатель не пришли к единому пониманию вопроса о соотношении вещественных доказательств и приложенных к протоколам следственных действий, возможность использования которых предусмотрена ч. 8 ст. 166 УПК РФ. Имеющиеся здесь доктринальные и нормативно-правовые проблемы неизбежно приводят с серьезным практическим ошибкам, допускаемым сотрудниками органов предварительного расследования при формировании соответствующих доказательств, а также судьями и другими участниками производства по делу.

Одна из них заключается в искусственном и явно необоснованном придании статуса вещественных доказательств объектам, которые по сути являются всего лишь дополнительными средствами фиксации хода и результатов следственных действий. Актуализация данной проблемы напрямую связана с научно-техническим прогрессом и появлением различных средств дополнительной фиксации (помимо протокола) результатов процессуальных действий. В современных условиях такие дополнительные средства, в частности аудио- или видеозапись, в силу своей наглядности и, следовательно, большой

потенциальной информативности являются важным подспорьем при необходимости последующего воссоздания картины следственного действия, анализа отдельных его элементов в целях проверки, оценки и использования в доказывании полученных таким образом результатов. Как совершенно справедливо пишет В.А. Образцов, они обеспечивают получение «иллюстративного материала» [17. С. 114]. В протоколах следственных действий нередко встречаются различные ошибки, неточности, искажения объективной реальности, обусловленные, в первую очередь, особенностями восприятия дознавателем или следователем соответствующих объектов познания. В своих работах мы уже неоднократно отмечали, что современные философы и психологи утверждают не о зеркальном, а лишь об относительно адекватном отражении человеком фрагментов объективной реальности [22. С. 81–84; 23. С. 48–49]. В этой связи в уголовно-процессуальной науке существуют достаточно обоснованные позиции, что даже протокол гласного судебного заседания не может обеспечить полноценного и правильного отражения всех обстоятельств рассмотрения уголовного дела. А это, в свою очередь, не отвечает требованиям ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод [32. С. 22–24].

Поэтому некоторые ученые настойчиво сетуют за обязательное использование дополнительных средств фиксации судебных заседаний, например, аудио- или видеозаписи [19. С. 36]. Очевидно, что в случае протоколирования следственных действий по сравнению с судебным заседанием существует еще большая вероятность искажения обстоятельств объективной реальности. Вследствие этого предусмотренные законом возможности использования дополнительных средств фиксации различных процессуальных мероприятий приобретают значение действенных гарантий в вопросах объективизации познания обстоятельств уголовного дела и обеспечения прав и свобод участвующих лиц. Более того, в ряде случаев использование видеозаписи при производстве отдельных следственных действий уже перешло в ранг законодательного предписания. Так, согласно ч. 1.1 ст. 170 УПК РФ применение технических средств фиксации хода и результатов следственного осмотра, освидетельствования, следственного эксперимента и некоторых других следственных действий является обязательным в случаях, если следователь принимает решение проводить эти действия без участия понятых. Аналогичная обязанность предусмотрена ч. 3 ст. 170 УПК РФ для следственных действий, прово-

димых без участия понятых в труднодоступной местности, при отсутствии надлежащих средств сообщения, а также в случаях, если производство следственного действия связано с опасностью для жизни и здоровья людей.

По смыслу ч. 8 ст. 166 УПК РФ все дополнительные носители информации о ходе и результатах произведенного следственного действия должны быть приобщены в качестве приложения к соответствующему протоколу. В дальнейшем они могут рассматриваться исключительно как составные части протокола, не имеющие без него никакой юридической силы и не являющиеся самостоятельными доказательствами. На данное обстоятельство неоднократно обращалось внимание в юридической литературе [12. С. 12; 31. С. 463; 25. С. 62].

Таким образом, в случае производства следственного осмотра, освидетельствования, обыска, следственного эксперимента и других следственных действий все эти дополнительные носители информации, в частности фотографии, аудио- и видеозаписи, могут расцениваться исключительно в контексте ст.ст. 76–79 и 83 УПК РФ, причем не иначе как совместно с соответствующим протоколом и в полной зависимости от него. Мы согласны с Ю.Н. Соколовым, отмечающим, что самостоятельное закреп-

ление сведений с помощью технических средств при отсутствии протокола в уголовном судопроизводстве ведет к утрате их доказательственного значения [29. С. 29–31].

Вместе с тем анализ современной следственной практики позволяет констатировать иное, на наш взгляд, ошибочное толкование органами дознания и предварительного следствия указанных законодательных предписаний. Постараемся проиллюстрировать это на следующем примере. В июле 2010 г. сотрудниками органов внутренних дел по Центральному федеральному округу был проведен комплекс оперативно-розыскных и проверочных мероприятий, направленный на решение вопроса о возбуждении уголовного дела в отношении начальника одного из подмосковных отделов Росреестра И. по факту якобы вымогаемой им взятки за регистрацию земельного участка. После осуществления оперативного эксперимента и задержания И. с поличным в его служебном кабинете незамедлительно был произведен осмотр места происшествия. В результате данного следственного действия сотрудники милиции обнаружили принадлежащий И. портфель, откуда были извлечены денежные средства в российских рублях и иностранной валюте, а также имеющие отношение к делу документы. В ходе проведения осмотра

места происшествия использовалась видеозапись. Причем впоследствии (уже после возбуждения уголовного дела) видеокассета с этой записью была осмотрена по правилам ст. 177 УПК РФ и приобщена к материалам уголовного дела в качестве вещественного доказательства. На наш взгляд вполне очевидно, что в данной ситуации, кстати, как и во многих других аналогичных случаях, была допущена грубая процессуальная ошибка, заключающаяся в искусственном создании еще одного нового доказательства по уголовному делу. Видеозапись осмотра места происшествия является всего лишь дополнительным средством фиксации тех сведений, которые были изложены в соответствующем протоколе. В результате подобных и, на наш взгляд, совершенно недопустимых действий следователей и органов дознания в материалах уголовных дел фактически незаконно появляются новые самостоятельные вещественные доказательства, чем искусственно и абсолютно непропорционально «укрепляется» доказательственная база. Вместо одного доказательства – результата следственного действия в деле фигурируют уже два отдельных доказательства, которые к тому же являются взаимопроверяемыми и позволяют положительно оценить друг друга на предмет достоверности. Так, оценивая результат (протокол) следствен-

ного осмотра, обыска или иного следственного действия, суд уже не сомневается в его доброкачественности, поскольку он полностью подтверждается вещественным доказательством (например, видеозаписью), равно как и наоборот. На данное обстоятельство обращает внимание Х.А. Сабиров, полагающий что оно вообще может привести к практике отказа от протоколирования, которая на сегодняшний день недопустима [24. С. 123].

Итоги некоторых наших исследований показывают достаточно широкое распространение подобной следственной практики, особенно по категориям уголовных дел, возбуждаемых в связи с реализацией результатов оперативно-розыскной деятельности. Так примерно в 27 % случаев использования в ходе осмотров, обысков и других следственных действий видеозаписи, соответствующая кассета или диск признавались вещественными доказательствами. Причем при выборочном анализе материалов осмотров мест происшествий, проводимых до возбуждения уголовных дел при задержании подозреваемого с поличным (например, по уголовным делам коррупционной направленности), количество таких случаев возрастает до 62 %. В свою очередь 69 % проинтервьюированных нами следователей и 58 % судей считают такую практику вполне нормальной

и допустимой. Близкие по существу следственные ошибки описываются и в работах других авторов. В частности, А.В. Белоусов пишет, что в ряде случаев при возникновении спорных ситуаций суд, просматривая видеозаписи следственных действий, в своем решении ссылается именно на них, а не на протоколы [3. С. 150]. С.А. Ожередова, основываясь на результатах анализа уголовных дел, рассмотренных одним из районных судов, также указывает, что в большинстве случаев судьи расценивают видеозаписи как допустимые доказательства [18]. П.В. Козловский отмечает в своей монографии о случаях использования в качестве самостоятельных доказательств фототаблиц к протоколам следственных действий [13. С. 145].

Достаточно противоречивые позиции по данному вопросу выражаются в решениях Верховного Суда РФ. Так, например, в одном из своих определений Верховный Суд РФ прямо указывает: «Вещественные доказательства – видеозаписи следственных действий – подлежат оставлению при деле» (кассационное определение ВС РФ от 09 октября 2006 № 44–о06–71сп). Однако в другом решении Верховного Суда РФ изложена прямо противоположная точка зрения: «При производстве следственного действия могут также применяться стенографирование, фотографирование, кино-

съемка, аудио- и видеозапись, носители которых, в соответствии с ч. 8 указанной статьи УПК РФ являются приложением к протоколу. В силу положений ст. 74 УПК РФ доказательством по делу является именно протокол следственного действия» (кассационное определение ВС РФ от 16 апреля 2008 г. № 50–о07–47).

Рассмотренная нами практика в настоящее время находит отклики и поддержку в уголовно-процессуальной и криминалистической литературе. Одним из первых ученых, поставивших вопрос о самостоятельном доказательственном значении дополнительных средств фиксации следственных действий является В.Т. Томин. Еще в 1991 г. он писал о присвоении видеозаписи статуса самостоятельного источника доказательства, равноценного протоколу следственного действия, в ходе которого она осуществлялась. Автор связывает такую необходимость с изменением социальных условий и современным уровнем научно-технического развития [30. С. 91]. А.В. Белоусов считает видеозапись самостоятельным доказательством по уголовному делу ввиду того, что она позволяет весьма полно и объективно зафиксировать всю информацию, полученную в ходе тех или иных следственных действий, и играет большую роль в изобличении преступников [3. С. 174]. В свою очередь В.Н. Григо-

рьев, А.В. Победкин и В.Н. Яшин полагают, что протокол и соответствующая видео- или аудиозапись должны оцениваться судом на равных как самостоятельные источники доказательств [9. С. 203]. В этой связи некоторые современные ученые даже предлагают внести соответствующие изменения в УПК РФ, дополнив его положением о самостоятельном доказательственном значении дополнительных средств фиксации следственных действий [11. С. 79; 21. С. 13; 33. С. 6] и выработав требования их допустимости [1. С. 15].

Таким образом, истоки подобной практики и связанных с ней научных воззрений обусловлены особенностями материалов дополнительной фиксации результатов следственных действий, обладающих по сравнению с протоколами гораздо большей информативностью. Аудио- или видеозапись и другие материалы дополнительной фиксации действительно позволяют лицам, в последующем знакомящимся с уголовным делом, установить какие-то иные, новые сведения, которые не могут быть почерпнуты из соответствующего протокола. Видимо именно это обстоятельство в контексте ч. 1 ст. 74 УПК РФ и позволяет некоторым ученым и практическим работникам расценивать данные объекты как отдельные, самостоятельные доказатель-

ства по уголовному делу. Однако такая позиция является ошибочной и основана на неправильном понимании самой гносеологической сущности результатов следственных и судебных действий. В своих работах мы уже отмечали, что, говоря о протоколах следственных действий как о доказательствах по уголовному делу, законодатель имеет в виду определенные информационные ресурсы (сигналы), обусловленные взаимодействием дознавателя, следователя или суда с объектами познания и подлежащие их восприятию [23. С. 95]. Протоколы представляют собой всего лишь документальную форму фиксации обстоятельств, установленных в ходе осмотра, обыска, выемки или других следственных действий. Как справедливо отмечает Ю.А. Веселова, протоколы следственных действий относятся к документальным источникам доказательств. Автор рассматривает их как основные процессуальные документы, составленные по определенной форме в соответствии с законом уполномоченными на то лицами, фиксирующие ход следственных действий, их результаты, иные значимые сведения с целью закрепления и представления доказательств определенному адресату [5. С. 10]. В.С. Шишкин в свою очередь подчеркивает, что любой протокол, обладающий свойствами доказательства, не мо-

жет существовать сам по себе, он является средством отражения информации, на которую заранее целенаправленно ориентирована познавательная деятельность субъектов доказывания [35. С. 71]. Кстати, именно в этой связи доказательства, предусмотренные ст. 83 УПК РФ, мы предлагаем называть не протоколами, а результатами «невербальных» следственных и судебных действий [22. С. 142–143]. А протокол, отмечает Ю.Н. Миленин, выступает как основная законодательно определенная форма представления в уголовное дело таких сведений, зафиксированных описательно (в самом протоколе) или с использованием технических средств, в том числе аудио- и видеотехники [16. С. 16].

Под таким углом зрения материалы аудио-, видео- и тому подобной технической фиксации занимают то самое место в системе средств процессуального познания, которое им отводит законодатель согласно ч. 8 ст. 166 УПК РФ, – как дополнительные носители информации о результатах следственных действий. Ни одна аудио- или видеозапись, ни одна фотография или иное техническое средство фиксации в принципе не может содержать сведений о каких-то других фрагментах объективной реальности, кроме тех, которые были лично восприняты дознавателем или следователем. Иными

словами, объектив и микрофон в данном контексте не могут заменить собой человеческих глаз или ушей. В противном случае речь уже пойдет не о дополнительных средствах фиксации следственных действий, а об использовании специальной криминалистической техники в порядке ч. 6 ст. 164 УПК РФ и о возможном участии специалиста, что неоднократно отмечено О.П. Грибуновым и Е.В. Нарыжным [7. С. 33–35; 8. С. 62–63]. В этой связи В.А. Семенов выражает абсолютно правильную позицию, считая практику отнесения материалов технической фиксации следственных действий к числу вещественных доказательств ошибочной, не основанной на требованиях УПК РФ. Статус протокола следственного действия, пишет автор, исключает дальнейшее исследование материалов его технической фиксации в режиме вещественных доказательств [27. С. 327]. Протокол нельзя противопоставлять его видеозаписи. Они не обусловлены применением различных способов процессуального познания, поэтому не могут расцениваться как самостоятельные виды доказательств. Это всего лишь различные формы фиксации одного и того же доказательства – результата следственного действия. Поэтому мы согласны с Х.А. Сабировым, высказывающимся за сохранение единства протоко-

ла и материалов применения научно-технических средств с приданием им не самостоятельного, а равного доказательственного значения [24. С. 124].

Вместе с тем протокол как письменный документ, безусловно, обладает гораздо меньшей информативностью чем, например, аудио- или видеозапись. Как отмечает А.А. Леви, недостатком протокола является и то, что далеко не все фиксируемые явления можно достаточно четко описать словами, например, сложную позу трупа [15. С. 262]. Данные материалы дополнительной фиксации приобретают известное значение при изучении уголовного дела субъектами процессуального познания, не принимавшими участия в производстве соответствующих следственных действий. Для последующего «читателя» (судьи, прокурора, защитника, обвиняемого, другого следователя и т.д.) приложенная к протоколу видеозапись позволяет как бы «оказаться на месте» производства следственного действия и попробовать самостоятельно повторить за дознавателем или следователем восприятие значимых для уголовного дела сведений. В этой связи нельзя не обратить внимание на достаточно интересную позицию В.А. Семенцова, предлагающего придать видео- или аудиозаписи ведущее доказательственное значение, а в протоколе

фиксировать лишь краткое содержание сведений, закрепленных техническими средствами, сделав его таким образом необходимым, но второстепенным процессуальным атрибутом [26. С. 8]. Видеозапись позволяет реконструировать процессуальное познание, что невозможно сделать посредством изучения письменного протокола. В подобном ракурсе видеозапись следственного действия при последующем восприятии участниками уголовного судопроизводства скорее можно сравнивать с видеодокументом, подпадающим под диспозицию ст. 84 УПК РФ. При этом она никак не отвечает признакам вещественного доказательства.

Ошибочность научных взглядов и порочность следственной и судебной практики в части отнесения дополнительных средств фиксации результатов следственных действий к вещественным доказательствам, на наш взгляд, не вызывает никаких сомнений. Такие процессуальные нарушения опасны возможностью неправильной оценки дознавателем, следователем и судом имеющейся совокупности доказательств, что, в свою очередь, влияет на обоснованность принимаемых по уголовному делу процессуальных решений, в частности выносимых приговоров. Поэтому в данном случае может иметь место только один вывод и только одна обусловленная

им практическая рекомендация, заключающаяся в запрете, адресованном органам дознания и предварительного следствия, на признание вещественными доказательствами тех материальных объектов, которые, не обладая признаками, предусмотренными ст. 81 УПК РФ, являются носителями дополнительных средств фиксации результатов следственных действий, в первую очередь, аудио- и видеозаписей.

Тем не менее выполнение подобной рекомендации не позволит полностью устранить данную проблему, поскольку рассмотренные нами ошибки в настоящее время уже частично успели получить легальное закрепление в тексте уголовно-процессуального закона, а именно в ч. 8 ст. 186 и ч. 6 ст. 186.1 УПК РФ. Так составленная во время контроля и записи переговоров фонограмма в полном объеме приобщается к материалам уголовного дела на основании постановления следователя как вещественное доказательство. Это же правило распространяется на документы, содержащие информацию о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами. С указанной правовой конструкцией в целом согласны и большинство авторов, посвятивших свои работы данной проблематике [4. С. 15; 6. С. 61; 34. С. 109]. Однако все же отдельные ученые выражают свое несогласие в

отношении существующего порядка. Например, М.И. Бекетов предлагает относить фонограмму, полученную в результате контроля и записи переговоров не к вещественным доказательствам, а к иным документам [2. С. 56]. Близких суждений в части ст. 186.1 УПК РФ придерживается А.В. Резцов, указывающий, что для материалов о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, представленных компаниями – операторами связи, более подходящим является не статус вещественных доказательств, а статус иных документов, предусмотренных ст. 84 УПК РФ [20]. О.В. Волынская и В.С. Шишкин занимают по данному поводу более компромиссную позицию. Они отмечают, что при соблюдении определенных законом правил фиксации и сохранения доказательственных сведений технические носители названной информации действительно могут выступать в качестве вещественных доказательств по уголовному делу. Что же касается содержания, т.е. конкретных сведений, отраженных на указанных носителях, то их целесообразно рассматривать в качестве иных документов доказательств [6].

Однако мы не можем согласиться ни с одним из высказанных суждений. Представляется, что ни фонограмма записи телефонных или иных переговоров, ни документы,

содержащие информацию о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, не обладают ни признаками вещественных доказательств, ни признаками иных документов, предусмотренных ст. 84 УПК РФ. На наш взгляд, по своему существу они скорее напоминают рассмотренные выше материалы дополнительной фиксации следственных действий.

Фонограмма контроля и записи переговоров – это объект, который является родственным видеозаписи следственного действия. Различия между ними заключаются в том, что видеозапись представляет собой лишь дополнительное средство фиксации, а фонограмма – основное, поскольку сам следователь лично телефонные или иные переговоры не контролирует. Аналогичная ситуация складывается и в случаях получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, где вместо фонограмм телефонных и иных переговоров следователь получает в свое распоряжение информацию, зафиксированную на любом материальном носителе (ч. 3 ст. 186.1 УПК РФ).

Таким образом, мы приходим к выводу о нецелесообразности положений уголовно-процессуального закона, предписывающих признание материалов, контроля и записи переговоров, а также материалов, со-

держащих информацию о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, вещественными доказательствами и приобщение их к уголовному делу в порядке, предусмотренном ст. 81 УПК РФ. В этой связи представляется необходимым исключить соответствующие фрагменты из ч. 8 ст. 186 и ч. 6 ст. 186.1 УПК РФ, сохранив лишь общее правило о необходимости приобщения данных материалов к уголовному делу.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Анищик О.О. Средства закрепления хода и результатов следственных действий и их доказательственное значение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара: Самарский госуниверситет, 2002.
2. Бекетов М.И. Вещественные доказательства и «иные документы» – проблемы разграничения в УПК РФ // Уголовное право. 2006. № 3.
3. Белоусов А.В. Процессуальное закрепление доказательств при рассмотрении преступлений. М.: Юрлитинформ, 2001.
4. Вазюлин С.А., Васюков В.Ф. Получение информации о соединениях между абонентами: специфика процедуры // Уголовный процесс. 2014. № 1.
5. Веселова Ю.А. Протоколирование и дополнительные методы фиксации доказательств в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб.: Санкт-Петербург. институт Генеральной прокуратуры РФ, 2005.
6. Вольнская О.В., Шишкин В.С. К вопросу о доказательственном значении сведений о телефонных соединениях // СПС «КонсультантПлюс».

7. Грибунов О.П., Нарыжный Е.В. Основные аспекты применения цифровой фотографии при осмотре места происшествия // Эксперт-криминалист. 2014. № 3.
8. Грибунов О.П., Нарыжный Е.В. Технический и процессуальный регламент использования цифровой фотосъемки при проведении осмотра места происшествия // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2015. № 3–2.
9. Григорьев В.Н., Победкин А.В., Яшин В.Н. Уголовный процесс: учебник. М.: Эксмо, 2005.
10. Давлетов А.А. Основы уголовно-процессуального познания. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 1997.
11. Долженко Н.И., Ожередова С.А. Видеозапись следственного действия как источник доказательственной информации // Вестник криминалистики. 2007. № 4.
12. Камышин В.А. Иные документы, как «свободное» доказательство в уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск: Удмуртский госуниверситет, 1998.
13. Козловский П.В. Виды доказательств в уголовном судопроизводстве: эволюция, регламентация, соотношение. М.: Юрлитинформ, 2014.
14. Лапин Е.С. Технология получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами при расследовании преступлений против интеллектуальной собственности // СПС «КонсультантПлюс».
15. Леви А.А. Избранные научные труды. М.: РУДН, 2012.
16. Миленин Ю.Н. Аудио- и видео документы как доказательства в уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Орел: Орловский юридический институт МВД России, 2009.
17. Образцов В.А. Курс лекций по криминалистике. М.: Юристъ, 1996.
18. Ожередова С.А. Улика на пленке // СПС КонсультантПлюс.
19. Подольный Н.А. Аудиозапись исключит фальсификацию протокола судебного заседания // Рос. юстиция. 2002. № 8. С. 36.
20. Резцов А.В. Информация о соединениях между абонентами сотовой связи при установлении обстоятельств совершенного преступления // СПС «КонсультантПлюс».
21. Романов В.И. Процессуальные, тактические и этические вопросы применения научно-технических средств при расследовании преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань: Казанский госуниверситет им. В.И. Ульянова-Ленина, 1997.
22. Россинский С.Б. Концептуальные основы формирования результатов «невербальных» следственных и судебных действий в доказывании по уголовному делу: дис. ... д-ра юрид. наук. М.: Университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА), 2015.
23. Россинский С.Б. Результаты «невербальных» следственных и судебных действий как вид доказательств по уголовному делу. М.: Юрлитинформ, 2015.
24. Сабиров Х.А. Протоколы следственных и судебных действий как вид доказательств в российском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар: Кубанский гос. аграрный университет, 2000.
25. Савенко О.В. Протоколы следственных действий и судебного заседания как доказательства по уголовному делу: дис. ... канд. юрид. наук. Брянск: Брянск. госуниверситет им. академика И.Г. Петровского, 2014.

26. Семенцов В.А. Видео- и звуко-запись в доказательственной деятельности следователя: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург: УрГЮА, 1994.

27. Семенцов В.А. Избранные статьи по уголовному процессу. Краснодар: КубГУ, 2013.

28. Семенцов В.А. Следственные действия: учебное пособие. Екатеринбург: УрГЮА, 2003.

29. Соколов Ю.Н. Информационные технологии как альтернативные средства фиксации при производстве следственных действий // Рос. юстиция. 2010. № 6.

30. Томин В.Т. Острые углы уголовного судопроизводства. М.: Юрид. лит., 1991.

31. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / отв.

ред. П.А. Лупинская, Л.А. Воскобитова; 3-е изд. М.: Норма, 2013.

32. Фомин М.А. Протокол судебного заседания: «прошу данный вопрос и ответ на него отразить дословно» // Рос. юстиция. 2003. № 11.

33. Цомая С.Д. Правовое регулирование и доказательственное значение применения научно-технических средств в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: Академия управления МВД России, 2007.

34. Шейфер С.А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение. М.: Юрлитинформ, 2004.

35. Шишкин В.С. Документы в доказывании при производстве по уголовному делу: дис. ... канд. юрид. наук. М.: МосУ МВД России, 2012.

И.В. Смолькова

**ВСТРЕЧИ СОТРУДНИКА ОРГАНА ДОЗНАНИЯ,
ОСУЩЕСТВЛЯЮЩЕГО ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНУЮ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, С ПОДОЗРЕВАЕМОМ, НАХОДЯЩИМСЯ
ПОД СТРАЖЕЙ**

В статье рассматривается одна из остро дискуссионных проблем уголовно-процессуального права о целях и результатах встреч оперативных сотрудников органа дознания, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, с подозреваемым, находящимся под стражей. Автор статьи исходит из того, что действующий уголовно-процессуальный закон не предусматривает никаких процессуальных гарантий, обеспечивающих защиту подозреваемого, находящегося под стражей, от незаконных и необоснованных действий оперативных сотрудников и предлагает установить такие гарантии.

Ключевые слова: встречи, оперативный сотрудник, орган дознания, оперативно-розыскная деятельность, подозреваемый, обвиняемый, следователь, признание обвиняемым своей вины.

I.V. Smolkova

**THE MEETING OF THE INQUIRY BODY'S OFFICER, CARRYING
OUT OPERATIVE INVESTIGATIONS ACTIVITY, WITH THE
SUSPECT IN CUSTODY**

The article discusses one of the very controversial issues of domestic science of criminal procedure law about the goals and results of the meetings of the inquiry body's operative officers, conducting operative investigation activity, with the suspect in custody. The author believes that the current criminal procedure law doesn't provide procedural safeguards protecting the suspect in custody from the illegal and unreasonable actions of operational staff and proposes to establish such safeguards.

Keywords: meetings, operative officer, inquiry body, operative investigation activity, the suspect, the accused, the investigator, recognition of guilt by the accused.

Предписание ч. 2 ст. 95 УПК РФ недостаточно продумано, в высшей степени неопределенно, не вписывается в контекст уголовного судопроизводства и ставит лишь вопросы, ответы на которые остаются «за кадром»

В.И. Зажицкий

В ч. 2 ст. 95 УПК РФ установлено, что «в случае необходимости проведения оперативно-розыскных мероприятий допускаются встречи сотрудника органа дознания, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, с подозреваемым, с письменного разрешения дознавателя, следователя, прокурора или суда, в производстве которых находится уголовное дело». Такая необходимость, по мнению некоторых авторов, определяется «задачами выявления, пресечения, раскрытия преступлений, по которым лицо не является подозреваемым» [17. С. 432].

С точки зрения В.И. Зажицкого, требования ч. 2 ст. 95 УПК РФ также распространяются и на встречи оперативных сотрудников с обвиняемыми, содержащимися под стражей [3. С. 34]. Необходимо, однако, отметить, что это мнение автора расходится с законом, ибо в ст. 95 УПК РФ речь идет только о подозреваемом, содержащемся под стражей. Об этом свидетельствует как название ст. 95 УПК РФ – «Порядок содержания подозреваемых под стражей», так и ее нахождение в

главе 12 УПК РФ «Задержание подозреваемого». Одновременно следует заметить, что в ч. 2 ст. 95 УПК РФ речь идет о подозреваемом, слова «содержащийся под стражей» в ней по какой-то неясной причине отсутствуют, из этого вполне можно сделать вывод о том, что названные встречи могут производиться с любым подозреваемым. Думается, что это не так, исходя из названия и содержания ст. 95 УПК РФ.

Следует обратить особое внимание на то, что законодатель использует термин «встречи», который В.И. Зажицкий иронично, но точно назвал «лирическим и явно неподходящим для контекста ст. 95 УПК РФ» [3. С. 34].

Из текста ч. 2 ст. 95 УПК РФ следует, что «встреч» может быть несколько. Естественно в этой связи возникают вопросы: «Сколько может быть проведено таких встреч и для чего они проводятся? Почему необходимо несколько встреч? Какие цели они преследуют?». В.И. Зажицкий полагает, что ключевым моментом в данном случае является определение, какие конкретно оперативно-розыскные ме-

роприятия (далее – ОРМ), предусмотренные ст. 6 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ «Об ОРД») [8], могут проводиться с подозреваемым. По его мнению, в рамках таких встреч допустимо проводить только одно ОРМ – опрос [3. С. 37]. И с этим мнением следует согласиться, поскольку никакие другие ОРМ в данном случае проводиться в принципе не могут, тем более не могут проводиться допросы и другие следственные действия.

В свое время А.Г. Лекарь и А.В. Гребельский обосновывали встречи оперативных сотрудников с подозреваемым в период предварительного следствия необходимостью проведения «разведывательных опросов подозреваемых (обвиняемых), особенно тех, которые длительное время общались с другими правонарушителями и могли получать информацию о замыслах, подготавливаемых или совершенных преступлениях лицами, не связанными с подозреваемыми (обвиняемыми) по расследуемому делу» [7. С. 19].

В процессе производства предварительного расследования может возникнуть необходимость проведения ОРМ в целях получения информации об очевидцах преступления, месте нахождения похищенного имущества или имущества,

подлежащего конфискации и т. п. В таких случаях следователь в соответствии с п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ уполномочен давать органу дознания обязательные для исполнения письменные поручения о проведении ОРМ, однако они не имеют отношения к предписаниям ч. 2 ст. 95 УПК РФ.

Представляется, что для получения разрешения следователя на «встречи» с подозреваемым, находящимся под стражей, оперативный сотрудник должен обосновать необходимость проведения ОРМ в соответствии с ФЗ «Об ОРД», либо «встречаться» с подозреваемым он может, лишь выполняя поручение следователя.

В литературе по вопросу о законности встреч оперативных сотрудников с подозреваемым, находящимся под стражей, высказаны две разные позиции. Первая позиция заключается в том, что необходимо категорически запретить мероприятия оперативно-розыскного характера, проводимые с задержанным подозреваемым, поскольку в таких случаях имеет место ущемление прав последнего. В частности, с точки зрения И.Л. Петрухина, встречи оперативного сотрудника с подозреваемым могут преследовать только две цели: 1) вербовку подозреваемого или дачу ему инструкций о проведении оперативной работы с заключенными или получе-

ние сведений о результатах этой работы; 2) склонение подозреваемого к признанию вины и выдаче соучастников путем проведения бесед и других действий не процессуального характера [13. С. 105].

Поддерживая эту позицию, Н.Н. Ковтун замечает, что «сотрудники оперативных аппаратов и служб могут поблагодарить законодателя за предоставленные им дополнительные возможности для получения признательных показаний от лиц, задержанных по подозрению в совершении преступлений» [5. С. 46]. С точки зрения В.Н. Перекрестова, необходимо вообще упразднить ч. 2 ст. 95 УПК РФ, поскольку оперативные сотрудники проводят с подозреваемыми (обвиняемыми) незаконные действия [12. С. 162].

Вторая позиция заключается в том, что эти встречи необходимы, поскольку направлены на раскрытие других преступлений, о которых подозреваемый может быть осведомлен. Так, с точки зрения В.И. Зажицкого, встречи оперативного сотрудника с задержанным подозреваемым направлены на получение от последнего сведений, имеющих значение для успешного осуществления оперативно-розыскной и контрразведывательной деятельности соответствующих правоохранительных органов и повышения эффективности их деятельности, а не для расследуемого уголовного

дела. Он полагает, что предписание ч. 2 ст. 95 УПК РФ вообще не имело бы смысла, если допустить иное. По его мнению, «склонение подозреваемого к признанию вины» представляет собой важнейший элемент функции уголовного преследования, который включает в себя принятие предусмотренных ч. 2 ст. 21 УПК РФ мер по изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления, но эту функцию должен осуществлять следователь, а не оперативный сотрудник [3. С. 34]. С этим стоит согласиться, но в данном случае вызывают возражение слова «склонение подозреваемого к признанию вины»: ни оперативный сотрудник, ни следователь не могут и не должны «склонять» к признанию вины. Убеждать, советовать, разъяснять – да, но не склонять.

Вместе с тем В.И. Зажицкий высказывает вполне обоснованное сомнение относительно простоты подхода законодателя к вопросу о привлечении отдельных лиц с их согласия к сотрудничеству на конфиденциальной основе, поскольку эта сфера ОРД составляет государственную тайну и «втискивать» ее в рамки уголовно-процессуальных предписаний недопустимо. С его точки зрения, достаточно нелепо выглядела бы ситуация, при которой следователь в своем письменном разрешении на проведение встреч оперативного сотрудника с

подозреваемым указывал бы на то, что такие встречи необходимы в целях вербовки последнего. Представляется, что это объяснение также выглядит достаточно простым. Одновременно В.И. Зажицкий замечает, что в средствах массовой информации неоднократно освещались трагические результаты таких «встреч» и «бесед» [3. С. 35, 36].

Е.Л. Забарчук полагает, что встречи и беседы возможны в рамках проведения ОРМ, направленных на «побуждение подозреваемого к деятельному раскаянию» [2. С. 47]. Возникает в этой связи закономерный вопрос: является ли оперативный сотрудник психологом или обладает в отличие от следователя особым даром убеждения, чтобы «побудить» подозреваемого к раскаянию, да и входит ли это в его компетенцию? Тем более, что целью встреч оперативного сотрудника с подозреваемым является получение от него информации по другим преступлениям, не связанным с преступлением, в котором последний подозревается.

Совершенно очевидно, что такие «встречи», по мнению Е.Л. Забарчука, нужны, чтобы склонить подозреваемого к признанию вины. Представляется, что это недопустимо. Нельзя подменять официальный допрос подозреваемого какими-то странными «встречами» с лицом, не имеющим соответствующих процес-

суальных полномочий. Из содержания ч. 2 ст. 95 УПК РФ со всей очевидностью вытекает, что встреча – это не допрос подозреваемого, она также не заменяет его допрос и не направлена на получение доказательств в виде признания им своей вины. После принятия дела к производству следователь не вправе поручать допросы подозреваемого кому бы то ни было, а беседа оперативного сотрудника с подозреваемым, как справедливо заметил И.Л. Петрухин, это по существу «завуалированный допрос» [6. С. 168].

Конституционный Суд РФ в своих решениях неоднократно обращал внимание на недопустимость подмены допроса обвиняемого, проводимого с соблюдением процессуальной формы, непроцессуальными мероприятиями (беседами, опросами в условиях следственного изолятора) [9; 10].

Представляется, что беседы с задержанными подозреваемыми, проводимые оперативными сотрудниками, хотя и с согласия следователя, недопустимы по следующим соображениям: 1) в данном случае нарушается конституционное право на защиту задержанного (арестованного) подозреваемого; 2) оперативный сотрудник, не связанный с требованиями УПК, может превысить свои полномочия, что на практике постоянно происходит.

Б.Т. Безлепкин в этой связи вполне обоснованно замечает, что обе стороны (оперативный сотрудник и подозреваемый) не связаны взаимными правами и обязанностями, как это имеет место в следственной деятельности, где каждый шаг регламентирован процессуальными правилами. С точки зрения данного автора, одним из существенных изъятий конструкции ч. 2 ст. 95 УПК РФ является идея контроля со стороны дознавателя, следователя, прокурора и особенно суда за оперативно-розыскной деятельностью спецслужб, если она «как-то касается подозреваемого по уголовному делу, находящемуся в их производстве» [1. С. 162]. Такая идея представляется теоретически несостоятельной. Невозможно уголовно-процессуальными средствами контролировать деятельность негласную, не основанную на уголовно-процессуальном законе.

Часть 2 ст. 95 УПК РФ порождает множество других вопросов: в частности, может ли подозреваемый отказаться от общения с оперативным сотрудником; должно ли учитываться его мнение при желании оперативных сотрудников провести с ним встречу; должно ли быть обеспечено участие защитника при этой встрече; распространяются ли на подозреваемого при таких встречах процессуальные гарантии и чем они обеспечиваются; какие права при

этих встречах имеет подозреваемый; какие обязанности возлагаются на него в этих случаях и др.

На практике отказ в допуске защитника к встречам, проводимым с подозреваемым, оперативными сотрудниками мотивируется конфиденциальным характером ОРМ.

В литературе обосновываются различные гарантии, направленные на обеспечение интересов подозреваемого и исключение какого-либо принудительного воздействия на него при встречах с оперативными сотрудниками в порядке ч. 2 ст. 95 УПК РФ. Так, С.А. Касаткина предлагает при проведении таких встреч обеспечивать обязательное участие защитника [4. С. 118]. С этим предложением следует согласиться, ибо, хотя признание, сделанное подозреваемым оперативному сотруднику, доказательством не является, однако оно может повлечь ряд негативных последствий для него, а именно: полученное внепроцессуальное признание подозреваемым своей вины может использоваться в дальнейшем следователем для оказания давления на обвиняемого с целью добиться подтверждения и процессуального закрепления признания вины. Кроме того, сторона обвинения, получая важную ориентирующую информацию, одновременно получает тактическое преимущество.

Совершенно очевидно, что подозреваемый может воспользо-

ваться правом не свидетельствовать против самого себя, отказаться от таких бесед, а также потребовать присутствия адвоката во время такой встречи. Отказ подозреваемого от таких встреч не должен влечь для него каких-либо негативных последствий. При наличии ходатайства оперативного сотрудника о встрече с подозреваемым следователь должен уведомить об этом подозреваемого. Участие подозреваемого во встречах должно быть исключительно на добровольной основе. Разумеется, должны быть исключены принуждение, угрозы, шантаж и физическое воздействие на подозреваемого. Совершенно очевидно, что такие «встречи» за пределами следственного изолятора вообще недопустимы. Более того без разрешения следователя никто из оперативных сотрудников не должен иметь право на контакты с подозреваемым, в том числе и в оперативных целях.

Некоторые авторы высказывают суждение о том, что «суд может дать разрешение на встречу оперативного работника с подсудимым по делу, принятому судом к своему производству, и, в отношении которого избрана мера пресечения в виде заключения под стражу. Такой подсудимый может быть подозреваемым по другому делу, например, при совершении преступления в следственном изолято-

ре» [16. С. 268–269]. Данные рассуждения вытекают из положений ч. 2 ст. 95 УПК РФ, предоставляющей полномочия суду, в производстве которого находится уголовное дело, давать письменное разрешение на проведение встреч с подозреваемым сотрудником органа дознания, осуществляющего ОРД. Вообще, думается, данное предписание закона непонятно, кроме того, оно противоречит сущности судебной деятельности, ибо суд не должен быть вовлечен в какие-либо оперативно-розыскные отношения. Если уголовное дело передано в суд, то в суде нет и не может быть такого участника уголовного судопроизводства, как подозреваемый. Если же подсудимый совершает преступление в следственном изоляторе, то суд также не имеет к нему никакого отношения, по данному факту возбуждается уголовное дело и лицо, признанное подозреваемым, находится в ведении следователя.

Верховный Суд РФ, признавая недопустимыми доказательствами показания свидетелей-сотрудников милиции, которые сообщили суду о признании, сделанном им задержанным лицом, по одному из уголовных дел отметил, что «так называемые беседы с задержанным являлись ничем иным, как незаконным допросом, который проводился в отсутствие адвоката,

без разъяснения задержанному положений ч. 1 ст. 51 Конституции Российской Федерации» [11. С. 4].

Конкретные ориентиры в рассматриваемом вопросе установлены в Своде принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме (утвержден Резолюцией 43/173 Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1988 г., далее – «Свод принципов защиты») [15. С. 216–217]. Так, в этом документе предусмотрены следующие предписания: «1. Запрещается злоупотреблять положением задержанного или находящегося в заключении лица с целью принуждения его к признанию, к какому-либо иному изобличению самого себя или даче показаний против любого другого лица.

2. Ни одно задержанное лицо не должно подвергаться во время допроса насилию, угрозам или таким методам дознания, которые нарушают его способность принимать решения или выносить суждения» (принцип 21).

Небезынтересна в этом отношении и практика Европейского Суда по правам человека (далее – ЕСПЧ). Так, в решении от 1 апреля 2010 г. по делу «Павленко против Российской Федерации» ЕСПЧ признал нарушением права на справедливое судебное разбирательство практику, когда с задержанными лицами проводятся «беседы» со-

трудниками полиции для получения признательных показаний в отсутствие адвоката, одновременно отметив, что государство-ответчик даже и «не пыталось разъяснить природу подобных “бесед”, чтобы устранить сомнения в их надлежащем характере» [14. С. 99].

Следует поддержать предложение В.И. Зажицкого о том, что в ч. 2 ст. 95 УПК РФ необходимо внести изменения, в соответствии с которыми оперативный сотрудник может проводить только опрос подозреваемого с письменного разрешения следователя (дознателя) в целях получения сведений, способствующих решению задач оперативно-розыскной и контрразведывательной деятельности. Кроме того, автор справедливо замечает, что встречи оперативного сотрудника с подозреваемым ни в чем не должны подменять собой функции следователя, оперативный сотрудник в ходе проведения опроса подозреваемого не вправе выяснять обстоятельства, составляющие предмет доказывания, тем более, он не должен участвовать в изобличении подозреваемого в совершении преступления, т. е. в осуществлении функции уголовного преследования. На этом основании В.И. Зажицкий предлагает включить в ч. 2 ст. 95 УПК РФ следующее положение: «оперативному сотруднику, осуществляющему опрос подозреваемого, запрещается

выяснять вопросы, входящие в компетенцию следователя (получать сведения об обстоятельствах, составляющих предмет доказывания, изобличать лицо в совершении преступления)» [3. С. 35, 37]. Кроме того, нам представляется, что в ч. 2 ст. 95 УПК РФ необходимо включить и другие положения, а именно: «1. Задержанный подозреваемый и подозреваемый, находящийся под стражей, вправе отказаться от встречи с оперативным сотрудником. Отказ от встречи с оперативным сотрудником не влечет для подозреваемого негативных последствий. 2. Согласие на встречу с оперативным сотрудником задержанный подозреваемый и подозреваемый, находящийся под стражей, должен дать в письменном виде в присутствии защитника».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Безлепкин Б.Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). 10-е изд. перераб. и доп. М.: Проспект, 2011. 704 с.
2. Забарчук Е.Л. Принятие решения о деятельном раскаянии лицом, привлекаемом к уголовной ответственности // Журнал российского права. 2008. № 8. С. 42–48.
3. Зажицкий В.И. Встречи оперативного сотрудника с подозреваемым: какими они должны быть? // Российская юстиция. 2015. № 1. С. 34–36.
4. Касаткина С.А. Признание вины. М.: Проспект, 2013. 224 с.

5. Ковтун Н.Н. Задержание подозреваемого: новые грани старых проблем // Юридическая литература. 2010. № 10. С. 44–48.

6. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. И.Л. Петрухин. М.: ТК Велби, Проспект, 2007. 720 с.

7. Лекарь А.Г., Гребельский А.В. Разведывательный опрос. М.: Изд-во ВШ МООП РСФСР, 1962. 79 с.

8. Об оперативно-розыскной деятельности: федеральный закон от 12 авг. 1995 г. № 144-ФЗ // СЗРФ. 1995. № 33. Ст. 3349 (с изм., внесенными федеральными законами от 18 июля 1997 г. № 101-ФЗ; от 21 июля 1998 г. № 117-ФЗ; от 5 янв. 1999 г. № 6-ФЗ; от 30 дек. 1999 г. № 225-ФЗ; от 20 марта 2001 г. № 26-ФЗ; от 10 янв. 2003 г. № 15-ФЗ; от 30 июня 2003 г. № 86-ФЗ; от 29 июня 2004 г. № 58-ФЗ; от 22 авг. 2004 г. № 122-ФЗ; от 2 дек. 2005 г. № 150-ФЗ; от 24 июля 2007 г. № 211-ФЗ, № 214-ФЗ; от 29 апр. 2008 г. № 58-ФЗ; от 29 нояб. 2008 г. № 207-ФЗ; от 22 дек. 2008 г. № 272-ФЗ; от 25 дек. 2008 г. № 280-ФЗ; от 26 дек. 2008 г. № 293-ФЗ; от 28 дек. 2010 г. № 404-ФЗ; от 21 нояб. 2011 г. № 329-ФЗ; от 8 дек. 2011 г. № 424-ФЗ; от 10 июля 2012 г. № 114-ФЗ; от 29 нояб. 2012 г. № 207-ФЗ; от 5 апр. 2013 г. № 53-ФЗ).

9. Об отказе в принятии жалобы гражданина Барковского Константина Олеговича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 127 УПК РСФСР, пунктом 1 части первой статьи 6 и пунктом 3 части первой статьи 7 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 1 дек. 1999 г. № 211-О // СЗ РФ. 2000. № 10. Ст. 1164.

10. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Корчаги-

на Алексея Юрьевича на нарушение его конституционных прав положениями Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 20 дек. 2005 г. № 473-О. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision31255.pdf> (дата обращения 12.05.2017).

11. Определение Кассационной палаты Верховного Суда РФ от 14 июля 1999 г. // Бюл. Верховного Суда Российской Федерации. 2000. № 5. С. 4.

12. Перекрестов В.Н. Совершенство системы гарантий добровольности признания вины как направление модернизации уголовно-процессуального законодательства // Вестник Волгоград. гос. ун-та. Сер. 5. Юриспруденция. 2013. № 2 (19). С. 160–165.

13. Петрухин И.Л. Теоретические основы реформы уголовного процесса в России: В 2 ч. М.: ТК Велби, 2005. Ч. 2. 192 с.

14. По делу «Павленко против Российской Федерации»: решение Европейского Суда по правам человека от 1 апр. 2010 г. // Бюл. Европейского Суда по правам человека. 2010. № 10. С. 83–102.

15. Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме: утвержден Генеральной Ассамблеей ООН Резолюцией 43/173 от 9 дек. 1988 г. // Международные акты о правах человека: сб. документов / сост. В.А. Карташкин и Е.А. Лукашева; 2-е изд. доп. М.: НОРМА, 2002. С. 212–220.

16. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. А.В. Смирнова. СПб.: Питер, 2004. 567 с.

17. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Главы 1–32.1: постатейный научно-практический комментарий / отв. ред. Л.А. Воскобитова. М.: Ред. «Российской газеты», 2015. 912 с.

**С.Ф. Малышева, Г.В. Плотникова
ИССЛЕДОВАНИЕ КАРКАСА ГИПСОКАРТОНА МАГНИТНЫМ
МЕТОДОМ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ПОЖАРНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ
ЭКСПЕРТИЗЫ**

В статье рассмотрены возможности применения магнитного метода для исследования образцов каркаса из металлического профиля, применяемого для крепления гипсокартона к поверхностям, с целью определения коэрцитивной силы, по величине которой можно сделать вывод о термических повреждениях образцов, подвергшихся тепловому воздействию на пожаре. Полученные результаты исследований свидетельствуют о возможности применения магнитного метода для исследования металлического каркаса для гипсокартона при установлении очага пожара.

Ключевые слова: гипсокартон, металлический каркас, металлический профиль, магнитный метод, коэрцитивная сила.

**S.F. Malysheva, G.V. Plotnikova
THE TEST OF GYPSUM BOARD FRAME BY MAGNETIC METHOD
IN THE PERFORMANCE OF FIRE-TECHNICAL EXAMINATION**

The article considers possibilities of applying magnetic method to test the samples of metal profiles frame used for fastening of gypsum boards to surfaces in order to determine the coercive force, the magnitude of which makes possible to evaluate the thermal damage of the samples heat-affected in the fire. The obtained results indicate the possibility of using magnetic methods to examine metal frame for gypsum boards in locating the body of fire.

Keywords: gypsum board, metal frame, metal profile, magnetic method, coercive force.

Гипсокартон представляет собой строительный материал, который широко применяется для устройства легких стен, подвесных потолков, всевозможных перегородок, является хорошим облицовочным материалом. Состоит гипсокартон из двух листов картона с прослойкой строительного гипса и различных других наполнителей. Основой гипсокартона служит гипс. Выбор гипса обусловлен его способностью «дышать», т. е. пропускать воздух, и в то же время поддерживать в помещении постоянную влажность. Гипсокартон, как правило, не содержит токсичные материалы и вещества, что обеспечивает его экологическую безопасность.

Большинство строительных материалов на основе гипса обладают высокой огнестойкостью, так как сам гипс не является горючим материалом. Горючесть гипсокартону могут придавать всевозможные наполнители, картонные листы, а также конструкции, с помощью которых осуществляется его крепление к стенам или потолку (древесина).

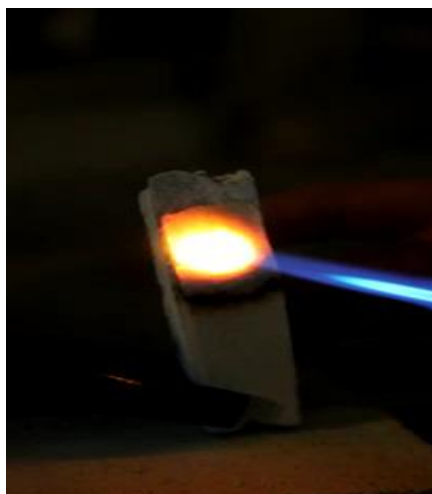

Рис. 1. Испытание гипсокартона при воздействии пламени

На рынке строительных отделочных материалов присутствуют два вида гипсокартона. влагостойкие и огнестойкие (огнеупорные). Картон, являющийся составной частью гипсокартона, очень плотно соединен с гипсом, поэтому внутри материала отсутствует воздух и горение картона становится практически невозможным, поэтому при длительном воздействии источника огня может произойти только обугливание картона и разрушение слоя из гипса в результате выделения из него воды. В связи с этим гипсокартон теряет свою прочность. Поэтому абсолютно негорючих видов гипсокартона не бывает.

При проведении испытаний гипсокартона [1] было установлено,

что стандартные перегородки из этого материала, находящиеся в ненагруженном состоянии, при воздействии открытого пламени в течение 45 минут остались в неповрежденном состоянии, горение полностью отсутствовало и образования дыма не происходило (рис. 1). В то же время на практике несущая способность таких же листов гипсокартона была потеряна уже через 20 минут. Это произошло потому, что листы были установлены на металлический каркас, который потерял свою несущую способность в результате нагрева. В то же время одним из широко применяемых способов крепления гипсокартона к стене или потолку является сооружение каркаса, изготовленного из

оцинкованных металлических профилей, к которым производится крепление листов гипсокартона с помощью шурупов или дюбелей [2].

При возникновении пожара в помещении, в котором отделка состоит из гипсокартона, как и при пожаре на любом другом объекте, перед экспертом или специалистом стоит задача установления очага и причины возникновения пожара. Вся необходимая информация по пожару устанавливается как на этапе осмотра, так и в ходе дальнейшего расследования.

В распоряжении специалистов имеются разные методы определения очага пожара [3–5]. Некоторые являются более трудоемкими, некоторые менее точными, для части из них нужно оборудование и приборная база, которыми не располагают экспертные подразделения. Исследование остатков разрушенного слоя гипса с целью определения температуры нагрева возможно методами термического анализа [5, 6], но установками для исследований располагают далеко не все экспертные подразделения.

В то же время практически во всех подразделениях применяется магнитный метод исследования, не разрушающий металлические изделия, изготовленные методом холодной деформации. Результаты исследования данным методом, как и результаты, полученные другими методами, используются для определения признаков очага пожара и пу-

тей его распространения [7]. При воздействии пожара на металлические изделия, находящиеся в зоне теплового излучения, в них происходят структурные изменения, которые влияют на магнитные свойства металла. Магнитные методы основаны на измерении магнитных характеристик и позволяют выявить произошли структурные изменения в металле во время пожара или нет. К таким характеристикам, по которым можно установить наличие структурных изменений, относится коэрцитивная сила, величина которой и определяется при исследовании металлических изделий (гвозди, болты, шурупы, скобы), изъятых с места пожара.

Если гипсокартон крепился к стенам или потолку с помощью металлического каркаса, то на месте пожара, как правило, имеются остатки металлического профиля каркаса, которые могут быть использованы как объекты для исследования магнитным методом. Металлический каркас относится к материалам, полученным методом холодной деформации. Способом холодной деформации получают большое количество всевозможных крепежных изделий, ассортимент которых весьма широк и разнообразен, с их помощью осуществляется крепление изделий между собой, а также с поверхностями из других материалов. К таким изделиям относятся болты, гайки, шпильки, винты, шурупы, скобы, гвозди т.д.

При изготовлении эти изделия не подвергаются термической обработке, поэтому структура металла остается неизменной. Следовательно, если такие изделия в процессе эксплуатации подвергались внешним воздействиям, в том числе нагреванию на пожаре, то структура их претерпевает изменения. При производстве пожарно-технических экспертиз при установлении очага пожара наряду с другими методами применяются магнитные методы для исследования холоднодеформированных изделий, подвергшихся тепловому воздействию пожара. Эти методы основаны на измерении магнитных характеристик, которые в свою очередь зависят от структу-

ры металла. В основе магнитного метода лежит измерение величины коэрцитивной силы или тока размагничивания предварительно намагниченного металлического изделия [8].

Коэрцитивная сила представляет собой напряженность магнитного поля (H_C), необходимую для уменьшения остаточной намагниченности (индукции) ферромагнетика до нуля. При этом поле H_C обратно по направлению полю, создавшему эту остаточную намагниченность (индукцию). Коэрцитивная сила определяется точкой пересечения нисходящей ветви петли гистерезиса (предельной или частной) с осью напряженностей.

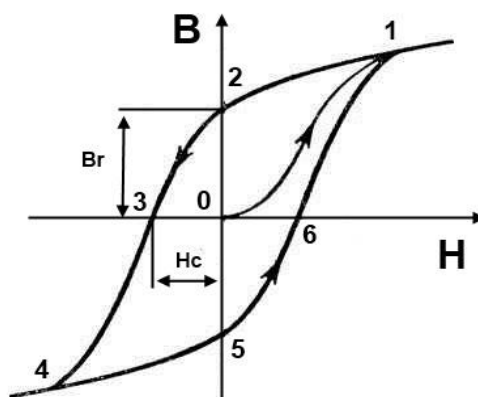

Рис. 2. Петля гистерезиса

Петля гистерезиса представляет собой график зависимости величины магнитной индукции (B) от напряженности магнитного поля (H). На рис. 2 показано:

1) участок 0–1. Кривая первоначального намагничивания, которая показывает, как меняется маг-

нитная индукция в размагниченной катушке;

2) участок 1–2. Кривая уменьшения напряженности магнитного поля до нуля, после насыщения (ниже точки 1). Сердечник катушки остался намагниченным на величину остаточной намагничен-

ности (B_r). Это называется явлением магнитного гистерезиса;

3) участок 2–3. В результате изменения направления тока в катушке процесс размагничивания продолжается до пересечения оси абсцисс;

4) участок 3–0. Называется коэрцитивной силой (H_c). Это величина, которая необходима для уничтожения поля в сердечнике;

5) участок 3–4. Аналогично кривой 0–1 происходит намагничивание сердечника до насыщения и обратно размагничивание на участке 4–5 и 5–6 с последующим намагничиванием до точки 1.

Коэрцитивная сила (участок 3–0) является важным магнитным параметром, который находится в корреляционной связи со структурно-механическими параметрами металлов, она не зависит от геометрии образца и отличается простотой измерения.

Коэрцитивная сила, величина которой определяется с помощью магнитного метода, является показателем того, насколько затруднены в материалах процессы намагничивания (перемагничивания).

Приборы, служащие для измерения коэрцитивной силы называются коэрцитиметрами (рис. 3). В этих приборах исследуемый образец намагничивают до значения индукции B_m , а затем измеряют значение обратного магнитного поля, под действием которого остаточная намагниченность (индукция) доводится до нуля. Для намагничивания и размагничивания образцов служат различные полезадающие системы – соленоиды, приставные электромагниты, а в качестве индикаторов нуля намагниченности (индукции) – магнитные стрелки, индукционные катушки, преобразователи Холла, ферроиндукционные преобразователи – феррозонды и др.

Рис. 3. Коэрцитиметр Каскад-01

Магнитный метод, применяемый для определения коэрцитивной

силы при производстве пожарно-технических экспертиз, позволяет

по величине тока размагничивания (коэрцитивной силе) оценить термические поражения однотипных холоднодеформированных изделий, находившиеся в разных зонах пожара, в зависимости от температуры их нагрева.

Каркас гипсокартона представляет собой совокупность гори-

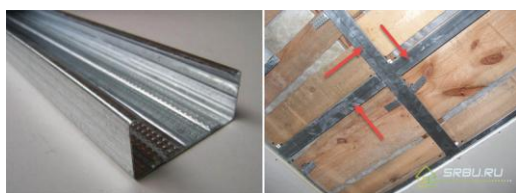

Рис. 4. Стоечный профиль

Так как металлический каркас для крепления гипсокартона к поверхностям получают методом холодной деформации, следовательно, можно применять магнитный метод для исследования образцов каркаса, изъятых с места пожара, с целью установления очага.

Для решения вопроса о возможности применения магнитного метода в практической деятельности пожарно-технических экспертов при исследовании металлического каркаса для гипсокартона был проведен ряд экспериментов.

Согласно ГОСТ 24916-81 [8] метод определения коэрцитивной силы заключается в намагничивании исследуемого образца в постоянном магнитном поле до состояния технического насыщения и дальнейшем определении коэрцитивной силы по

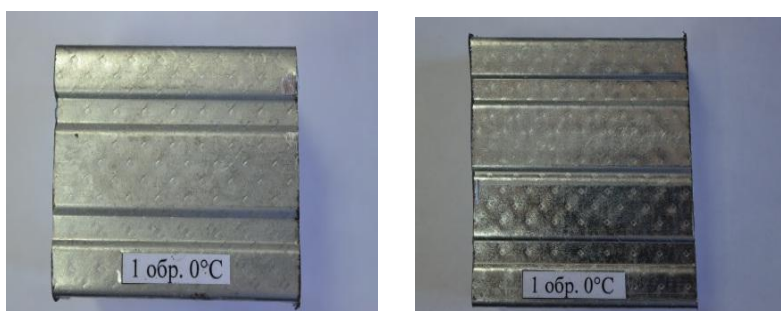
горизонтальных и вертикальных деталей. Вертикальные детали являются стоечными или несущими элементами (рис. 4 и 5). Перпендикулярно стоечным элементам располагаются направляющие, или стартовые элементы.

Рис. 5. Направляющий профиль

намагниченности как напряженности магнитного поля обратного направления, необходимого для полного размагничивания образца. Для проведения исследований стоечный и направляющий профили были разрезаны на куски, размерами 60x30x20 мм. Образцы перед проведением испытания были выдержаны в муфельной печи в течение 15 минут при температурах от 20 до 1000°C с шагом в 100 градусов.

На первом этапе исследования было зафиксировано изменение цвета образцов в зависимости от температуры нагревания. На рис. 6–8 показано изменение цвета исследуемых образцов металлопрофиля каркаса при нагревании от начальной температуры, равной 20°C до 900°C и 1000°C.

а)

б)

Рис. 6. Профиль стоечный (а) и профиль направляющий (б) при температуре 20⁰С

а)

б)

Рис. 7. Профиль стоечный (а) и профиль направляющий (б) при температуре 900⁰С

Рис. 8. Профиль стоечный (а) и профиль направляющий (б) при температуре 1000⁰С

В результате нагревания образцы изменили свой цвет, на поверхности образовались так называемые цвета побежалости, которые

возникают при окислении поверхности с образованием тонкой оксидной пленки. В зависимости от толщины пленки поверхность по-

разному отражает свет. При более высокой температуре нагрева толщина оксидной пленки становится больше. Более толстые оксидные пленки поглощают световые волны с большей длиной волны, а отражают – с меньшей длиной. По этому принципу построена шкала зависимости цветов побежалости от тем-

пературы. По такой шкале можно ориентировочно определить температуру нагрева образцов материала, отобранных с места пожара.

По результатам исследования на первом этапе получена шкала цветов побежалости для исследуемого каркаса (табл. 1).

Таблица 1

Шкала цветов побежалости

Цвет образца	Температура нагрева, °С
Без изменения	20 - 400
Темно-серый	500 – 600
Светло-желтый	700 – 800
Темно-желтый	900
Белый	1000

Примечание. Образец стоечного профиля при 1000°С прогревался неравномерно в связи с неравномерной толщиной оксидной пленки, о чем свидетельствуют различные цвета на поверхности.

Следующим этапом исследований было определение коэрцитивной силы для каркаса гипсокартона. А также решение вопроса о возможности использования данного метода в практике пожарно-технического эксперта при установлении очага пожара по остаткам металлического каркаса для гипсокартона, так как подобной информации при анализе экспертной практики найдено не было.

По величине коэрцитивной силы оценивают вероятность протекания дорекристаллизационных и рекристаллизационных процессов в

холоднодеформированных стальных изделиях. Эти процессы характеризуют степень термического поражения объекта (каркаса) при тепловом воздействии. Чем выше температура нагрева, тем значительнее структурные изменения в образце, которые в свою очередь влияют на магнитные свойства металла, величину тока размагничивания и коэрцитивную силу.

Кроме того, в работе [8] авторами установлено, что при нагреве в изотермическом режиме площадь обогреваемой поверхности влияет на изменение. В данной работе по-

казано, что выявленная зависимость может быть использована при проведении исследований холоднодеформированных стальных изделий магнитным методом при определении очага пожара.

Для определения коэрцитивной силы для образцов металлического каркаса применялся коэрци-

тиметр «Каскад-01» (рис. 3). Полученные значения коэрцитивной силы (H_c), величина которой прямо пропорциональна величине тока размагничивания (I_p) и обратно пропорциональна длине перемagnetической части исследуемого образца (l), представлены в табл. 2.

Таблица 2

Коэрцитивная сила для металлических профилей, стоечного и направляющего

Температура нагрева образцов каркаса	Размер образцов, мм	Коэрцитивная сила, А/м стоечный профиль	Коэрцитивная сила, А/м направляющий профиль
20	60x30x20	483	464
100	60x30x20	502	451
200	60x30x20	481	463
300	60x30x20	462	424
400	60x30x20	450	411
500	60x30x20	414	422
600	60x30x20	395	361
700	60x30x20	345	323
800	60x30x20	304	416
900	60x30x20	355	415
1000	60x30x20	376	389

По результатам экспериментального определения коэрцитивной силы каркаса из металлического профиля было установлено, что, начиная с температуры, равной 200°C, происходит уменьшение коэрцитивной силы и продолжается до достижения температуры 800°C. Можно предположить, что при тем-

пературах от 200 до 800°C увеличивается скорость процесса рекристаллизации, т. е. при нагревании в металлических образцах происходят структурные превращения, которые влияют на магнитные свойства. Начиная с 800°C, коэрцитивная сила возрастает, что является свидетельством завершения структурных

превращений в образцах металлического каркаса.

Таким образом, по результатам выполненной работы можно сделать следующие выводы.

1. Получена шкала цветов побежалости образцов металлического каркаса при нагревании от 20 до 1000⁰С

2. Установлено, что при увеличении температуры нагрева от 200⁰С до 800⁰С происходит уменьшение коэрцитивной силы, что свидетельствует о структурных превращениях в образцах металлического каркаса гипсокартона.

3. Установлена возможность применения магнитного метода, основанного на определении коэрцитивной силы для образцов металлического каркаса гипсокартона при определении очага пожара.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Группа горючести гипсокартона. URL: <http://silastroy.com/materials/gruppa-goryuchesti-gipsokartona.html> (дата обращения 30.03.2017).

2. Как крепить гипсокартон к стене: способы, правила, тонкости. URL: <http://strmnt.com/dom/build/kak-krepit-gipsokarton-k-stene.html> (дата обращения 30.03.2017).

3. Ключников В.Ю., Дашко Л.В., Довбня А.В., Плотникова Г.В. Применение методов термического анализа при производстве пожарно-технических экспертиз // Пожаровзрывобезопасность. 2012. Т. 21. № 7. С. 47–51.

4. Дашко Л.В., Синюк В.Д., Ключников В.Ю., Плотникова Г.В. Экспертное исследование цементного камня, подвергнувшегося высокотемпературному нагреву // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2013. № 2.

5. Дашко Л.В., Синюк В.Д., Плотникова Г.В. Экспертное исследование цементного камня после высокотемпературного воздействия // Пожаровзрывобезопасность. 2015. Т. 24. № 12. С. 22–32.

6. Дашко Л.В., Плотникова Г.В., Гольчевский В.Ф. Экспертные пожарно-технические исследования строительных материалов зданий при установлении очага пожара // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2014. № 4 (71). С. 61–67.

7. Лендель Е.В., Козаченко М.В., Плешаков В.В. Особенности применения методики исследования холоднодеформированных стальных изделий магнитным методом при пожарно-технической экспертизе // Интернет-журнал «Технологии техноносферной безопасности». 2015. № 1 (59). URL: <http://agps-2006.narod.ru/ttb/2015-1/01-01-15.ttb.pdf> (дата обращения 05.02.2017).

8. ГОСТ 24916-81. Метод определения коэрцитивной силы. М.: Изд-во стандартов, 1981.

О.Л. Подлиняев

ПСИХОЛОГИЯ ТОЛПЫ И СПЕЦИФИКА ЕЁ РАЗНОВИДНОСТЕЙ

В статье рассматривается психология толпы, представлена характеристика её разновидностей и специфика потенциальных угроз, определяемых типом толпы.

Ключевые слова: толпа, классификация толпы, специфика потенциальных угроз.

O.L. Podlinyaev

**THE CROWD PSYCHOLOGY AND THE SPECIFIC OF CRWD
VARIETIES**

The article regards the crowd psychology, the characteristic of crowd varieties and the specific of the potential threats determined by the type of the crowd.

Keywords: crowd, crowd classification, the specific of potential threats.

В настоящее время различные массовые мероприятия являются одной из популярных форм общественной активности и досуга населения, удовлетворяют потребности личности в непосредственном общении к политической жизни, достижениям спорта, культуры, искусства. Также массовые мероприятия являются формой социального общения между людьми и способом выработки единства установок личности, коллектива и общества в целом. У любого массового мероприятия можно выделить три основных признака: большое количество людей, степень организованности действий и наличие цели.

При любом массовом мероприятии большое значение имеет организация его проведения, чтобы оно не привело к нарушению общественного порядка, не создало угрозу общественной безопасности, не помешало бы деятельности органов власти и управления, не повлияло бы на нормальную работу транспорта и систем жизнеобеспечения граждан [3]. Другими словами, важно, чтобы организованное массовое мероприятие не превратилось в скопление большого количества людей со всеми признаками толпы.

В настоящее время существует противоречие между необходимостью обеспечивать силами орга-

нов внутренних дел личную и общественную безопасность при проведении массовых мероприятий и недостаточными знаниями сотрудниками ОВД теоретических и практических аспектов психологии толпы и специфики её разновидностей. Недостаток таких знаний может привести к неправильному принятию решений в экстремальных ситуациях и к неверному выбору стратегии профессионального поведения при обеспечении общественного порядка.

Рассмотрим основные положения, касающиеся психологии толпы и её разновидностей, как с точки зрения классической психологической науки, так и с позиции современных научных подходов к классификации и сущности данного феномена.

Под толпой в психологии понимают временное бесструктурное скопление (в большинстве случаев незнакомых между собой) людей, как правило, не имеющих конкретно осознаваемой общей цели, но взаимосвязанных сходным эмоциональным состоянием и общими объектами внимания.

Первые (и до настоящего времени наиболее точные) теоретические подходы к пониманию психологии толпы представили в своих работах французский психолог, антрополог и социолог Г. Лебон и австрийский психиатр, создатель психоанализа З. Фрейд.

В частности, Г. Лебон характеризовал толпу как «психологиче-

скую массу», способную растворить в своей среде любую индивидуальность: «В психологической массе самое странное следующее: какого бы рода ни были составляющие её индивиды, какими схожими или несхожими ни были бы их образ жизни, занятие, их характер и степень интеллигентности, но одним только фактом своего превращения в массу они приобретают коллективную душу, в силу которой они совсем иначе чувствуют, думают и поступают, чем каждый из них в отдельности чувствовал, думал и поступал бы» [4. С. 298]. В этой же работе Г. Лебон приводит утверждение, которое стало известным афоризмом «Кто умеет вводить толпу в заблуждение, тот легко становится её повелителем; кто же стремится образумить её, тот всегда бывает её жертвой» [4. С. 301].

З. Фрейд, разделяя такие сходные феномены, как «психологическая масса» и «толпа», отмечал, что толпа – просто бесструктурное сборище людей, в то время как психологическая масса представляет собой сообщество индивидов, где существует либидозная привязанность к вождю (лидеру), личность которого подменяет собственное сознание, интеллект и ответственность. Фрейд считал, что индивиды, составляющие психологическую массу, регрессируют к более ранней ступени развития цивилизации, «... которую мы привыкли находить у дикарей» [6. С. 257]. Если в толпе «...отдельные эмоциональные по-

буждения и личные интеллектуальные акты индивидов» могут ослабевать, но не исчезать полностью, то в психологической массе индивидуальность человека полностью парализуется и замещается на культовые составляющие «Super Ego» вождя» [6. С. 324].

Г. Лебон и З. Фрейд впервые в науке описали такие характеристики толпы, как «заражаемость» и «внушаемость», которые рассматривались ими как феномены суггестивного порядка: «Заражаемость есть... феномен, который следует причислить к феноменам гипнотического рода. В толпе заразительно каждое действие, каждое чувство, и притом в такой сильной степени, что индивид очень легко жертвует своим личным интересом» [6. С. 261].

Анализ современной научной литературы отечественных и зарубежных авторов ([1], [5] и т. д.) позволяет заключить, что психологическая наука также исходит из того, что толпа образуется из совокупности индивидов, составляющих многочисленную аморфную группу, не имеющих в своем большинстве прямых контактов между собой, но связанных какими-либо общими более или менее постоянными интересами. Таковыми оказываются массовые увлечения (спортивные и развлекательные мероприятия, распродажи), массовые миграции, митинги, патриотические, религиозные или идеологические мероприятия, демонстрации и т. д.

Как и все иные социальные феномены, толпу можно классифицировать по различным основаниям. В современной психологии толпа классифицируется по управляемости и характеру поведения. По управляемости толпа делится на следующие типы:

- стихийная (неуправляемая);
- ведомая;
- организованная.

Стихийная толпа. Формируется и проявляется без какого-либо организующего начала со стороны конкретных лидеров, организаторов и иных физических лиц. Отличается абсолютной непредсказуемостью и неуправляемостью.

Ведомая толпа. Формируется и проявляется под воздействием конкретного физического лица, являющегося в данной толпе ее организатором и (или) лидером. Поведение толпы с определённой вероятностью можно предсказать, если заранее известны цели организаторов. Ведомая толпа образуется вокруг «ядра» – организаторов (зачинщиков) и увеличивается за счёт людей, которые ранее ничего общего друг с другом не имели. Ведомая толпа характеризуется наличием циркулярной реакции (или эмоциональной контаминации), побуждающей проявлять схожие эмоции и поведенческие проявления.

Организованная толпа возникает за счёт спланированного организаторами объединения индивидов, которые могут быть незнакомы между собой, но действуют по из-

вестному заранее плану или предварительным объявлениям, рекламным кампаниям или политическим акциям. К таким видам толпы можно отнести флэшмобы, заранее объявленные распродажи, митинги и т. д.

Кроме того, отдельно выделяют четыре основных вида толпы:

- толпа окказиональная;
- толпа конвенциональная;
- толпа экспрессивная;
- толпа действующая.

Толпа окказиональная (от лат. *occasio* – случай) – случайная, связанная любопытством к неожиданно возникшему происшествию (дорожная авария, пожар, драка и пр.). Окказиональная толпа, спонтанно образуясь, может также спонтанно и расформироваться при исчезновении объекта интереса. Изначально пассивно-нейтральная и не представляющая по своей психологической природе какой-либо опасности окказиональная толпа в некоторых случаях может превратиться в иной, более агрессивный подвид. Такие превращения возможны в тех ситуациях, когда толпу пытаются разогнать неадекватно жесткими методами, или она становится объектом манипуляций со стороны каких-либо заинтересованных лиц.

Кроме того, окказиональную толпу может охватить паника, если объект спонтанного интереса начнёт представлять мнимую или реальную угрозу. К примеру, паническую атаку в окказиональной толпе может вызвать информация, что пожар (явившийся причиной

формирования скопления людей) в ближайшее время вызовет сильный взрыв или распространение отравляющих веществ.

Толпа конвенциональная (от лат. *conventio* – договор, объявление). Образуется на основе интереса к какому-либо заранее объявленному массовому развлечению, зрелищу или по иному социально значимому конкретному поводу. К примеру, конвенциональной толпой можно считать народные гуляния, карнавалы, масленицы, городские праздники, массовые спортивные состязания и т. д. Конвенциональная толпа, как правило, следует диффузным нормам поведения. Как и окказиональная, конвенциональная толпа по психологической природе изначально не представляет угрозы, но диффузность её структуры также оставляет вероятность перерождения в другие, несущие угрозу виды.

Известны случаи, когда объявленные распродажи, рекламные акции ритейлеров при неправильной организации (недостаточное количество товаров, на которые были объявлены скидки, отсутствие охраны) оканчивались актами воровства, мародёрства и даже погромами. Нередки случаи пьянства, массовых драк в местах проведения массовых праздников при ненадлежащем обеспечении подобных мероприятий необходимым количеством сотрудников ОВД или профессиональной охраны.

Конвенциональная толпа способна оказывать эффект эмоциональной контаминации (или синдрома заражающего поведения) как и все иные виды толпы, что необходимо учитывать при организации и проведении любых массовых мероприятий, даже культурного или патриотического характера.

Толпа экспрессивная (от лат. *expressio* – выражение чувств, переживаний). Часто формируется как и конвенциональная толпа. В ней совместно выражается общее отношение к какому-либо событию (радость, энтузиазм, возмущение, социальный протест и пр.). Очевидно, что наибольшую потенциальную угрозу заключает в себе экспрессивная толпа, в которой преобладают негативные эмоции и агрессия. Общеизвестны случаи, когда политические митинги, стачки, забастовки переходили в акции гражданского неповиновения, в нападения на представителей закона, а нередко и в вооружённые попытки свергнуть действующую власть.

Особым подвидом экспрессивной толпы является толпа экстагическая (от греч. *extasis* – исступление), которая представляет собой крайне эмоциональную форму иррационального поведения и характеризуется состоянием общего экстаза на основе взаимного циркулярно нарастающего психического заражения (массовые религиозные ритуалы, футбольные матчи, рок-концерты и т. п.). В пространстве экстагической толпы у образующих её индивидов

интеллектуальные, волевые, а в большинстве случаев и сознательные составляющие психики полностью растворяются в поле массового экстаза. Толпа превращается в «либидозную массу влекомую стадным инстинктом» [6. С. 275–276]. В таких ситуациях способность контролировать свои действия, нести личную ответственность за собственные поступки и поведение у людей утрачивается полностью.

Действующая толпа отличается наличием активных действий и включает в себя подвиды:

- агрессивная толпа – характеризуется слепой ненавистью к конкретному объекту (какому-либо религиозному или политическому движению, структуре); обычно сопровождается избиениями, погромами, поджогами и т. п.; как было отмечено выше, в агрессивную толпу часто перерождается толпа конвенциональная или экстагическая;

- стяжательская толпа – образуется путём вступления в непосредственный массовый конфликт за обладание какими-либо ценностями: взятие штурмом мест в отходящем транспорте, ажиотажное расхватывание продуктов в предприятиях торговли, разгром продовольственных складов, осаждение финансовых (например, банковских) учреждений; такой подвид может формироваться в местах катастроф, стихийных бедствий, наводнений, землетрясений (в крайних формах стяжательская толпа приобретает статус толпы мародёрской);

- паническая толпа – возникает на основе психического заражения в ситуации действительной или мнимой опасности, при дефиците информации, необходимой для разумного принятия решений; паника полностью блокирует способность адекватного отражения обстановки и ее рациональной оценки; действия людей приобретают хаотичный характер, сознание резко сужается, люди становятся способными на крайне эгоистичные даже асоциальные поступки.

Необходимо отметить, что любая толпа характеризуется общностью эмоционального состояния и спонтанно возникающей направленностью поведения; нарастающим самоподкрепляющимся психическим заражением – распространением повышенного эмоционального состояния от одного индивида к другому на психофизиологическом уровне контакта. Отсутствие ясных целей и организационная диффузность толпы может превратить ее в объект манипуляций или в инструмент давления и противоправных действий.

Пресечение массовых беспорядков приобретает в настоящее время особую остроту и актуальность для органов внутренних дел и требует совершенствования существующих технологий профессиональной подготовки сотрудников ОВД для успешного выполнения задач обеспечения правопорядка, личной и общественной безопасности.

Таким образом, можно сделать заключение, что в системе существующих профессионально важных

компетенций сотрудников ОВД, одними из приоритетных должны быть научные знания, касающиеся психологических особенностей толпы и ее разновидностей, а также практические умения и навыки эффективной нейтрализации угроз при возникновении массовых беспорядков.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Герриг Р., Зимбардо Ф. Психология и жизнь. 16-е изд. СПб.: Питер, 2004. С. 895–944.
2. Каримов А. А., Подлиняев О. Л. О совершенствовании методов обучения по тактико-специальной подготовке // Совершенствование профессиональной и физической подготовки курсантов, слушателей образовательных организаций и сотрудников силовых ведомств: материалы XVII междунар. науч.-практ. конф. 10–11 июня 2015 г., посвященной 70-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. и празднованию 20-летия образования кафедры физической подготовки. Иркутск: ФГКОУ ВПО ВСИ МВД РФ, 2015. С. 273–275.
3. Каримов А. А., Подлиняев О. Л. Толпа и потенциальные угрозы, определяемые спецификой ее психологических разновидностей // Совершенствование профессиональной и физической подготовки курсантов, слушателей образовательных организаций и сотрудников силовых ведомств: материалы XVIII междунар. научн.-практич. конф. В 2 т. Иркутск: ФГКОУ ВО ВСИ МВД России, 2016. Т. I. С. 359–364.
4. Лебон Г. Психология народов и масс // Психология народов. СПб.: Маркет, 1995. Кн. 1. С. 295–301.
5. Словарь практического психолога. Минск: Харвест, 1997. С. 701–702.
6. Фрейд З. Массовая психология и анализ человеческого «Я» // По ту сторону принципа удовольствия / пер. с нем.; сост., послесл. и коммент. А. А. Гугнина. М.: Прогресс, 1992. С. 256–325.

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ
СОДЕРЖАНИЯ, ОРГАНИЗАЦИИ И МЕТОДИЧЕСКОГО
ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО
ПРОЦЕССА В СИСТЕМЕ ПОДГОТОВКИ КАДРОВ
ДЛЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ**

С.В. Матюшенко

**МЕЖПРЕДМЕТНЫЕ СВЯЗИ В ПРЕПОДАВАНИИ ДИСЦИПЛИНЫ
«ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ»**

В статье приводится вариант учета межпредметных связей в преподавании дисциплины «Юридическая психология» на примере тематики «Психологические особенности производства следственных действий».

Ключевые слова: межпредметные связи, психологические особенности, следственные действия.

S.V. Matyushenko

**INTERSUBJECT CONNECTIONS IN TEACHING THE DISCIPLINE
«LEGAL PSYCHOLOGY»**

The article deals with the variant of considering intersubject connections in teaching the discipline «Legal psychology» on the example of subject matter «Psychological features of investigative activities' production».

Keywords: intersubject connections, psychological features, investigative activities.

В дисциплине «Юридическая психология» наиболее характерной в плане межпредметных связей является тема «Психологические особенности предварительного расследования». В теме сложным вопросом является «Психологические особенности производства следственных действий».

Опыт преподавания показал, что при ответах на занятиях и экзаменах о психологических особенностях производства следственных действий обучающиеся трактовали их с точки зрения юридической, а не психологической материи.

Раздумья, поиски и пробные варианты позволили нам найти ту точку опоры, с позиции которой стало возможным обозначение психологических особенностей производства любого следственного действия. Каждое следственное действие стало рассматриваться как некое целостное явление, грамотное производство которого приближает сотрудника ОВД к раскрытию совершенного правонарушения или преступления. Заключение следственного действия в оболочку целостности позволило выработать единый подход к выявлению психологических особенностей каждого следственного действия с опорой на требования УПК России [1], криминалистические знания, умения, навыки и компетенции. Все следственные действия стали анализировать по определенному алгоритму.

Таким образом схема «Анализа психологических особенностей производства следственного действия» (со стороны сотрудника полиции [2]) выглядит следующим образом:

Блок 1. Общая характеристика:

- 1) определение следственного действия (из курса уголовного процесса);
- 2) заменимое или незаменимое;
- 3) отложенное или неотложенное;
- 4) публичное или нет;

5) групповое или индивидуально-направленное;

6) стиль общения;

7) влияют ли внешние условия пространства и времени на проведение данного следственного действия.

Блок 2. Преобладающие виды деятельности, осуществляемые в данном следственном действии:

1) определение трех ведущих из шести видов деятельности, осуществляемых в любом следственном действии (познавательная, поисковая, мыслительная, организационная, коммуникативная, удостоверительная);

2) выявление главной деятельности в следственном действии;

3) характеристика каждой из ведущих видов деятельности.

Блок 3. Психические состояния, которые могут испытывать участники следственного действия при его проведении:

- психическое состояние лица, проводящего следственное действие.

Любая аналитическая схема хороша, если обучающиеся соблюдают определенные условия. Условиями работы с данной схемой являются следующие моменты:

1. Обучающиеся должны осознавать, что любое следственное действие относится к явлению одного порядка – следственному действию.

2. Следственные действия относятся к юридической материи и содержат в себе как в явлении обязательные элементы («надо», «необходимо»).

3. Выявляя психологические особенности любого следственного действия, необходимо «пройти между уголовным процессом и криминалистикой» с позиции психологической материи, где существуют вероятностные варианты («может быть»).

4. Каждое следственное действие включает в себя разнообразные психические явления.

5. Любое следственное действие содержит в себе три стороны: уголовно-процессуальную, криминалистическую и психологическую.

Обычно на преподавание данного вопроса отводится 6 часов. Все три занятия проводятся как семинары. Перед занятием дается задание: прочитать источники: Васильев В. А. Юридическая психология [3]; Еникеев М. И. Основы общей и юридической психологии [4]; Еникеев М. И. Юридическая психология [5]; Столяренко А. М. Прикладная юридическая психология [6]; Чуфаровский Ю. В. Юридическая психология [7]) и сделать конспект по каждому вопросу семинарского занятия.

На семинарское занятие выносятся следующие вопросы.

Первое занятие:

1. Психологические особенности производства осмотра места происшествия.

2. Психологические особенности производства обыска в помещении.

3. Психологические особенности производства предъявления для опознания лица.

4. Психологические особенности производства следственного эксперимента.

Второе занятие:

1. Психологические особенности производства допроса потерпевшего.

2. Психологические особенности производства допроса свидетеля.

3. Психологические особенности производства допроса подозреваемого.

4. Психологические особенности производства допроса обвиняемого.

5. Психологические особенности проведения допроса с участием несовершеннолетнего.

Третье занятие:

1. Психологические особенности производства проверки показаний на месте.

2. Психологические особенности производства личного обыска.

3. Психологические особенности производства осмотра и выемки задержанных почтово-телеграфных отправлений.

4. Психологические особенности производства очной ставки.

Время на семинарах приблизительно распределяется следующим образом: организационная часть – 10 минут; теоретическая часть – 70 минут; заключительная часть – 10 минут.

Занятия проводятся с использованием информационно-моделирующей технологии обучения.

Первое семинарское занятие

является вводным, поэтому оно должно задать тон. В связи с этим занятие логично начать с объяснения модели занятия в виде схемы «Анализ психологических особенностей производства следственного действия» (со стороны сотрудника полиции).

Далее обучающимся предлагается совместными усилиями составить схему психологических особенностей производства осмотра места происшествия. Преподавателям должны помогать два обучающихся. Первый работает с первым и вторым блоками, второй – с третьим и четвертым.

После разбора первого вопроса семинара преподаватель дает за-

дания по остальным вопросам. При этом каждый ряд получает свое задание. Обучающиеся первого ряда должны составить схему психологических особенностей производства обыска в помещении. Обучающиеся второго ряда – схему психологических особенностей производства предъявления для опознания лица и т.д. На это отводится 35 минут. При выполнении задания разрешается пользоваться учебниками и конспектами. После окончания отведенного времени начинается обсуждение схем.

Ответы на некоторые вопросы семинарских занятий по данной теме должны выглядеть следующим образом (см. схемы 1–4).

Психологические особенности проведения допроса обвиняемого в соответствии со статьей 173 УПК РФ

Блок 1. Общая характеристика		
1) следственное действие, направленное на получение показаний о преступном деянии от лица, обвиняемого в его совершении, немедленно после предъявления обвинения; 2) незаменимое; 3) неотложное; 4) непубличное; 5) лично-ориентированное; 6) официальный стиль общения; 7) на проведение не влияют внешние условия пространства и времени.		
Блок 2. Виды деятельности		
а) познавательная (главная)	б) коммуникативная	в) мыслительная
– включаются: слуховое, зрительное восприятия;	– через непосредственное, вербальное, невербальное, исчерпывающее, кратковременное общение;	– осуществляется решение одной задачи с известным;
– осуществляется наблюдение за поведением и реакциями обвиняемого;	– реализуется информационная функция;	– моделирование не осуществляется;
– формируется систематизированное представление;	– имеется эмоциональный барьер общения;	– включается мыслительная операция обобщения;
– подключается долговременная память.	– уровень общения – сверху;	– делаются окончательные выводы.
	– задаются простые вопросы, осуществляется диалог.	
Блок 3. Психические состояния, которые могут испытывать участники следственного действия при его проведении		
а) положительные	б) нейтральные	в) отрицательные
– удовлетворение; – ощущение законченного дела.	– спокойствие; – внимательность.	– неудовлетворение; – расстроенность.

Психологические особенности производства осмотра места происшествия в соответствии со статьей 176 УПК РФ

Блок 1. Общая характеристика		
<p>1) осмотр места происшествия – это следственное действие, которое производится в целях обнаружения следов преступления, выяснения других обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, где место происшествия представляет собой место, где произошло событие, связанное с катастрофическими последствиями, несчастным случаем, в том числе свидетельствующее о наличии достаточных данных, указывающих на признаки преступления; 2) незаменяемое; 3) неотложное; 4) публичное; 5) групповое; 6) деловой стиль общения; 7) на проведение сильно влияют внешние условия пространства и времени.</p>		
Блок 2. Виды деятельности		
а) познавательная (главная)	б) поисковая	в) мыслительная
– включаются: слуховое, зрительное, тактильное и обонятельное восприятия;	– осуществляется поиск первичных следов;	– осуществляется решение множества задач со множеством неизвестных;
– подключается образная, кратковременная память;	– имеется мало времени;	– осуществляется моделирование события преступления, личности преступника, механизма совершения преступления, личности потерпевшего и т. д.;
– осуществляется наблюдение за местом происшествия;	– используется определенная последовательность действий;	– включаются мыслительные операции: анализ, синтез, конкретизация, сравнение, аналогия;
– работает воссоздающее воображение;	– возникает много вопросов;	– делаются первоначальные выводы.
– формируется обобщенное представление;	– имеется мало ответов.	
Блок 3. Психические состояния, которые могут испытывать участники следственного действия при его проведении		
а) положительные	б) нейтральные	в) отрицательные
– удовлетворение; – интерес.	– внимательность; – сосредоточенность.	– напряженность; – злость.

Психологические особенности производства освидетельствования в соответствии со статьей 179 УПК РФ

Блок 1. Общая характеристика		
1) следственное действие, направленное на обнаружение на теле человека особых примет, следов преступления, телесных повреждений, выявления состояния опьянения или иных свойств и признаков, имеющих значение для уголовного дела; 2) незаменимое; 3) отложенное и неотложное; 4) непубличное; 5) индивидуально-направленное; 6) бытовой стиль общения; 7) на проведение не влияют внешние условия пространства и времени		
Блок 2. Виды деятельности		
а) познавательная	б) удостоверительная (главная)	в) мыслительная
– включаются: зрительное и тактильное восприятия;	– удостоверяется наличие особых примет, следов преступления, телесных повреждений, состояние опьянения;	– осуществляется решение одной задачи с одним известным или с одним неизвестным;
– осуществляется наблюдение за реакциями освидетельствуемого;	– проводится наружным осмотром при обнажении тела;	– осуществляется моделирование психотипа личности освидетельствуемого и его реакций, примет и следов преступления;
– работает воссоздающее воображение;	– результат удостоверения – явный.	– включаются мыслительные операции: сравнение и конкретизация;
– подключается долговременная и оперативная память;		– делаются окончательные выводы.
– формируются обобщенные и единичные представления.		
Блок 3. Психические состояния, которые могут испытывать участники следственного действия при его проведении		
а) положительные	б) нейтральные	в) отрицательные
– интерес; – удовлетворение.	– внимательность; – спокойствие.	– стеснение; – неловкость.

Психологические особенности производства следственного эксперимента в соответствии со статьей 181 УПК РФ

Блок 1. Общая характеристика		
1) следственное действие, которое проводится путем воспроизведения действий, а также обстановки или иных обстоятельств определенного события; при этом проверяется возможность восприятия каких-либо фактов совершения определенных действий, наступления какого-либо события, а также выявляется последовательность происшедшего события и механизм образования следов; 2) заменимое; 3) отложенное; 4) публичное; 5) групповое; 6) бытовой стиль общения; 7) внешние условия проведения должны быть максимально приближены к тем, в которых происходило проверяемое событие.		
Блок 2. Виды деятельности		
а) познавательная (главная)	б) организационная	в) мыслительная
– включается зрительное восприятие;	– участвуют от четырех человек;	– осуществляется решение одной задачи с одним известным;
– осуществляется наблюдение за действиями и реакциями подследственного;	– следователь руководит ходом следственного эксперимента; понятые наблюдают; помощники фиксируют; подследственные по сигналу следователя многократно повторяют действия; защитник наблюдает; конвой контролирует территорию и ситуацию;	– осуществляется моделирование условий эксперимента; поведения подследственного;
– формируется единичное представление;	– установки даются понятым – не вмешиваются; подследственному – выполнить и повторять конкретные действия; конвою – бдительность;	– включаются мыслительные операции: анализ и сравнение;
– подключается оперативная память.	– выход из следственного эксперимента там же, где и вход.	– делаются окончательные выводы.
Блок 3. Психические состояния, которые могут испытывать участники следственного действия при его проведении		
а) положительные	б) нейтральные	в) отрицательные
– любознательность; – внимательность.	– сосредоточенность; – внимательность.	– разочарование; – расстроенность.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 дек. 2001 г. // Рос. газ. 2001. 22 дек.
2. Федеральный закон Российской Федерации от 7 февр. 2011 г. // СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 900.
3. Васильев В. А. Юридическая психология. М., 2013.
4. Еникеев М. И. Основы общей и юридической психологии. М., 2015.
5. Еникеев М. И. Юридическая психология. М., 2016.
6. Столяренко А. М. Прикладная юридическая психология. М., 2013.
7. Чуфаровский Ю.В. Юридическая психология. М., 2015.

К.В. Муравьев

ОПТИМИЗАЦИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О МЕРАХ ПРЕСЕЧЕНИЯ

По УПК РФ каждой мере пресечения соответствует свой комплекс ограничений. Одновременное избрание нескольких мер пресечения не допускается. Возложение на подозреваемого, обвиняемого отдельных обязательств, которые могут эффективно обеспечить постановление и исполнение приговора, не предполагается. В статье предлагается модель принудительного процессуального воздействия на преследуемых лиц, которая включает основные ограничения, дополнительные ограничения и обязательства, а также способы обеспечения их исполнения.

Ключевые слова: меры пресечения, домашний арест, ограничения, запреты, обязательства, способы обеспечения.

K.V. Muravev

OPTIMIZATION OF LEGISLATION ON PREVENTIVE MEASURES

According to the Code of Criminal procedure of Russia of each measure has its own set of restrictions. The simultaneous election of several preventive measures are not allowed. It is not expected to hold the suspect, the accused individual commitments which can provide the judgment and sentence. The author proposes a model of forced procedural effects on persecuted persons, which includes basic constraints, additional restrictions and obligations, as well as ways to ensure their implementation.

Keywords: preventive measure, house arrest, restrictions, bans, responsibilities, ways to ensure.

Система мер пресечения привлекаемых к уголовной ответственности. Так, при принятии УПК РФ законодатель отказался от общественного поручительства, но возродил домашний арест (предусматриваемый Уставом уголовного судопроизводства); «оставшиеся» от УПК РСФСР 1960 г. меры пресечения претерпели изменения по ряду параметров.

В юридической литературе высказываются суждения о необходимости дальнейшей оптимизации системы мер пресечения. Например, предлагаются различные варианты возрождения «отдачи под особый надзор» (с установлением постоянного наблюдения за поведением подозреваемого, обвиняемого; требованием явки в определенное время или по вызову и т.п.) [1. С. 21; 2. С. 109–111] или «отобрания вида на жительство» (что ныне равнялось бы изъятию заграничного паспорта гражданина РФ или паспорта иностранного гражданина) [6. С. 72; 7]. Одним из направлений оптимизации может стать корректировка ст. 107 УПК РФ, регламентирующей домашний арест. Данная мера предполагает нахождение преследуемого лица в полной или частичной изоляции от общества в жилом помещении с возложением ограничений и (или) запретов (на выход за пределы помещения, в котором он проживает; на общение с определенными лицами; отправку и получение почтово-телеграфных отправок; использование средств связи и сети «Интернет») и осуществление за ними контроля. При ограничении выхода за пределы жилого помещения суду следует перечислить случаи, в которых подозреваемому или обвиняемому разрешено его покидать (например, для прогулки, для посещения учебного заведения), и указать время, в течение которого лицу разрешается находиться вне жилища и (или) случаи, в которых лицу запрещено покидать пределы жилого помещения (например, в ночное или иное время, при проведении массовых меро-

приятий или некоторых из них) [11].

Следует учитывать, что изоляция при домашнем аресте составляет сущность рассматриваемой меры пресечения. Если обвиняемому разрешено покидать дом, ходить на работу, посещать магазины и т.д., то утрачивается её смысл [14. С. 250–251]. Таким образом, в уголовном процессе России объективно сложились две самостоятельные меры пресечения: «домашний арест» (с полной изоляцией преследуемого лица от общества), и мера, состоящая в «ограничении свободы передвижения и общения подозреваемого, обвиняемого». Вместе с тем различающиеся фактически рассматриваемые меры пресечения нормативно не разграничиваются. Они регламентируются одной статьей, предполагают одинаковые условия и порядок применения. Кроме того, они имеют единые уголовно-правовые последствия – исчисление срока по правилам содержания под стражей (ч. 2¹ ст. 107 УПК РФ) и его зачет в сроки наказания, в том числе лишения свободы из расчета один день за один день (ч. 3 ст. 72 УК РФ). Такой подход нельзя признать справедливым.

В качестве решения проблемы Д.А. Воронов предлагает введение новой меры принуждения – «запрет или ограничение определенных действий», не связанной с запретом покидать жилище, исполнение которой могло бы обеспечиваться аналогично современному домашнему аресту, в том числе с испол-

зованием средств электронного контроля. Сам же домашний арест, по мнению автора, должен заключаться в нахождении подозреваемого или обвиняемого в изоляции от общества в жилом помещении, в котором он проживает, без права выхода за его пределы [3. С. 29–32].

В октябре 2015 г. в Государственную Думу Федерального Собрания РФ внесен проект закона о дополнении главы 13 УПК РФ мерой пресечения – «запрет определенных действий», предусматривающей ограничение прав и свобод подозреваемого, обвиняемого (выходить за пределы жилого помещения, в котором он проживает, в определенные периоды времени; находиться в определенных местах, а также ближе установленного расстояния до определенных объектов и (или) лиц; общаться с определенными лицами; отправлять и получать почтово-телеграфные отправления; использовать средства связи и информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет»); совершать иные действия, не связанные с изоляцией в жилище, которые могут повлечь последствия, указанные в ч. 1 ст. 97 УПК РФ) [9]. В проекте предложено использовать «запрет определенных действий» самостоятельно, либо в качестве меры дополнительного воздействия на подозреваемых и обвиняемых при домашнем аресте (с полной изоляцией от общества) или при избрании залога, т.е. допустить одновременное избрание нескольких мер пресечения для достижения целей уголовного судопроизводства. В юридиче-

ской литературе позитивно оцениваются предложения о том, чтобы органы, ведущие производство, обладали полномочиями на комбинирование нескольких мер пресечения или их элементов. Отмечается, что применение одной меры часто бывает недостаточным, а комплексное применение мер пресечения в ряде случаев может выступить альтернативой заключению под стражу и в большей степени способствовать достижению назначения уголовного процесса и эффективному применению средств уголовно-процессуальной репрессии [5; 13. С. 19, 27].

Обратим внимание, что одновременное применение нескольких мер пресечения допускается в большинстве зарубежных стран. Л.В. Головкин в сравнительно-правовой плоскости противопоставляет (условно) «российскому» подходу, при котором каждая мера пресечения является автономной, «французский» вариант, где все меры пресечения, не связанные с заключением под стражу, объединяются в рамках общего комплексного понятия «судебный контроль» (*contrôle judiciaire*). Принимая решение о судебном контроле, лицо, ведущее производство по делу, вправе одновременно выбрать сразу несколько мер пресечения, дополняющих друг друга, какие-то затем отменить, заменить, добавить и т.д. Таким образом, все «альтернативные» заключению под стражу меры пресечения являются не взаимоисключающими, а взаимодополняю-

щими. Кроме того, профессор обращает внимание и на англосаксонский подход, при котором в законе отсутствует исчерпывающий перечень мер пресечения, имеется только заключение под стражу, а также право суда не помещать обвиняемого под стражу в случае выполнения им условий *bail*, т.е. при внесении залога, дачи поручительства или выполнении иных условий, выдвигаемых самим судом в каждом конкретном случае исходя из обстоятельств дела [8. С. 539–540]. Считаем, что как при континентальном («французском»), так и англосаксонском подходе к мерам пресечения может достигаться должный эффект воздействия при производстве по делу.

Вместе с тем отечественный законодатель не спешит отказываться от доктринального запрета на применение одновременно двух мер пресечения (ч. 1 ст. 97 УПК РФ). С учетом замечаний, содержащихся в текстах заключений на законопроект № 900722-6 к первому чтению (декабрь 2016 г.), документ претерпел изменения. В частности, его новая редакция теперь не предполагает применение «запрета определенных действий» в качестве дополнительной меры воздействия. Хотя при избрании залога или домашнего ареста суд наделяется правом установления на подозреваемого или обвиняемого дополнительно одного или нескольких обязательств из перечня «запрещенных действий». Та-

ким образом, судя по внесенным в текст законопроекта изменениям, система мер пресечения продолжает развиваться в рамках «российского» подхода. При таком варианте регламентации принудительных мер происходит дальнейшее смешение разнопорядковых категорий. В одном случае «запрет определенных действий» предлагается именовать мерой пресечения, в другом – эти же запреты считать дополнительными обязательствами подозреваемого или обвиняемого.

Полагаем, что в современной отечественной модели мер пресечения (гл. 13 УПК РФ) требуется размежевать: *ограничения*, которые должны обеспечить надлежащее поведение преследуемого лица и реализацию угрожающего ему наказания (не покидать место жительства, являться по вызовам, не общаться с определенными лицами и т.п.), и *способы обеспечения* данных ограничений (личное обязательство – «подписка», поручительство заслуживающих доверие лиц (должностных лиц), денежное обеспечение – «залог», помещение в места временной изоляции и (или) контроль со стороны специализированных органов). В настоящий момент закон допускает возложение на подозреваемого, обвиняемого совокупности ограничений, но определенных применительно к конкретному способу их обеспечения. Выбор воздействия требует оценки как эффективности комплекса ограни-

чений, которые являются содержанием меры пресечения, так и результативности способа их обеспечения. Например, обязанность не покидать место жительства без разрешения следователя предусмотрена при «подписке о невыезде» и в рамках «присмотра за несовершеннолетним обвиняемым», но она не может подкрепляться поручительством заслуживающего доверия лица или денежным обеспечением. Наряду с этим, при избрании мер пресечения, не связанных с помещением преследуемого лица в места временной изоляции, невозможно ограничить общение подозреваемого, обвиняемого с определенными лицами и т.п.

Полагаем, что более эффективным может стать вариант, при котором лицо, ведущее производство, будет отдельно *выбирать как сами ограничения (запреты, обязательства)*, составляющие содержание принудительного воздействия, *так и способы их обеспечения.*

Схожий подход реализуется в УПК Украины. Здесь названо лишь пять мер пресечения (личное обязательство, личное поручительство, залог, домашний арест, содержание под стражей) и они отграничиваются от обязанностей, которые могут возлагаться на преследуемых лиц. Избирая меру пресечения, не связанную с содержанием под стражей, суд обязывает подозреваемого, обвиняемого прибывать по каждому требованию в компетентный орган

(т.е. устанавливается общее обязательство), а также исполнять одну или несколько «дополнительных» обязанностей, а именно: прибывать к определенному служебному лицу с установленной периодичностью; не отлучаться из населенного пункта, в котором он зарегистрирован, проживает или находится, без разрешения следователя, прокурора или суда; сообщать об изменении своего местожительства и/или места работы; воздерживаться от общения с лицом или общаться с ним с соблюдением определенных судом условий; не посещать места, указанные следственным судьей или судом; пройти курс лечения от наркотической или алкогольной зависимости; приложить усилия к поиску работы или учебы; сдать на хранение в органы власти свой паспорт (паспорта) для выезда за границу, другие документы, которые дают право на въезд и выезд из страны; носить электронное средство контроля (ч. 1 ст. 176, ч. 5 ст. 194 УПК Украины).

Обращаем внимание, что отдельные запреты и обязательства, которые регламентированы процессуальным законодательством соседнего государства, в отечественном УПК не предусмотрены. Однако схожие меры воздействия имеют закрепление в нормах УК РФ, регламентирующих вопросы наказания.

Так, в соответствии с ч. 5 ст. 73 УК РФ суд, назначая условное наказание, может возложить на

осужденного исполнение обязанностей: не менять постоянного места жительства, работы, учебы без уведомления специализированного органа, осуществляющего контроль за поведением условно осужденного, не посещать определенные места, пройти курс лечения от алкоголизма, наркомании, токсикомании или венерического заболевания, трудиться (трудоустроиться) либо продолжить обучение в общеобразовательном учреждении и др. Полагаем, что в УПК РФ целесообразно допустить возложение подобных обязательств на подозреваемого, обвиняемого и в ходе процессуальной деятельности. Соблюдение ограничений и исполнение обязательств преследуемым лицом при производстве по делу может учитываться при назначении наказания как смягчающее обстоятельство. Для чего рационально внести изменения в п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ.

Еще один аспект. В соответствии с п. «б» ст. 44, ч. 2 ст. 45, ч. 1 ст. 47 УК РФ одним из видов наказаний (основным или дополнительным) является лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Следует учитывать, что лишение права заниматься определенной деятельностью может выражаться в запрете осуществлять как профессиональную, так и иную деятельность (педагогическую, врачебную, управление транспортом и т.д.) [10]. Необходимость подобных

ограничений может стать очевидной не только при постановлении обвинительного приговора, но и при производстве по делу. В соответствии с ч. 1 ст. 114 УПК РФ допускается временное отстранение от должности подозреваемого или обвиняемого (как иная мера процессуального принуждения). Однако изъятие документов, удостоверяющих право заниматься определенной деятельностью, в период до вступления приговора в законную силу российским процессуальным законодательством не предусмотрено. Полагаем, что в случаях, когда это обусловлено обстоятельствами совершенного преступления, целесообразно по судебному решению устанавливать соответствующее ограничение уже в ходе производства по делу.

В настоящий момент не подвергается сомнению, что принудительное воздействие, которое оказывается мерами пресечения, может быть связано не только с лишением или ограничением свободы, но также с поражением других личных и имущественных прав [12. С. 145]. В юридической литературе отмечается, что ряд иных мер процессуального принуждения (например, временное отстранение от должности) по ряду основных признаков необходимо включать в систему мер пресечения [4. С. 70]. Отстранение от должности (или запрет на определенные занятия) определяется в качестве меры пресечения в ст. 172

УПК Азербайджанской республики, ст. 254 УПК Латвии и др. Представляется, что выделение перечня «иных мер процессуального принуждения», применяемых к подозреваемому или обвиняемому (ч. 1 ст. 111 УПК РФ), главным образом, обусловлено «российским» вариантом установления «автономных» мер пресечения и требуется для предоставления правоприменителям полномочий на возложение дополнительных запретов и обязательств.

Принимая во внимание обеспечительный характер по отношению к постановлению и исполнению предполагаемого приговора и мер пресечения и ряда иных мер процессуального принуждения, учитывая зарубежный опыт их регламентации, считаем необходимым предложить в УПК РФ более оптимальную, чем ныне действующую, модель *принудительного процессуального воздействия* на лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступления. Она может включать: основные ограничения, дополнительные ограничения и обязательства, способы обеспечения исполнения ограничений и соблюдения обязательств.

В качестве *основных ограничений* предлагаем закрепить:

а) ограничение выезда из государства без разрешения органа, ведущего производство;

б) ограничение свободы передвижения из населенного пункта по месту регистрации, жительства или

нахождения (для военнослужащих – по месту несения службы) без разрешения органа, ведущего производство;

в) ограничение физической свободы с нахождением в жилом помещении по месту проживания, т. е. домашний арест;

г) лишение свободы с содержанием под стражей в местах предварительного заключения.

Дополнительными ограничениями (допустимо применять одно или несколько наряду с основными ограничениями или самостоятельно) могут стать: наложение ареста на имущество; временное отстранение от должности; временное изъятие документов, удостоверяющих право на определенную деятельность; временное изъятие паспорта и других документов, которые дают право на въезд и выезд из страны.

В число *дополнительных обязательств* предлагаем включить следующие: не совершать новых преступлений; не препятствовать производству по делу; воздержаться от общения с определенными лицами или общаться с ними только с соблюдением условий; являться по каждому требованию в орган предварительного расследования и суд; являться в контролирующий орган с установленной периодичностью; сообщать об изменении своего местожительства и/или места работы; являться в медицинскую организацию, оказывающую медицинскую или психиатрическую помощь для

производства судебной экспертизы; не приближаться к определенным лицам; не посещать определенных мест; пройти курс лечения от алкоголизма, наркомании, токсикомании или венерического заболевания; приложить усилия к поиску работы или учебы; носить электронное средство контроля.

Способами обеспечения исполнения ограничений и соблюдения обязательств предлагаем закрепить:

- 1) личное обязательство;
- 2) поручительство заслуживающих доверие лиц (в том числе по отношению к несовершеннолетним);
- 3) денежное обеспечение (залог);
- 4) контроль со стороны органов исполнительной власти, осуществляющих правоприменительные функции, функции по контролю и надзору в сфере исполнения уголовных наказаний (в том числе в отношении осужденных).

Считаем, что первые три способа обеспечения могут использоваться при применении основных ограничений, обозначенных литерами «а» и «б», а также в случаях возложения дополнительных обязательств. Четвертый способ может применяться при любых ограничениях и обязательствах.

Модель является примерной; конкретные формулировки ограничений, обязательств и способов их обеспечения могут подлежать дальнейшей проработке в рамках специ-

альных исследований.

Обозначенный подход должен стать основой для последующего разрешения вопросов, связанных с принуждением. Полагаем, что в УПК РФ необходимо урегулировать сроки применения к подозреваемым, обвиняемым всех основных и дополнительных ограничений, а также отдельных дополнительных обязательств, определить справедливую формулу их зачетов исчисления между собой и в сроки наказания при его назначении по приговору суда.

Использование предложенного варианта позволит оптимизировать процесс воздействия на подозреваемых и обвиняемых лиц в целях обеспечения их должного поведения и реализации угрожающего наказания.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Буланова Н.В. Заключение под стражу при предварительном расследовании преступлений. М., 2005. 256 с.
2. Булатов Б.Б. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве : монография. Омск, 2003. 320 с.
3. Воронов Д.А. Домашний арест: современное состояние и перспективы // Научный вестник Омской академии МВД России. 2013. № 4. С. 29–32.
4. Гапонова В.Н. Применение временного отстранения от должности в уголовном судопроизводстве: теоретический и организационно-правовой аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2016. 194 с.
5. Головинская И.В. Институт мер пресечения: проблемы диверсификации и варианты их разрешения // Отрасли права РФ. URL: <http://отрасли-права.рф/article/20372> (дата обращения 12.11.16).

6. Головкин Л.В. Необходимость применения организационных мер по преодолению негативных тенденций развития уголовного и уголовно-процессуального законодательства // Закон. 2012. № 9. С. 70–82.

7. Зорькин В.Д. Конституция живет в законах. Резервы повышения качества российского законодательства // Рос. газ. 2014. 18 дек.

8. Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головкин. М., 2016. 1278 с.

9. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части избрания и применения мер пресечения в виде залога, запрета определенных действий и домашнего ареста): Проект Федерального закона № 900722-6 // Автоматизированная система законодательной деятельности. URL: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf> (дата обращения 05.12.16).

10. О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказа-

ния: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 дек. 2015 г. № 58 (в ред. от 29 нояб. 2016 г.) // Рос. газ. 2015. 29 дек.

11. О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 дек. 2013 г. № 41 (в ред. от 24 мая 2016 г.) // Там же. 2013. 27 дек.

12. Уголовный процесс: В 2 ч.: учебник для вузов / под ред. Б.Б. Булатова, А.М. Баранова; 6-е изд., перераб. и доп. М., 2016. Ч. 2. 353 с.

13. Фетищева Л.М. Применение мер пресечения при производстве по уголовным делам о преступлениях, совершенных в сфере предпринимательской деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2016. 33 с.

14. Цоколова О.И. Меры уголовно-процессуального принуждения, состоящие в изоляции подозреваемого, обвиняемого. М., 2008. 320 с.

Л.А. Пупышева

**СУДЕБНОЕ ПРОИЗВОДСТВО ПО РАССМОТРЕНИЮ
И РАЗРЕШЕНИЮ ВОПРОСОВ, СВЯЗАННЫХ С ИСПОЛНЕНИЕМ
ПРИГОВОРА, В СВЕТЕ ПРАВОВЫХ ПОЗИЦИЙ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ И ВЕРХОВНОГО СУДА РФ**

В статье проанализированы основные правовые позиции Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ, касающиеся производства по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, а также определена роль решений указанных судов для его регулирования. На основе анализа действующего законодательства и судебной практики выявлены недостатки в правовом регулировании и практике применения норм главы 47 УПК РФ, предложены пути их устранения. Автор приходит к выводу о том, что разъяснения и правовые позиции Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ, безусловно, вносят определенную ясность во множество вопросов правового регулирования данного вида производства, при этом множество нерешенных проблем в его законодательной регламентации требуют системного подхода и комплексного решения.

Ключевые слова: суд, исполнение приговора, правосудие, подсудность, право на защиту, условно-досрочное освобождение от отбывания наказания, замена неотбытой части наказания более мягким видом условно-досрочное освобождение от отбывания наказания.

L.A. Pupysheva

**JUDICIAL PROCEEDINGS TO REVIEW AND RESOLVE ISSUES
RELATED TO THE EXECUTION OF THE SENTENCE WITHIN THE
MEANING OF THE LEGAL DECISIONS OF THE CONSTITUTIONAL
COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE SUPREME
COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION**

The article analyzes the main legal decisions of the constitutional Court and the Supreme Court relating to the proceedings on consideration and resolution of issues related to the execution of the sentence and also defined the role of the decisions of these courts for its regulation. Based on the analysis of the current legislation and judicial practice, shortcomings in the legal regulation and practice of applying the provisions of Chapter 47 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation are revealed, and ways of their elimination are suggested. The author comes to the conclusion that the explanations and legal decisions of the Supreme Court and the Constitutional Court of the Russian Federation inherently bring certain clarity to a multitude of issues of legal regulation of this type of proceedings, while many unresolved issues in its legislative regulation require a systematic approach and comprehensive solutions.

Keywords: judgment, sentence, justice, jurisdiction, right to legal defence, provisional release, substitution of the unserved part of punishment by light punishment.

Производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, относится к дополнительным (особым) видам производства, основной характеристикой которых является упрощенная процессуальная форма.

Анализ норм главы 47 УПК РФ, регулирующих данное производство, позволяет констатировать его пробельную и вследствие этого неэффективную правовую регламентацию.

Периодическая корректировка норм исследуемой главы УПК РФ (за период действия УПК РФ в главу 47 УПК РФ было внесено более 40 изменений) отнюдь не свидетельствует о динамичности законодательства в этой части и оперативности реагирования законодателя на изменения в социальной, экономической, правовой сфере. Это, к сожалению, показатель нестабильности и изначальной фрагментарности законодательства об исполнении приговора.

При этом фиксируется постоянный рост дел, рассматриваемых судами в порядке главы 47 УПК РФ, что указывает на актуальность исследования проблем правового регулирования и практики применения законодательства об исполнении приговора.

Глава 47 УПК РФ «Производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора» включает в себя нормы, определяющие: круг вопросов, свя-

занных с исполнением приговора, и их подсудность (ст. 397 и ст. 396 УПК РФ); правила решения вопроса об отсрочке исполнения приговора (ст. 398 УПК РФ) и рассмотрения ходатайства о снятии судимости (ст. 400 УПК РФ); порядок разрешения других вопросов, связанных с исполнением приговора (ст. 399 УПК РФ) и обжалования постановления суда (ст. 400 УПК РФ).

Анализ немногочисленных норм, регламентирующих порядок принятия таких важных решений, как замена наказания в случае злостного уклонения от его отбывания, изменение вида исправительного учреждения, условно-досрочное освобождение от отбывания наказания, замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания, освобождение от отбывания наказания в связи с истечением сроков давности исполнения обвинительного приговора и многих других, вынуждает признать неэффективность его правового регулирования.

На наш взгляд, одной из причин несовершенства законодательной регламентации производства по делам об исполнении приговора является его многоаспектность и необходимость использования норм нескольких отраслей права: уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного. К сожалению, межотраслевое правовое регулирование характеризуется несогласованностью норм различных зако-

нов, что неизбежно влечет определенные проблемы в правоприменительной деятельности. Производство по делам об исполнении приговора в этом отношении яркий, можно сказать хрестоматийный и классический пример. В данном случае ситуация усугубляется разрозненностью норм внутри самих отраслевых законов, имеющих отношение к исполнению приговора [20].

В условиях дефицита правового регулирования производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, вполне объяснимо привлекает внимание Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ.

Правовые позиции Верховного Суда РФ изложены в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ от 21 апреля 2009 г. № 8 «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания» [7], от 20 декабря 2011 № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора» [5], от 29 мая 2014 № 9 «О практике назначения и изменения судами видов исправительных учреждений» [4].

Кроме этого, «установка» на необходимость соблюдения процессуальной формы, защиты прав, свобод и законных интересов участников производства (прежде всего, осужденного) дана в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 30

июня 2015 № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» [6].

Значение указанных разъяснений Пленума Верховного Суда достаточно велико. Обусловлено это тем, что реализация любого принципа во многом зависит от того, как законодатель представил принципиальное положение с учетом специфики деятельности в той или иной стадии уголовного судопроизводства. При отсутствии должного правового регулирования принципа на отдельных стадиях уголовного судопроизводства в практической деятельности возникают сложности [2]. В таких условиях прямым руководством к действию для правоприменителя являются разъяснения высших судебных инстанций, несмотря на отсутствие у них статуса законодательных норм.

Нормы УПК РФ, регламентирующие судебное производство по делам об исполнении приговора, регулярно становятся предметом исследования (рассмотрения) Конституционного Суда РФ. Так, важнейшие правовые позиции органа конституционного контроля посвящены вопросам обеспечения права на защиту в указанном виде производства. Конституционный Суд РФ указал: УПК РФ закрепляет право обвиняемого на помощь адвоката (защитника), при этом терминологически в категорию обвиняемых включены не только лица, в отношении которых вынесены постановление о привле-

чении в качестве обвиняемого или обвинительный акт, но и, в частности, подсудимые – обвиняемые, по уголовному делу которых назначено судебное разбирательство, а также осужденные – обвиняемые, в отношении которых вынесен обвинительный приговор [12].

Кроме того, Конституционный Суд РФ обратил внимание на следующее: то обстоятельство, что после вынесения обвинительного приговора обвиняемый, согласно ч. 2 ст. 47 УПК РФ именуется осужденным, призвано только обозначить место этого участника в системе стадий уголовного судопроизводства, и не может расцениваться как основание для ограничения его процессуальных прав [3].

В этом отношении нельзя не отметить разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, данные в постановлении от 30 июня 2015 г. № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве», в котором внимание судов обращено на то, что обеспечение права на защиту является обязанностью государства и необходимым условием справедливого правосудия. Важнейшее разъяснение дано в п. 1 указанного Постановления: «... правом на защиту обладают: лицо, в отношении которого осуществляются затрагивающие его права и свободы процессуальные действия по проверке сообщения о преступлении в порядке,

предусмотренном статьей 144 УПК РФ; подозреваемый; обвиняемый; подсудимый; осужденный; оправданный; лицо, в отношении которого ведется или велось производство о применении принудительных мер медицинского характера; несовершеннолетний, к которому применена принудительная мера воспитательного воздействия; лицо, в отношении которого уголовное дело (далее – дело) или уголовное преследование прекращено; лицо, в отношении которого поступил запрос или принято решение о выдаче; а также любое иное лицо, права и свободы которого существенно затрагиваются или могут быть существенно затронуты действиями и мерами, свидетельствующими о направленной против него обвинительной деятельности, независимо от формального процессуального статуса такого лица (далее – обвиняемый)».

В этой части правовая позиция Верховного Суда РФ совпадает с подходами к трактовке данного вопроса органом судебного конституционного контроля.

Подобная позиция за исключением редких случаев является в уголовно-процессуальной науке доминирующей. Представляется очевидным, что признание лица виновным в совершении преступления и назначение ему любого вида наказания не могут являться основаниями для ограничения его в конституционном праве на защиту своих

прав и законных интересов любыми, не запрещенными законом способами.

Конституционный Суд РФ последовательно проводит «линию», в соответствии с которой Конституция РФ определяет начальный, но не конечный момент осуществления лицом права на помощь адвоката (защитника), поэтому оно должно обеспечиваться на всех стадиях уголовного процесса, в том числе при производстве в надзорной инстанции, а также при исполнении приговора [14; 15; 16; 18].

Принципиально важной является правовая позиция Конституционного Суда РФ, в соответствии с которой в ст. 48 Конституции РФ указываются лишь существенные признаки, характеризующие фактическое положение лица как нуждающегося в правой помощи в силу того, что его конституционные права ограничены в связи с уголовным преследованием в целях установления его виновности. При этом отмечается, что, поскольку конституционное право на помощь адвоката (защитника) не может быть ограничено федеральным законом, то применительно к его обеспечению понятия «задержанный», «обвиняемый», «предъявление обвинения» должны толковаться в их конституционно-правовом, а не в придаваемом им в УПК РФ более узком смысле [19].

Конституционный Суд РФ также указал, что реализация кон-

ституционного права каждого осужденного просить о смягчении назначенного ему наказания, охватывающая решение вопроса об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания, предполагает обязанность государства обеспечить рассмотрение судом соответствующего обращения осужденного на основе состязательности и равноправия сторон, с тем, чтобы он имел возможность защищать свои права всеми способами, не запрещенными законом [8; 9].

На федерального законодателя возлагается обязанность по конкретизации содержания данного права осужденного и установлению правовых механизмов его осуществления, условий и порядка реализации, не допуская при этом искажения существа и введения таких ограничений, которые не согласовывались бы с конституционно значимыми целями.

Как уже было отмечено, право обвиняемого на защиту должно обеспечиваться на всех без исключения стадиях уголовного судопроизводства, включая стадию исполнения приговора. При этом лицо, допущенное к участию в производстве по уголовному делу в качестве защитника, не утрачивает свои уголовно-процессуальные права и обязанности в последующих стадиях. Наделение же полномочием представлять интересы осужденного в стадии исполнения приговора лишь адвокатов являлось бы неоправдан-

ным ограничением конституционного права на юридическую помощь [12; 13; 16].

Право на защиту осужденных подвергается ограничению, так как в первую очередь претерпевают ограничения конституционное право защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом, и право на получение квалифицированной юридической помощи, которые выступают основополагающими элементами комплексного субъективного права личности на защиту. Речь здесь идет об ограничении способов реализации осужденными права на защиту, при этом ограничение подобного рода должно быть исключительно в рамках, установленных законом.

Знаковым и поистине историческим разъяснением является п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 2011 № 21, которым определена позиция относительно правовой природы судебной деятельности, регламентированной гл. 47 УПК РФ: «рассмотрение и разрешение вопросов, связанных с исполнением приговора, осуществляется в форме правосудия».

В связи с внесением дополнений в ч. 3 ст. 399 УПК РФ Федеральным законом от 20 марта 2011 г. № 40-ФЗ (в соответствии с которыми вопрос об участии осужденного в судебном заседании решается уже не по усмотрению суда, а в зависимости от волеизъявления

осужденного) и разъяснениями Пленума Верховного Суда от 20 декабря 2011 № 21, согласно которым ряд общих условий судебного разбирательства распространен на стадию исполнения приговора, объективно произошла трансформация этого вида судебной деятельности в одну из форм уголовного правосудия. Традиционное, классическое понимание правосудия как той части деятельности суда, которая направлена лишь на рассмотрение и разрешение дела по существу, т.е. решение вопросов виновности и наказания уже не отражает действительного, реального содержания роли и значения судебной власти в уголовном судопроизводстве [3].

Постановление Пленума Верховного Суда от 21 апреля 2008 № 9 ориентирует суды на обеспечение индивидуального подхода к каждому осужденному, в отношении которого рассматривается и разрешается вопрос об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания либо о замене неотбытой части наказания более мягким видом. Следует обратить внимание, что перечень вопросов, которые суды рассматривают и разрешают в стадии исполнения приговора, и обозначенный законодателем в ст. 397 УПК РФ, фактически является открытым. При этом нормы главы 47 УПК РФ используются правоприменителем по аналогии при рассмотрении и разрешении вопросов, прямо не указанных в гл. 47 УПК

РФ. Думается, что подобное требование должно касаться любых вопросов, перечисленных в ст. 397 УПК РФ, а также иных вопросов, разрешаемых судами в порядке ст. 399 УПК РФ.

Кроме того, внимание судов обращено на то, что решения о предоставлении условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, о замене неотбытой части наказания должны быть законными, обоснованными и справедливыми. Законными должны быть основания для отказа. Перечислены наиболее распространенные в судебной практике незаконные основания. К таковым, в частности, относятся: характер и степень общественной опасности совершенного преступления; наличие дисциплинарных взысканий; отмена ранее предоставленного условно-досрочного освобождения от отбывания наказания; наличие прежней судимости; непризнание осужденным вины; кратковременность его пребывания в одном исправительном учреждении; наличие невозмещенного морального и материального вреда, причиненного преступлением.

Не совсем точным видится разъяснение, данное в п. 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 апреля 2009 № 8 (введен Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 17 ноября 2015 № 51): «Необходимо иметь в виду, что при рассмотрении вопросов об условно-досрочном освобождении

от отбывания наказания суд не вправе высказывать суждение о незаконности и необоснованности примененных к осужденному взысканий и поощрений».

Аналогичное разъяснение дано в п. 27 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2014 № 9 «О практике назначения и изменения видов исправительных учреждений»: «Решая вопрос об изменении вида исправительного учреждения, суд не проверяет законность взысканий, наложенных на осужденного ... Вместе с тем в случаях, предусмотренных частью 4 статьи 78 УИК РФ, суду надлежит проверить соблюдение предусмотренных статьей 116 УИК РФ условий и процедуры признания лица злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания». При этом в данном пункте указано: «Взыскания, наложенные на осужденного за весь период отбывания наказания, подлежат оценке судом в совокупности с другими характеризующими его данными».

На наш взгляд, это лишает возможности осужденного и его адвоката представлять контраргументы позиции администрации учреждения и органа, исполняющего наказания, искусственно создает препятствия для реализации состязательности, и, соответственно, вынесению законного, обоснованного, мотивированного, и, что немало важно, справедливого судебного решения.

Кроме этого, полагаем, что указанные разъяснения идут вразрез с общими полномочиями суда, закрепленными в ч. 4 ст. 29 УПК РФ: «Если при судебном рассмотрении уголовного дела будут выявлены обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, нарушения прав и свобод граждан, а также другие нарушения закона, допущенные при производстве дознания, предварительного следствия или при рассмотрении уголовного дела нижестоящим судом, то суд вправе вынести частное определение или постановление, в котором обращается внимание соответствующих организаций и должностных лиц на данные обстоятельства и факты нарушений закона, требующие принятия необходимых мер. Суд вправе вынести частное определение или постановление и в других случаях, если признает это необходимым».

В любом случае, установив в судебном заседании нарушение закона при применении к осужденному мер поощрения и взыскания, суд не может остаться безучастным – судом должно быть вынесено частное постановление.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 21 апреля 2009 г. № 8 «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания» уделено внимание подсудности вопросов об

условно-досрочном освобождении от отбывания наказания и замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания. При этом вряд ли объяснимо наличие в указанном Постановлении разъяснений по поводу отсрочки отбывания наказания, освобождения от наказания в связи с болезнью, в то время как в названии этого документа речь идет только об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания и замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания. Перечисленные вопросы представляют собой комплексные межотраслевые, безусловно имеющие схожие черты, но все же разную правовую природу институты. Необходимость для судов в разъяснениях высшей судебной инстанции по данным вопросам сомнений не вызывает. При этом, полагаем, что наименование официального документа должно соответствовать его содержанию.

Вопросы правового регулирования освобождения от отбывания наказания в связи с болезнью в последнее время привлекают внимание институтов гражданского общества, прежде всего Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации.

Так, в докладе Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2016 г. (раздел 4.3) указано, что условно-досрочное освобождение от отбывания наказания и освобождение от наказания в

связи с болезнью традиционно находятся в списке наиболее популярных вопросов. В основном заявители указывают на отдельные случаи затягивания предоставления процедур медицинского обследования и иные действия, которые на практике препятствуют объективному и своевременному рассмотрению указанных вопросов судами [1].

Сегодня при регулировании института освобождения от наказания в связи с болезнью действующим законодательством используется формулировка «могут быть освобождены». Это говорит о том, что наличие у осужденного заболевания, препятствующего отбыванию наказания, не является безусловным основанием для освобождения от него. Судам же предлагается не устанавливать обстоятельства, характеризующие поведение осужденного, его отношение к основным средствам исправления. Так, в п. 24 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 апреля 2009 № 8 «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания» указано: «По смыслу части 2 статьи 81 УК РФ, при решении вопроса об освобождении лица от наказания определяющее значение имеет установление судом наличия у осужденного тяжелой болезни, препятствующей отбыванию наказания. Рассматривая соответствующее ходатайство осужденно-

го, суд оценивает медицинское заключение специальной медицинской комиссии или учреждения медико-социальной экспертизы с учетом Перечня заболеваний, препятствующих отбыванию наказания... а также принимает во внимание иные обстоятельства, имеющие значение для разрешения ходатайства по существу». Какие иные обстоятельства должны устанавливаться судом при рассмотрении и разрешении ходатайства об освобождении от наказания в связи с болезнью, из текста данного Постановления не ясно (в отличие от обстоятельств, которые суду надлежит устанавливать при рассмотрении и разрешении остальных вопросов, упомянутых в Постановлении).

Закономерно возникает вопрос о потенциально возможном достижении целей наказания. Реализация подобной правовой позиции (по поводу безусловного освобождения) свидетельствует о проявлении со стороны государства гуманного отношения к лицу, страдающего тяжелой болезнью. Полагаем, что подобная правовая позиция Верховного Суда РФ идет в разрез с положениями действующего законодательства и смыслом данного вида освобождения от наказания.

Поиск решения указанной проблемы, на наш взгляд, должен идти по пути дифференциации института освобождения от наказания в связи с болезнью и разделении его на два самостоятельных вида.

В первом случае суд придает заболеванию лица силу юридического факта, с наличием которого связывается безусловное освобождение от отбывания наказания. Такой вид освобождения от наказания является реализацией гуманного отношения к больным тяжелой неизлечимой болезнью.

Во втором случае суд освобождает лицо от отбывания наказания при наличии у него заболевания с учетом динамики его правоупорядоченного поведения, достижения определенной степени исправления. Такой вид освобождения от наказания не должен быть безусловным. Лицо, осознавая, что в условиях исправительного учреждения создать все необходимые условия лечения и реабилитации объективно невозможно, в том числе в силу режимных требований, условий изоляции и других обстоятельств, а также то, что вне его пределов у него есть шанс выздороветь, воспользовавшись достижениями современной медицины, пройти курс реабилитации, скорректировать свой рацион, должно доказать возможность своего исправления без изоляции от общества.

Как уже отмечалось, судебное производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, является формой осуществления правосудия в уголовном процессе. В связи с этим заслуживает внимания вопрос о подсудности вопросов, связанных

с исполнением приговора. Он также затрагивается в разъяснениях высших судебных инстанций (например, п. 13 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 апреля 2009 № 8 «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания»). Следует оговориться, что подсудность в данном случае представляет собой совокупность признаков дела об исполнении приговора, позволяющая отнести его рассмотрение и разрешение к полномочиям и компетенции определенного суда.

В судебной практике нередко возникают вопросы с определением суда, к компетенции которого относится рассмотрение и разрешение того или иного вопроса. Вынесение решения судом, к подсудности которого оно не отнесено законом, является существенным нарушением норм уголовно-процессуального законодательства, влекущим отмену принятого судом решения.

Законодательное установление о том, что никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела тем судом и тем судьей, к подсудности которого оно отнесено законом, является одной из конституционных гарантий права каждого на судебную защиту.

Данная гарантия нашла свое отражение в уголовно-процессуальном законодательстве и включена в содержание одного из прин-

ципов уголовного процесса (ч. 3 ст. 8 УПК РФ «Осуществление правосудия только судом»).

Считаем необходимым обратить внимание на то, что в содержании (в формуле) принципа, закрепленного в ст. 8 УПК РФ, законодателем допущена системная ошибка, поскольку данное право есть не только у подсудимого, которым в соответствии с ч. 2 ст. 47 УПК РФ является обвиняемый, по уголовному делу которого назначено судебное разбирательство. В данном случае федеральным законодателем на уровне кодифицированного акта установлен пониженный уровень правовой защиты по сравнению с Конституцией РФ. Очевидно, что указанным правом в полном объеме без каких-либо изъятий и ограничений обладает любое лицо, вовлеченное в сферу уголовного судопроизводства, отстаивающее свои права и законные интересы средствами уголовного процесса.

В этом отношении представляется важным разъяснение Пленума Верховного Суда РФ, в котором он обращает внимание нижестоящих судов на то, что подсудность уголовного дела, которое закончилось для лица вынесением обвинительного приговора, не влияет на подсудность вопросов об условно-досрочном освобождении и замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания (п. 13 постановления Пленума Верховного Суда от 21 апреля 2009 № 8 «О су-

дебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания»).

Надлежит обратить внимание на некоторые разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, касающиеся порядка рассмотрения и разрешения вопросов, связанных с исполнением приговора. Так, например, п. 18 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 апреля 2009 № 8 указано, что суду следует извещать осужденного, его законного представителя, адвоката, а также администрацию учреждения или органа, исполняющего наказание, прокурора о дате, времени и месте рассмотрения ходатайства или представления не позднее 14 суток. В этой связи следует подчеркнуть, что Постановление Пленума Верховного Суда РФ в этой части содержит формулировки («суду следует»), которые носят неоднозначный по сравнению с текстом закона характер (п. 14 постановления Пленума Верховного Суда от 21 апреля 2009 № 8 «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания»). Извещать участников судебного заседания – это прямая обязанность суда.

В п. 19 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 8 «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбы-

вания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания» опять же с использованием формулировки «суду следует» судам предписано обеспечить рассмотрение ходатайств и представлений в разумные сроки.

Вместе с тем установление процессуальных сроков в судебном производстве по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, является одним из наиболее острых вопросов, который по-прежнему остается за пределами внимания законодателя и высших судебных инстанций, не вносящих какой-либо ясности в данную проблему. Не произошло этого и в случае с определением каких-либо критериев разумности сроков.

Так, в законодательстве остаются нерешенными вопросы о том, в какие сроки судом должны приниматься решения по поступившим в суд материалам (о назначении даты, времени и места судебного заседания). Исследование правоприменительной практики, в частности, интервьюирование судей, показало, что в данном случае судьи руководствуются положениями уголовно-процессуального законодательства, регламентирующего общий порядок подготовки к судебному заседанию и данными Верховным Судом РФ разъяснениями по этому поводу.

Кроме того, в тех случаях, когда происходят выездные судебные заседания, устанавливается перио-

дичность проведения судебных заседаний (например, 1 раз в месяц).

В разъяснениях Верховного Суда РФ прослеживается позиция, в соответствии с которой можно сделать вывод об особом процессуальном положении суда в судебном производстве по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора. Это заключается в том, что в случае необходимости суд оказывает участникам процесса содействие в сборе необходимых сведений. Полагаем, что это не может расцениваться как полномочие суда, противоречащее осуществляемой функции правосудия и статусу суда как независимого участника процесса, поскольку его реализация необходима для вынесения законного, обоснованного и мотивированного решения. Оно является необходимой гарантией права на судебную защиту.

Подводя итог, отметим, что разъяснения и правовые позиции Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ, безусловно, вносят определенную ясность во множество вопросов правового регулирования судебного производства по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, при этом множество нерешенных проблем в его законодательной регламентации требуют системного подхода и комплексного решения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2016 год. URL: <http://ombudsmanrf.org/content/doclad2016>
2. Ларин Е. Г. Новые разъяснения Верховного Суда Российской Федерации о праве на защиту в уголовном судопроизводстве // Законодательство и практика. 2015. № 2.
3. Николук В.В. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 2011 № 21 «О практике применения законодательства об исполнении приговора» // Уголовное право. 2012. № 3.
4. О практике назначения и изменения судами видов исправительных учреждений: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2014 № 9 // Рос. газ. 2014. № 124. 4 июня.
5. О практике применения судами законодательства об исполнении приговора : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.2011 г. № 21 (ред. от 29.11.2016) // Там же. 2011. № 296.
6. О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 № 29 // Там же. 2015. № 150.
7. О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.04.2009 № 8 (ред. от 17.11.2015) // Там же. 2009. № 75. 29 апр.
8. Определение Конституционного Суда РФ от 11.07.2006 г. № 351-О.
9. Определение Конституционного Суда РФ от 11.07.2006 г. № 406-О.
10. Определение Конституционного Суда РФ от 01.10.2009 г. № 1053-О-О.
11. Определение Конституционного Суда РФ от 08.02.2007 г. № 257-О-П.
12. Определение Конституционного Суда РФ от 24.06.2008 г. № 279-О-О.
13. Определение Конституционного Суда РФ от 24.06.2008 г. № 373-О-О.
14. Определение Конституционного Суда РФ от 29.09.2011 г. № 1282-О-О.
15. Постановление Конституционного Суда РФ от 25 октября 2001 г. № 14-П.
16. Постановление Конституционного Суда РФ от 26.10.2003 г. № 20-П.
17. Постановление Конституционного Суда РФ от 26.12.2003 г. № 20-П.
18. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.03.1996 г. № 8-П.
19. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.06.2000 г. № 11-П.
20. Пупышева, Л. А. Уголовно-процессуальная деятельность в стадии исполнения приговора: проблемы правоприменительной практики // Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики: материалы науч.-практ. конф., 9–10 нояб. 2016 г. / отв. ред. А. Г. Антонов. Новокузнецк: ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН России, 2016. С. 147–149.

В.В. Черных

**ПЕРВЫЙ ГЕНЕРАЛ-ПОЛИЦМЕЙСТЕР РОССИИ А.М. ДЕВИЕР
И ЕГО ПОЛИЦЕЙСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

Статья посвящена истории становления полицейских органов Российской империи, деятельности первого генерал-полицмейстера России А.М. Девиера. Анализируются предпосылки создания полиции, показан вклад генерал-полицмейстера в формирование полицейской системы в стране.

Ключевые слова. Российская империя, полиция, полицейская канцелярия, генерал-полицмейстер, А.М. Девиер.

V.V. Chernykh

**THE FIRST POLICE CHIEF GENERAL OF RUSSIA A. M. DEVIER
AND HIS POLICE ACTIVITIES**

The article is devoted to the history of police of the Russian Empire, the activities of the first General of police of Russia A. M. Deviera. Examines the background to the police, shows the contribution of the General of police in the formation of the police system in the country.

Key words. The Russian Empire, police, police office, police chief General, A. M. Devier.

Важнейшей функцией жизнедеятельности государства является обеспечение внутренней безопасности страны. Жизнь любого общества основывается на управленческих функциях и ведущая среди них – полицейская. Об этом убедительно свидетельствуют концептуальные объяснения всемирно-исторического развития. К одним и тем же выводам приводят они независимо от того, с каких позиций осуществляются – формационного, цивилизационного или культурологического. Теоретики цивилизаций О. Шпенглер, А. Тойнби, Н.Я Данилевский, К.Н. Леонтьев, П.А. Сорокин, Л.Н. Гумилёв

отмечали, что полицейская функция присуща не только любому типу государства, но и догосударственным образованиям (непрогрессивным, традиционным и прогрессивным обществам как с азиатским способом производства, так и с европейским [1]).

Исторический процесс многовариантен и для понимания различных его сторон (в том числе и зарождения полицейской функции) приемлемы различные подходы и цивилизационный А. Тойнби, и диалектический материализм К. Маркса, и герменевтика В. Дильтея и др. [2].

Правоохранительные органы возникли в результате естественно-исторического развития, одновременно с государством, как его необходимый атрибут, являясь одновременно одним из главных звеньев управления государством, обеспечивающим общественный порядок.

Исторический процесс позволяет сделать вывод, что зарождение функции обеспечения правопорядка связано с образованием государства и формированием права.

Создание полицейской системы именно в этот период было событием не случайным. Предпосылками образования полиции стало вхождение России в конце XVII – первой четверти XVIII в. в позднефеодальный период развития, сопровождавшийся переходом от ремесленного к мануфактурному способу производства при сохранении и укреплении сословно-крепостнических отношений, а также последующего заметного развития промышленности и торговли, поощряемых государственной политикой меркантилизма и протекционизма.

Идея полицейского государства была навеяна Петру в результате его известных поездок за границу и знакомства как с законодательством, так и с различными воинскими и морскими уставами в период так называемого великого посольства, из которого он привёз различные технические новинки, законодательные акты ряда стран (в первую очередь, Дании, Франции, Священной Римской империи и Швеции), и осознания необходимо-

сти управленческих реформ с опорой на создание профессиональных организаций. Усиление крепостнического гнёта в результате преобразовательной деятельности привело к резкому росту преступности, что также заставило Петра I «озаботиться лучшим устройством полиции» [3].

Полицейские функции в государстве осуществлялись и ранее, но тогда еще не было специальных полицейских учреждений, а их функции выполнялись центральными и местными органами власти (приказами, воеводами). Абсолютистская же форма правления предполагает выстраивание тотального контроля, который отвечал представлениям Петра по руководству государством и его видению полиции как основного инструмента проведения в жизнь государственных реформ [4].

Итак, начало восемнадцатого столетия является поворотным моментом в организации полиции. Правительство принимает решение о создании сначала полицейской канцелярии в Санкт-Петербурге, затем в Москве, а уже в 30-е гг. XVIII в. во всех городах империи. Сопровождалось это также профессиональной установкой политического сыска и пожарного дела, в силу вхождения их в важнейшие внутренние дела, обеспечивавшие безопасность государства. Этому событию предшествовало осознание необходимости централизованной, планомерной борьбы с преступностью и с пожарами, с выделением вопросов безопасности страны как важнейшей социально-

экономической проблемы и большая подготовительная работа. До образования полиции борьбой с преступностью и тушением пожаров занимались непрофессионалы (стрельцы, приказные люди, ярыжки и т.п.). Часто они не обладали ни достаточной компетенцией в этом деле, ни необходимой физической подготовкой, ни самоотверженностью, граничащей с риском для жизни.

Необходимость создания профессиональной полиции заключалась также в традиционных предрассудках, мешавших борьбе с преступностью и особенно с пожарами. В частности, особое значение имел религиозный синдром, проявлявшийся при пожаре и сказывавшийся на деятельности людей при его тушении. Длительный пожар рассматривали как стихийное бедствие, посылаемое человеку в наказание за нарушение запретов, правил поведения и морально-этических норм, т. е. как божью кару. Это психологическое восприятие пожара связано с той ментальностью, которая складывалась у людей, символизирующих огонь с одной из основных стихий мироздания. Поскольку пожар рассматривался как наказание божье, тушить его порой считалось грехом. Наибольшее количество предрассудков порождено пожарами, возникшими от молний, так как среди славянских племен небесный огонь издревле считался священным. Если гром поражал человека или строение, то никто их не спасал, потому что это считалось сопротивлением воле божьей. Противиться

же наказанию, непосланному свыше, считалось крамольным, поэтому воспринимать его необходимо было с чувством умиления и благоговейной покорности, точно также людей, убитых молнией, многие считали святыми.

Широко было распространено мнение о том, что пожар, зажженный молнией, следует тушить молоком, если же его не хватает, то квасом, но ни в коем случае не водой, по поверью такой огонь только больше разгорается. При тушении пожара от грозы использовали также освященные предметы: бросали в пожар пасхальное яйцо или обходили с ним загоревшееся строение, кидали в огонь вербу, обходили горящий дом с зажженной четверговой свечой или с иконой Неопалимой Купины, стояли лицом к огню с иконой св. Николая (Миколы), затапливали печи в соседних домах – отсюда поговорка: «дым на дым или огонь на огонь не идет» [5].

М.И. Сизиков [6] утверждает, что предложение о создании полиции впервые прозвучало в «Записке о коллегиях», составленной между 1711 и 1716 гг. немецким математиком и философом Г.В. Лейбницем. Знакомясь с указами законодательного характера Дании, Пётр обратил своё внимание на должность руководителя полиции – полицмейстера и взял этот термин на вооружение. Тем не менее в Указе о коллегиях 1717 г. полицейскую коллегия мы ещё не находим, что позволяет предположить, что проект создания российской полиции был оригина-

лен, а не заимствован, как предполагают некоторые учёные. Правда ещё 20 мая 1715 г. была образована полицмейстерская канцелярия, которая в 1718 г. была преобразована в генерал-полицмейстерскую канцелярию. Факт наличия и функционирования полицейской канцелярии не подлежит сомнению, следовательно, дата образования российской полиции может быть сдвинута на три года ранее.

Петровская полицейская реформа проводилась без четкого плана и основательной подготовки, как, впрочем, и большинство других петровских реформ. Представление на создание регулярной полиции заключалось в формировании административно-полицейского аппарата сначала в столицах (Санкт-Петербург и Москва), затем последовательно во всех столицах губерний. На практике осуществлялось это следующим образом: вначале законодательно определялось должностное положение руководителя нового учреждения, затем очерчивался круг его полномочий, и только потом назначался руководитель учреждения, который непосредственно комплектовал аппарат. После укомплектования и выработки функциональных обязанностей чиновников управления делалось публичное сообщение.

В мае 1718 г. царским указом учреждается должность генерал-полицмейстера [7]. Назначен на эту должность был Антон Мануилович Девиер. Петр I привёз его из своей заграничной поездки. Знакомство

Петра и будущего генерал-полицмейстера состоялось в 1697 г. В честь прибытия в Амстердам великого посольства из России во главе с молодым царем Петром голландцы устроили показательные маневры. В бухте Эй выстраивается несколько десятков парусников и начинается морская баталия. Петр, уже немного выучивший голландский, принимает командование голландской флотилией. Самым расторопным и понимающим юнгой на корабле оказывается юный Антуан Де Вийера. «А ты, яко обезьяна, взлетал по вантам, крепя и ослабляя паруса», – восхищается русский царь. Антуан с благодарностью принимает от Петра золотой талер и представляется: «Зовут меня Антон Дивьер. Я из Португалии. Иудейского рода» [8]. Так Антуан оказался пажом при российском государе.

Де Вийера был родом из португальских марранов. Предки его некогда были вынуждены креститься, но тайно исповедовали иудейскую веру. Родители Де Вийеры вынуждены были бежать от инквизиции в Голландию. Петр к новоиспечённому шестнадцатилетнему пажу относился благосклонно, о чём свидетельствует его стремительная карьера. Не обладая большим умом, но компенсируя это предприимчивостью и весёлостью нрава, молодой человек довольно быстро стал продвигаться по служебной лестнице: из пажей он был переведён в денщики Петра, становясь, таким образом, наиболее доверенным лицом государя, затем по-

лучает имение, чины бригадира и капитана лейб-гвардии Преображенского полка, звание генерал-адъютанта. Весёлый и красивый Антуан пользовался расположением не только царя, но и женщин, а вот бояре его невзлюбили и при первой okazji, узнав о связи Анны Меншиковой с быстро набиравшим влияние при дворе Девиером, донесли об этом могущественному фавориту Петра I Александру Меншикову, который придя в неопределимую ярость, приказал слугам высечь повесу, предварительно оставив самолично несколько оплеух на смазливом лице молодого еврея. За Антуана вступилась Анна, как отмечают современники, уже забеременевшая от возлюбленного. В довершение всего и Петр встал на сторону молодых людей. Пришлось Меншикову, скрепя сердце, согласиться на брак своей сестры с «молодым выскочкой». Так Девиер приобрёл могущественного, и как показала дальнейшая история, беспощадного врага. Но пока был жив император, Меншиков терпел своего зятя, а Антуан старался быть предупредительным и держался от «греха подале».

После смерти Петра благоволившая Девиеру императрица оказывала ему своё покровительство, свидетельством чего является награждение его в 1725 г. орденом Св. Александра Невского, а в 1726 г. ему были пожалованы титул графа и звание сенатора.

В должности генерал-полицмейстера А.М. Девиер нахо-

дился до 1727 г. Влияние и власть Меншикова в этот период достигает апогея и он, пользуясь случаем, обвиняет Антуана в неуважении к царской фамилии: когда императрица в очередной раз заболела, он внушил ей, что генерал-полицмейстер не опечален её состоянием, а веселится с женщинами (по слухам Екатерину и Девиера связывали особые отношения). Девиер был арестован, подвергнут наказанию кнутом и даже вздёрнут на дыбу, после чего лишен всех должностей и чинов, включая графского титула и имений. Не выдержав мучений, Антуан признался в заговоре и выдал своих «подельников» – всех недругов Меншикова. Они были лишены всех званий и имущества и сосланы в далёкую и неведомую Якутию в 9000 верстах от Петербурга. Приключения Девиера на этом не закончатся. Вспомнит о ссылке уже новая императрица Анна Иоанновна, но в Петербург его не вернет, а сделает командиром Охотского порта. Энергии у Девиера ещё было достаточно, он приведёт порт в надлежащее состояние и создаст там мореходную школу, которая впоследствии превратится в штурманское училище сибирской флотилии. И только в 1743 г. Елизавета Петровна вернула его из ссылки, возвратила имения, титул, ордена, чины и должность генерал-полицмейстера, на которой он был до своей смерти. В качестве своеобразного утешения за проведённые в ссылке годы Девиеру было пожаловано 1600 душ из имения Менши-

кова. Умер Девиер в 1743 г. в чине генерал-поручика.

Анализ деятельности Девиера на посту генерал-полицмейстера позволяет рассматривать его начинания и преобразования одобрительно. В его функции входило, помимо полицейских обязанностей, проведение всех противопожарных мероприятий в Санкт-Петербурге, что было зафиксировано в утвержденной Петром I 25 мая 1718 г. полицмейстерской инструкции «Пункты» [9]. Инструкция, состоявшая из 13 пунктов, определяла круг обязанностей столичной полиции. В их числе 4 пункта (1, 8, 12 и 13) регламентировали деятельность полиции в борьбе с пожарами. Пунктом 1 на полицию был возложен надзор за применением и осуществлением строительных мероприятий, предписываемых в целях предупреждения наводнений и прекращения пожаров; пунктом 8 полиции вменялось 4 раза в год осматривать «отопительные места»; пунктом 12 предписывалось организовать систему караулов и пунктом 13 – организовать население по десяткам и сотням дворов и избрать уличных старост, которые должны следить за пожарной безопасностью [10].

Генерал-полицмейстер А. Девиер в соответствии с полученной инструкцией в сжатые сроки сформировал отряд из шести барабанщиков, которые барабанным боем оповещали обывателей о пожарах. В целях избежания пожаров было запрещено строительство курных домов, а построенные велено было разобрать.

Для того, чтобы сделать чистку труб обязательной, А. Девиер приказал их пересчитать. Их оказалось в Санкт-Петербурге, кроме Васильевского острова, 8974. Для их чистки были приглашены: трубный мастер, 50 трубочистов и 1 подмастерье. Мастер получал 100 руб. в год, а остальные – солдатское жалованье.

Генерал-полицмейстер, изыскивая средства для приобретения пожарных инструментов, обращался с ходатайством в Сенат, а также проявлял заботу о постройке теплых помещений для содержания водоливных труб в холодное время года [11].

В 1722 г. Девиер повторно обратился в Сенат о выделении для чистки печных труб мастера с подмастерьями и 30 рабочих людей [12]. Команда трубочистов при Санкт-Петербургской полиции была создана, но, видно, не в достаточном количестве, так как подобные ходатайства продолжались.

Результатом ряда крупных пожаров, случившихся в Москве и Санкт-Петербурге, стало принятие указа генерал-полицмейстером Девиером от 27 июля 1723 г. «О копани на Васильевском острове прудов и о приготовлении на оный и другие острова пожарных инструментов». Этим указом было велено выкопать на Васильевском острове «пруды длиною и шириною, поскольку надлежит, сажен; а оные пруды копать тутошними обывателями, для их лучшей пользы, понеже сего июня 20 дня на оном острове учинился пожар, а для его тушения воды поблизости нет... да для

охранения же от пожарного случая приготовить на оный остров и в другие места паруса и щиты, и заливательные трубы, и крюки, и вилы... а на дело оных парусов старых требовать парусов из Адмиралтейства» [13]. Таким образом, определялись контуры будущих пожарных команд.

Действие указа по Васильевскому острову распространялось и на другие острова и слободы. Последовательно и достаточно быстро на петербургских островах и в московских слободах создаются полицейские съезжие дворы под руководством одного-двух обер-офицеров с командами солдат, унтер-офицеров, подъячими. Функционально за офицерами закреплялись и вопросы противопожарной службы. На съезжих дворах хранился и пожарный инвентарь [14].

Тем не менее пожарная повинность для населения сохранялась, что было подкреплено указами царя по Санкт-Петербургу (1719) [15] и Москве (1722) [16]. За обывателями на случай пожара закреплялся определенный пожарный инвентарь, они были расписаны в установленных пунктах и находились в подчинении сотских, пятидесятских и десятских. За уклонение от тушения пожаров жители наказывались денежными штрафами, битьем кнутом, ссылкой на каторгу (знатные только штрафами). Особой жестокостью прославился генерал-полицмейстер Девиер: почти ежедневно он подвергал наказанию и

сек кнутом по «шести и более человек обоего пола».

Доведение до населения указов царя о противопожарных мерах входило в обязанности полиции, которая зачитывала их в городе под барабанный бой. Помимо этого, указы вывешивались в наиболее людных местах, а некоторые даже сообщались жителям под расписку.

В петровский же период были заложены основы противопожарной пропаганды. Издавались планы и рисунки огнестойких крестьянских дворов и других строений. Печатные указы о противопожарных мерах рассылались по городам и весям страны и зачитывались в праздничные дни в церквях.

Комплектование аппарата генерал-полицмейстера шло медленно. 4 июня 1718 г. было извещено о создании нового органа управления, в распоряжение которого поступило 90 военнослужащих и 11 приказных служителей во главе с дьяком. Но к концу 1718 г. его персонал состоял, не считая генерал-полицмейстера, только из 41 человека. Через год численность увеличилась до 67 человек. На службу в полицию идти не хотели, учреждения отпускали чиновников с неохотой. Девиеру приходилось по каждому чиновнику вести длительную переписку, да и Петербург не представлялся желанным местом. Поэтому нехватка квалифицированных чиновников продолжалась почти два десятилетия. Гражданская служба заманчивой тогда не выглядела, а к полиции

народ относился сдержанно, впрочем, как и в дальнейшем.

Взгляды Петра I и его генерал-полицмейстера сходились не только в вопросах борьбы с преступностью, но и в возведении новой столицы, как говорил Пётр, «Ежели Бог продлит жизнь и здоровье, будет Петербург – другой Амстердам». В связи с чем был наметен следующий план: 1) «...Создать благоустроенный город с прямыми улицами, застроенными каменными домами, поставленными в линии, с большими садами, бульварами и целой системой каналов; 2) сделать водные магистрали (Неву, протоки, каналы) главными путями сообщения, а сам город возможно дальше выдвинуть в сторону моря; 3) всю застройку в городе подчинить строгой регламентации; 4) каждой группе населения отвести определенную часть городской территории; 5) организовать торгово-промышленное население в производственные объединения и сосредоточить управление городом в руках этой группы. Данный план проводился в жизнь целенаправленно и настойчиво. Он был подкреплен целой серией приказов по регламентации строительства города и инструкций по соблюдению мер предосторожности от огня» [17].

Девиер своей активной деятельностью на благо столицы и государства убеждал царя в правильности назначения его на эту должность. Под его руководством город становился чище, осушались болота, строились каналы, озеленялись и

мостились камнем улицы, возводились тротуары и деревянные набережные и даже по подсказке архитектора Леблона была осуществлена утилизация воды. Домовладельцев обязали отслеживать состояние подъездных путей и тротуаров перед своими домами, своевременно производить их ремонт. Занимались полицейские и санитарными вопросами: следили за выбросом мусора в Неву и жестоко наказывали нарушителей, вплоть до каторги.

Налажен был должный контроль за состоянием рынков, базаров и качеством реализуемой продукции. Наказания были очень жестокими в зависимости от количества правонарушений: битьё кнутом, каторга и даже смертная казнь. Столь часто встречающееся наказание в виде каторги именно в России связано с государственной политикой заселения пустующих территорий в целях их освоения. Известный юрист С.К. Викторовский ещё в 1912 г. отмечал, что «...русское государство почти до начала XIX в. не придавало самостоятельного значения личности и ее интересам. Личность человека сама по себе, вне ее отношения к государственным интересам не имела никакого значения. Такое положение личности отражалось в системе карательных мер, государство последовательно реализовало сложившуюся систему наказаний. Вопросы гуманности, уважения или сожаления к личности, преступившей закон, в этот период просто не возникали. Отсюда обилие смертных казней, беспо-

щадное применение телесных наказаний, очень болезненных, уродовавших людей. Так, например, сожжение производилось на костре или срубе, а иногда применялось в форме копчения, чтобы усилить мучения, обкуривали едким составом, от чего тела таяли как воск и волосы вылезали, и только затем осужденных сжигали» [18].

Одним из первых Девиер начал бороться с борделями и притонами. Всеми своими действиями генерал-полицмейстер демонстрировал решительность, волю в борьбе с нарушениями правопорядка и, что немаловажно, зачастую самостоятельно решал вопросы, которые могли принести вред государству в вверенной ему правоохранительной области. Так в 1722–1723 гг., когда царь находился в Персидском походе, в столице неожиданно взлетели цены на продукты. Разобравшись в причинах подорожания и опережая начавшееся было недовольство населения, генерал-полицмейстер арестовал нескольких спекулянтов, осуществивших, как бы сейчас сказали, «монопольный сговор», установил норму прибыли от продажи не более 10 %. Однако оказалось, что спекулянты пользуются поддержкой самого А. Меншикова. Тлевший конфликт между Девиером и Меншиковым обострился, потребовалось непосредственное вмешательство Петра I для урезонивания Меншикова.

Современники отмечали и такую черту Девиера, как неподкупность. Будучи с дипломатией в Кур-

ляндии, он отклонил «подарок» в 10 тысяч экю, предложенный ему претендентом на курляндский престол герцогом Саксонским.

В 1722 г. в Москве вводится должность обер-полицмейстера с непосредственным подчинением Петербургскому генерал-полицмейстеру, т.е. Девиеру.

В управление полицмейстерскими канцеляриями был положен коллегиальный принцип. Штат руководства был незначительным, так например, в Московской канцелярии числился: один обер-полицмейстер и один судья в чине майора или подполковника, являвшегося заместителем обер-полицмейстера. В качестве непосредственных исполнителей полицейской деятельности к канцеляриям прикомандировывались воинские команды на определенное время. Важную роль играли создаваемые в каждой слободе (районе) полицейские съезжие дворы под руководством одного-двух обер-офицеров с командами солдат во главе с унтер-офицерами.

Постепенно штат полиции рос и к 1721 г. персонал полиции Петербурга насчитывался около 100 человек, но для столицы этого было недостаточно, поэтому к полицейским функциям по-прежнему привлекалось гражданское население.

Отдельные законодательные акты («Пункты», инструкции полицейским) ещё не охватывали все стороны полицейской деятельности. Складывающееся полицейское государство долго еще будет страдать отсутствием или неконкретностью

полицейских законов, а над принятием многих решений довлеть сложившиеся условия феодально-крепостнического строя.

На законодательном уровне функции полиции определялись "Регламентом Главного магистрата", изданном в 1721 г. Согласно этому документу полиция "споспешествует в правах и в правосудии, рождает добрые порядки и нравочения, всем безопасность подает от разбойников, воров, насильников и обманщиков и сим подобных, непорядочное и непотребное житие отгоняет и принуждает каждого к трудам и честному промыслу, чинит добрых досмотрителей, тщательных и добрых служителей, города и в них улицы регулярно сочиняет, препятствует дороговизне и приносит довольство во всем потребном к жизни человеческой, предостерегает все приключившиеся болезни, производит чистоту по улицам и в домах, запрещает излишество в домовых расходах и все явные погрешения, призирает нищих, бедных, больных, увечных и прочих неимущих, защищает вдовиц, сирых и чужестранных по заповедям Божиим, воспитывает юных в целомудренной чистоте и честных науках; вкратце ж над всеми сими полиция есть душа гражданства и всех добрых порядков, и фундаментальный подпор человеческой безопасности и удобства" [19].

Функции полиции будут постоянно корректироваться, возникать новые направления и специализации, потребуется целый век для

того, чтобы полиция передала не свойственные ей функции в другие ведомства. А для «девиеровского» периода важнейшими направлениями деятельности полиции были карательно-правоохранительная деятельность, регулирование передвижения и проживания в столицах населения, пресечение самовольных уходов работных людей, крестьян, дезертирства солдат.

Отношения полиции с населением с самого начала не сложились. Избиения провинившихся, невзирая на пол и возраст, были для того периода делом обыденным, остались свидетельства, что за определённые прегрешения Пётр поколачивал всех своих подданных, включая и А. Меньшикова, и А. Девиера. Девиер же в свою очередь сёк ежедневно на площади преступников, а в съезжих дворах служителей полиции. Те, считая избиения своеобразным внушением, переносили побои не только на непосредственных преступников, но доставалось и представителям из народа. Наказывая людей за какие-либо провинности, полицейские чиновники вымогали взятки, сами нарушали общественный порядок, нередко дрались и пьянствовали вместе с преступниками.

Предметом разбирательства в сенате и полицмейстерских канцеляриях были в основном случаи злоупотребления, которыми причинялся ущерб знатым лицам или учреждениям. Эти случаи дошли до нас в архивных документах. А сколько бесчинства полицейских чиновников в отношении простона-

рода осталось неизвестно? Исследователь И.Т. Тарасов заметил, что полиция «очень скоро после своего возникновения заявила себя весьма склонной к обидам и взяткам» [20].

Полицейская реформа осталась не завершённой, но становление регулярной полиции всё-таки произошло, и доля заслуг в этом есть и первого генерал-полицмейстера А. Девиера.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Дмитриев Д.И. История российской цивилизации: учебное пособие. Иркутск, 1996. С. 5–7; Отечественная история: учебник / под общ. ред. проф. В. В. Черных. Иркутск: Оттиск, 2009. С. 12–13; История России (IX–XX века): курс лекций / науч. ред. В.В. Черных. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России, 2003. С. 9.
2. Момджян К.Х. Социум. Общество. История. М.: Наука, 1994. С. 60.
3. Соловьёв С.М. Сочинения: В 18 кн. Кн. VIII. Т. 15–16: История России с древнейших времён / отв. ред. Н. А. Иванов. М.: Голос, Колокол-Пресс, 1997. С. 575.
4. Соборное уложение 1649 г. // ПСЗРИ. Собр. 1-е. СПб., 1830. Т. 1. № 1; Наказ Алексея Михайловича 1649 г. "О градском благочинии" // Там же. № 6.
5. Славянская мифология: энциклопедический словарь. М., 1995. С. 284.
6. Сизиков М.И. Полиция Российской империи. М., 2000. С. 9.
7. Полный свод законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 1-е. СПб., 1830. Т. 6. № 4047. С. 426–436.
8. Ребель А.И. Как царь Пётр еврея полицмейстером сделал. URL: <http://>
9. URL: jtimes.ru/jewish-world/people/4705-kak-tsar-petr-evreya-politsmejsterom-sdelal.
10. ПСЗРИ. Т. 6. № 4047. С. 361.
11. Там же.
12. Чехов А.П. Пожарное дело в России. СПб., 1892. С. 106.
13. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 243. Д. 1206. Л. 353–356.
14. ПСЗРИ. Т. VII. 4273. С. 95.
15. РГАДА. Ф. 1451. Д. 24. Л. 47; Д. 25. Л. 23, 43, 51; Д. 26. Л. 8.
16. ПСЗРИ. Т. 5. № 3382. С. 710–711.
17. Там же. С. 712; Т. 6. № 4047. С. 726–736.
18. Черных В.В. История борьбы с огнём в России: монография. Иркутск: Оттиск, 2010. С. 124.
19. Викторовский С.К. История смертной казни в России и современное ее состояние. М., 1912. С. 178.
20. Черных В.В. История органов внутренних дел. Иркутск: ФГКОУ ВО ВСИ МВД России, 2016. С. 68.
21. Гнилорыбов П. А. Россия в эпоху Петра Великого. Путеводитель путешественника во времени. М.: ЭКСМО, 2016. С. 288–292.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

1. **Булатов Борис Борисович**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, начальник Омской академии МВД России

2. **Варданян Акоп Вараздатович**, доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры криминалистики Ростовского юридического института МВД России

3. **Гаврилов Борис Яковлевич**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России

4. **Грибунов Олег Павлович**, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры криминалистики Восточно-Сибирского института МВД России

5. **Звечаровский Игорь Эдуардович**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина

6. **Иншаков Сергей Михайлович**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры национальной безопасности и правоохранительной деятельности юридического факультета Московского государственного лингвистического университета

7. **Казакова Вера Александровна**, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой уголовно-правовых дисциплин юридического факультета Московского государственного лингвистического университета

8. **Комаров Игорь Михайлович**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

9. **Малышева Светлана Филипповна**, доктор химических наук, ведущий научный сотрудник Иркутского института химии им. А.Е. Фаворского СО РАН

10. **Матюшенко Светлана Владимировна**, доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры криминологии, психологии и педагогики Омской академии МВД России

11. **Можаева Ирина Павловна**, доктор юридических наук, главный научный сотрудник отдела по исследованию проблем отраслевого управления научно-исследовательского центра Академии управления МВД России

12. **Муравьев Кирилл Владимирович**, кандидат юридических наук, доцент, докторант адъюнктуры Омской академии МВД России

13. **Николюк Вячеслав Владимирович**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, главный научный сотрудник отдела проблем уголовного судопроизводства Российского государственного университета правосудия

14. **Плотникова Галина Викторовна**, кандидат химических наук, доцент, доцент кафедры пожарно-технической экспертизы Восточно-Сибирского института МВД России

15. **Подлиняев Олег Леонидович**, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры тактико-специальной и огневой подготовки Восточно-Сибирского института МВД России

16. **Пупышева Любовь Андреевна**, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Кузбасского института ФСИН России

17. **Россинский Сергей Борисович**, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА)

18. **Смолькова Ираида Вячеславовна**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры уголовного процесса Восточно-Сибирского института МВД России

19. **Шаламов Валерий Георгиевич**, заслуженный юрист Российской Федерации, старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Омской юридической академии

20. **Черных Владимир Васильевич**, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры философии, психологии и социально-гуманитарных дисциплин Восточно-Сибирского института МВД России

21. **Ян Елена Игоревна**, кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

ABOUT THE AUTHORS

1. **Bulatov Boris Borisovich**, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Head of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
2. **Vardanyan Akop Varazdatovich**, Doctor of Law, Professor, Head of the Criminalistics Department, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
3. **Gavrilov Boris Yakovlevich**, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor, Department of the Management of Crime Investigation Units, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
4. **Gribunov Oleg Pavlovich**, Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Criminalistics Department, East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
5. **Zvecharovskiy Igor Eduardovich**, Doctor of Law, Professor, Professor, Criminal Law Department, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
6. **Inshakov Sergey Mihaylovich**, Doctor of Law, Professor, Professor, Criminal Law Disciplines Department, Moscow State Linguistic University
7. **Kazakova Vera Alexandrovna**, Doctor of Law, Professor, the Head of the Criminal Law Disciplines Department, Moscow State Linguistic University
8. **Komarov Igor Mikhailovich**, Doctor of Law, Professor, Professor, Criminalistics Department, Lomonosov Moscow State University
9. **Malysheva Svetlana Filippovna**, Doctor of Chemical Sciences, Leading Researcher, A.E. Favorsky Irkutsk Institute of Chemistry of the RAS
10. **Matyushenko Svetlana Vladimirovna**, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Professor, Criminology, Psychology and Pedagogics Department, Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
11. **Mozhayeva Irina Pavlovna**, Doctor of Law, Leading Researcher, Department on Research of Management Branch Issues, Research Center, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
12. **Muravev Kirill Vladimirovich**, Candidate of Law, Assistant Professor, doctoral student, Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
13. **Nikolyuk Vyacheslav Vladimirovich**, Doctor of Law, Professor, Chief researcher, Honored Scientist of the Russian Federation, Criminal Proceeding Problems Department, Russian State Justice University
14. **Plotnikova Galina Viktorovna**, Candidate of Chemical Sciences, Associate Professor, Associate Professor, Fire and Technical Expertise Department, East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

15. **Podlinyaev Oleg Leonidovich**, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Professor, Special Tactics and Weapon Training Department, East-Siberian Institute of the Ministry of the Internal Affairs of the Russian Federation
16. **Pupysheva Lubov Andreevna**, Candidate of Law, Senior Lecturer, Criminal Proceedings and Criminalistics Department, Kuzbass Institute of Federal Penitentiary Service of Russia
17. **Rossinskiy Sergey Borisovich**, Doctor of Law, Professor, Criminal Procedure Department, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
18. **Smolkova Iraida Vyacheslavovna**, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor, Criminal Proceedings Department, East-Siberian Institute of the Ministry of the Interior of Russia
19. **Shalamov Valery Georgievich**, Honored Lawyer of the Russian Federation, Senior Lecturer, Criminal Proceedings and Criminalistics Department, Omsk Law Academy
20. **Chernykh Vladimir Vasilievich**, Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor, Department of Philosophy, Psychology and Social and Humanitarian Disciplines, East-Siberian Institute of the Ministry of the Internal Affairs of the Russian Federation
21. **Yan Elena Igorevna**, Candidate of Law, Assistant Professor, Criminalistics Department, Lomonosov Moscow State University

Информация для авторов

1. Журнал является научным периодическим изданием, выходит ежеквартально.

2. Все публикуемые материалы проходят научную экспертизу.

3. Журнал имеет раздел на официальном сайте Восточно-Сибирского института МВД России (далее – Институт) в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», содержащем его полнотекстовую версию.

4. Общее руководство, определение политики формирования и издания научно-практического журнала осуществляет редакционный совет.

5. Регламентацию требований к представляемым материалам и условиям их опубликования в журнале, а также решение иных вопросов выхода издания в свет осуществляет редакционная коллегия.

6. Научный материал (статья, обзор, рецензия, отзыв и иное) должен быть оригинальным, ранее не опубликованным в предоставленной редакционной коллегии в других печатных и (или) электронных изданиях.

7. Научный материал должен сопровождаться необходимым инструментарием: ссылками на законодательство, актами официального толкования права, материалами правоприменительной практики, научной литературой, статистическими, информационно-аналитическими и иными данными, подтверждающими их научную обоснованность.

8. Для опубликования научных материалов в журнале необходимо представить в адрес редакционной коллегии надлежащим образом оформленные: рукопись научного материала (статьи, обзора, рецензии, отзыва и иное); заявку на опубликование; лицензионный договор; к статье адъюнкта, аспиранта должен быть приложен отзыв научного руководителя, рекомендующего данную статью к опубликованию. Подпись должна быть заверена кадровым аппаратом соответствующей организации.

9. Научный материал, заявка на опубликование и лицензионный договор (для адъюнкта прилагается отзыв научного руководителя) должны быть предоставлены в редакционную коллегию не позднее двух месяцев до опубликования очередного выпуска журнала.

10. Научный материал, заявка на опубликование и лицензионный договор (для адъюнкта прилагается отзыв научного руководителя) предоставляются по электронной почте либо почтовой связью с приложением электронного варианта научного материала, рецензии и заявки на опубликование.

11. Ответственность за достоверность цифр, фактов, цитат и иной информации, приводимой в научном материале, возлагается на автора.

12. Автор научного материала заключает с Институтом лицензионный договор, по которому на безвозмездной основе предоставляет неисключительные права на использование научного материала.

13. Требования к оформлению научного материала, заявки на опубликование и рецензии помещаются в каждом выпуске издания в разделе журнала и на официальном сайте Института в сети «Интернет».

14. Все публикуемые в журнале научные материалы подлежат внутреннему рецензированию.

15. Рецензии хранятся в редакции издательства в течение пяти лет.

16. При поступлении научного материала, заявки на опубликование, лицензионного договора, а также отзыва научного руководителя (для адъюнкта, аспиранта), редакционная коллегия определяет их соответствие предъявляемым требованиям и организует рецензирование научного материала.

17. В целях проведения экспертной оценки поступивших материалов определяется рецензент из состава редакционной коллегии и (или) редакционного совета, исходя из направления научной работы.

18. Члены редакционного совета и (или) редакционной коллегии осуществляют рецензирование представленного научного материала.

19. Заседание редакционного совета и редакционной коллегии журнала проводятся в соответствии с локальным правовым актом института (положением).

20. При определении рецензентов учитываются их научная квалификация, опыт проведения фундаментальных и прикладных научных исследований, направления научной работы, количество публикаций по теме полученного научного материала за три года.

21. При подготовке рецензии на научную статью адъюнкта, аспиранта учитывается оценка научного материала, содержащаяся в прилагаемом отзыве научного руководителя.

22. Рецензия даёт всестороннюю и объективную оценку научному материалу и включает элементы описания рецензируемого труда.

23. В рецензии указываются место работы, должность, учёная степень, учёное звание, фамилия и инициалы рецензента. Рецензия распечатывается, подписывается, заверяется печатью и передаётся рецензентом для учёта и хранения (в течение пяти лет).

24. По результатам рецензирования принимается одно из следующих решений: об опубликовании научного материала в журнале; о направлении научного материала автору на доработку; об отклонении.

25. Принятое решение, копия рецензии доводится до сведения автора по электронной почте или факсимильной связью.

26. В случае принятия решения о направлении научного материала автору на доработку, к доработанному автором научному материалу предъявляются общие требования. На повторно направляемый автором для опубликования в журнале доработанный научный материал заново оформ-

ляется заявка на опубликование, рецензирование поступающих материалов осуществляется в установленном порядке.

27. При поступлении соответствующего запроса из Министерства образования и науки Российской Федерации направляются копии рецензий.

Требования, предъявляемые к материалам

Для опубликования научных статей, сообщений, обзоров, рецензий и иных материалов в журнале необходимо представить надлежащим образом оформленные материалы, заявку, отзыв научного руководителя (для адъюнкта, аспиранта), справка автора об отсутствии сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати, а также подписанный автором лицензионный договор.

Заявка на опубликование представляется в распечатанном и электронном виде. Лицензионный договор представляется в распечатанном виде. Бланк договора размещён на сайте издания. Договор предусматривает безвозмездную передачу неисключительных прав на произведение. Лицензионный договор является типовым, собственноручно заполняется и подписывается автором.

Требования к оформлению статей

Минимальный объем – пять страниц печатного текста, оформленного в соответствии с указанными ниже требованиями.

Максимальный объем – десять страниц печатного текста, оформленного в соответствии с указанными ниже требованиями.

1. Требования к оформлению печатного текста

Формат файла: doc

Шрифт: Times New Roman (Cyr)

Размер шрифта: 14 кегль

Междустрочный интервал: 1,5

Поля: все по 2 см.

Абзацный отступ: первая строка (отступ 1,25 мм).

Не допускается форматирование абзацев табулятором или клавишей «пробел». Выравнивание устанавливать «По ширине». Сноски (если есть) – концевые, нумерация сквозная.

Фотографии, рисунки представлять отдельными файлами в формате jpg (без сжатия) в чёрно-белом или цветном изображении, с разрешением не менее 300 dpi (точек на дюйм).

Графики, схемы, таблицы, диаграммы и другие графические иллюстрации не представлять как сканированное изображение (т. к. изображение уже невозможно отредактировать).

Список используемой литературы оформляется как «Библиографические ссылки». Ссылки на источники приводятся по тексту в квадратных

скобках с указанием порядкового номера источника в списке литературы и страниц, на которые ссылается автор (например, [2. С. 46]).

Список литературы оформляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 или ГОСТ Р 7.0.5-2008 (обязательно с указанием издающей организации/издательства и полным количеством страниц).

НАСТОЯТЕЛЬНО РЕКОМЕНДУЕМ ИСПОЛЬЗОВАТЬ: SNOSKA.INFO онлайн-ресурс, с помощью которого можно быстро оформить основные типы источников. В тексте ссылки нумеруются в квадратных скобках, номер указывает на источник в списке литературы.

В конце текста автором указывается: «Материал выверен, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником. Материал не содержит сведений ограниченного распространения».

2. Обязательные реквизиты

В начале статьи после её названия автор должен указать: свою фамилию, имя, отчество, место работы, должность, учёное звание, учёную степень, контактные телефоны, адрес электронной почты (если нет личной электронной почты, указывается электронный адрес места работы (кафедры, Института и т. п.), по которому с автором можно связаться).

Аннотацию (не более 500 знаков, включая пробелы), ключевые слова (пять-семь основных слов статьи без расшифровки понятий, через запятую, характеризующих проблематику статьи).

Фамилия, имя, отчество, место работы, ученая степень, ученое звание, аннотация в научной статье приводится на русском и английском языках.

3. Требование к указанию научной отрасли

В статье должна быть указана научная специальность (специальности), которой соответствует тематика статьи. Научная специальность определяется в соответствии с утверждённым приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 25 февраля 2009 г. № 59 Номенклатурой специальностей научных работников.

4. Требования к отзывам на научную статью адъюнктов, аспирантов

В отзыве должны получить отражение следующие аспекты работы: актуальность и оригинальность статьи, теоретическая цельность и практическая значимость статьи, использование материалов, опубликованных по теме статьи, степень структурированности материала статьи, полнота и правильность прилагаемого списка использованной литературы, ясность и понятность стиля изложения текста статьи для читателя, наличие ошибок и технических погрешностей, соответствие выбранной методологии исследования поставленным целям работы, обоснованность выводов, представленных в статье.

5. Требование к соблюдению режима секретности

Журнал является открытым источником для опубликования научных материалов. Требования к соблюдению режима секретности регламентированы действующим законодательством Российской Федерации и нормативными правовыми актами МВД России

К представленному научному материалу должна прилагаться справка автора об отсутствии сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати, заверенная личной подписью.

6. Порядок направления рукописей и издания журнала

Статья представляется в адрес института в виде принтерной распечатки с приложением электронной версии (на CD), соответствующей бумажному варианту.

При этом рукопись статьи должна быть пронумерована и подписана лично автором.

Рукопись, ее электронная копия, отзыв научного руководителя (для адъюнктов, аспирантов), справка автора об отсутствии сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати, может быть направлена по электронной почте в адрес: esiirk-vestnik@mvd.gov.ru. При этом оригиналы направленных по электронной почте документов должны быть предоставлены не позднее двух недель со дня направления их по электронной почте.

Гонорары за публикацию статей не выплачиваются. Электронные версии выпусков журнала размещаются в открытом доступе на странице сайта www.esiirk.mvd.ru.

ВЕСТНИК
ВОСТОЧНО-СИБИРСКОГО ИНСТИТУТА
МВД РОССИИ

Научно-практический журнал
№ 2 (81) 2017

НИиРИО ФГКОУ ВО «Восточно-Сибирский институт МВД России»,
ул. Лермонтова, 110